

PARTI COMMUNISTE INTERNATIONALE
Le Proletaire Programme Communiste
Il Comunista El Programa Comunista

ЧТО ТАКОЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
(сборник №2)

PARTI COMMUNISTE INTERNATIONALE
Le Proletaire Programme Communiste
Il Comunista El Programa Comunista

ЧТО ТАКОЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
(сборник №2)

Перевод с французского: Назаренко Ю. Ф.,
Савченко А.В.

Интернациональный Коммунистический Союз
Новочеркасск
2002 год

Что такое Интернациональная Коммунистическая Партия
Новочеркасск: ООО «Полиграфист», 2002. - 112 с.

В 1999 году в Ростове-на-Дону на русском языке была
издана первая брошюра статей Интернациональной
Коммунистической Партии (ИКП). Представляем читателю
второй сборник.

ИКП является представителем течения, известного под
названием бордигистов, по имени Амадео Бордиги, основателя
Коммунистической Партии Италии. Левое крыло этой партии
порвавшее со сталинизмом, создало в 1943-44г.

Интернационалистскую Коммунистическую Партию. После
раскола в 1952г. она получила свое нынешнее название. ИКП
рассматривает СССР и другие т.н. «социалистические» страны
как государства государственного капитализма. Она выступает
за создание всемирной революционной партии рабочего класса
и мировую социалистическую революцию, как единственно
возможный выход для трудящихся.

**Почтовые адреса Интернациональной Коммунистической
Партии**

во Франции: Editions Programme, 3, rue Basse Combalot,
69007 Lion France

в Швейцарии: Editions Programme, Ch. de la Roche 3, 1020
Renens Suisse

в Италии: Il Comunista, C. P. 10835, 20110 Milano Italia

Заказ № 768. Тираж 500 экз. Отпечатано в ООО «Полиграфист»,
г.Новочеркасск, ул. Московская 20

Содержание:

1. Поворот к политике Народных фронтов или капитуляция сталинизма перед установившимся порядком (пер. Назаренко Ю.Ф.).....	5
- I – VII Конгресс Коминтерна (1935) и равенство сталинизма на социал-демократию.....	6
- Курьезное “определение” фашизма.....	6
- Возврат к старым шаблонам социал-демократии.....	8
- Возврат к “национальному принципу”.....	9
- Старое тряпье парламентаризма.....	10
- Народный фронт во Франции – дорогое дитя сталинизма.....	13
- Тактическая гибкость и торговля принципами.....	14
- Мировая революция или империалистическая война.....	16
- Час истины сталинского оппортунизма.....	17
- Предательство, переодетое в победу “рабочего единства”.....	19
- Диалектика отношений партия-класс оказалась разбита.....	21
2. Демократический метод социальной консервации обогащённый сталинизмом (пер. Назаренко Ю.Ф.).....	28
- Сделать бесполезным использование фашизма.....	28
- Победа фашизма утверждает бесполезность демократии.....	29
- Фашизм, оппортунизм и рабочие организации.....	31
- Па-де-де демократии и фашизма.....	32
- Позволить пройти социальной волне.....	33
- Заставить рабочий класс отказаться от насилия.....	34
- Вопрос “рабочего единства”.....	37
- Вопрос левого правительства.....	39
- Левое правительство и “давление масс”.....	41
- От предательства к признанию.....	43
3. Китай: буржуазная революция совершена, пролетарскую революцию предстоит совершить (пер. Савченко А.В.).....	47
4. Вопрос возобновления классовой борьбы и задачи коммунистов (конференция в Сан-Дона – декабрь 1992) (пер. Назаренко Ю.Ф.)..	54
- Оппортунизм отбросил пролетариат на десятилетия назад.....	56
- Пролетариат оправиться от сегодняшней ситуации только после ожесточенной борьбы внутри самого себя.....	59
- Начинать с самой низкой точки против консервативной и реакционной идеологии стихийности.....	61
- Ошибки классовой партии являются отражением отсталости международного пролетариата и разоблачают плохое понимание марксистской теории.....	62
- Усиление наемного рабства в ближайшем будущем ведет к отказу от классовой борьбы.....	64

- Реформизм сверху, т.е. реформизм буржуазный, необходим господствующему классу для социального контроля.....	66
- Реформизм "снизу", с револьвером или без него, также играет роль амортизатора социального напряжения.....	67
- Революционеры-коммунисты выполняют свои задачи в тесном контакте с рабочим классом, не подменяя его, и в тесном контакте с проблемами классовой борьбы (часть 2).....	70
- Задачи коммунистов вытекают из революционного будущего, а не из случайной ситуации в рабочем движении.....	72
- Вспомним элементарные понятия.....	75
- Деятельность классовой партии с целью вырвать пролетариат из-под влияния оппортунизма и направить его к возобновлению пролетарской классовой борьбы.....	81
- Оценка современной ситуации и перспектива формирования классовой партии (часть 3).....	85

Поворот к политике Народных фронтов или капитуляция сталинизма перед установленным порядком

Наследники Сталина отказываются сегодня от теоретического фасада диктатуры пролетариата и интернационализма с тем, чтобы признать, наконец, уже и в теоретическом плане их практическую капитуляцию перед буржуазным капиталистическим порядком. Но мифы, которые сопровождают их долгую серию отречений, теоретические конструкции и оправдания, которыми они покрывали их последовательные предательства, сохраняют такой материальный вес, что, зачастую, течения, рождённые в качестве реакции на эволюцию сталинизма, претендуют на то, чтобы использовать их как оружие против сегодняшней открытой капитуляции. В частности, это, как раз, случай тактики *Народных фронтов*. Эта катастрофическая иллюзия, мистика которой разделяется всем веером левооппортунистических течений и усиливается их конвергенцией: от сталинизма в маоистских цветах, который видит в чередовании тактик "класс против класса" и "Народных фронтов" *plus ultra* революционной борьбы, до сторонников спонтанных действий, которые ждут от движения масс раскрытия путей к революции, минуя различные варианты троцкизма, которые, когда они осуждают "Народные фронты", делают это лишь постольку, поскольку они включают "буржуазных министров", противопоставляя им единый фронт сталинизма и социал-демократии – как будто не в этом именно и состоит *сущность* Народных фронтов.

Разоблачение реальной функции этих последних имеет, следовательно, самое большое значение для того, чтобы позволить борцам, ищущим путь возобновления пролетарской революции вместе с настоящим коммунизмом, интернациональным и антидемократическим, коммунизмом Маркса и Ленина.

В ряду поворотов дегенерирующего Интернационала, колебания которого становились всё более масштабными и катастрофическими, за поворотом "влево" (характеризуемым тактикой "класс против класса") в 1928-1932гг. с необходимостью должен был последовать новый поворот "вправо". Осуществляемый, начиная с 1934г., сталинизированным Интернационалом, поворот "Народных фронтов" состоял в том, чтобы призвать пролетариат защищать демократию, т.е. сотрудничать с силами и институтами демократии против фашизма, как во внутреннем плане, так и в Интернациональном масштабе. Но этот поворот был представлен его изобретателями, как простое изменение *тактики*: "Народный антифашистский фронт" был представлен, в своём теоретическом изложении на VII Конгрессе Интернационала в 1935г., лишь как *средство* для победы над фашизмом и войной. Само собой разумеется, этот этап был представлен как "этап, приближающий" пролетарскую революцию, которую, на словах, всегда требуют конечные цели, также как и насильственные, диктаторские методы; последующее участие в империалистической войне, политическое условие которой и составлял этот поворот, также был "оправдан" потребностями защиты русской революции и пролетарского интернационализма.

В действительности же, для немногих борцов, которые еще оставались на почве марксизма, было нетрудно показать, что не только защита демократии *не дает никаких гарантий против фашизма*, но и то, что партии, которые впадают в эту иллюзию, *с необходимостью должны превратиться в защитников буржуазного государства против пролетариата*. Трагедия испанского пролетариата, увы, в короткий срок должна была это подтвердить. Для тех, кто твердо придерживается принципов, также не было трудно показать, что признание за фашизмом “ответственности” за развязывание империалистической войны было сигналом перехода в один из империалистических лагерей будущей мировой войны.

Первая часть этого исследования будет анализировать теоретическую основу “Народных антифашистских фронтов” в том виде, в каком она была представлена на VII Конгрессе Коммунистического Интернационала в августе 1935г., также как и исторические причинения всего комплекса сталинизированных партий на установившийся международный порядок. Вторая часть будет посвящена анализу оппозиции и сродству между фашистскими и демократическими методами в свете европейских событий периода 1934-1938гг., также как и оценке того вклада, который сталинизм внес, как раз на московском VII Конгрессе, в арсенал демократических методов социальной консервации.

I – VII Конгресс Коминтерна (1935) и равнение сталинизма на социал-демократию

Курьезное “определение” фашизма

В декабре 1934г. XIII пленум Исполкома сталинизированного Интернационала охарактеризовал фашизм как *“открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала”* (1). Такое определение может привести к самой большой путанице. Верно что фашизм – это “открытая диктатура”, но здесь это единственно верный элемент этого так называемого определения. А откуда берутся эти “наиболее шовинистические секторы финансового капитала”? Не окажется ли, случайно, демократия менее шовинистической, чем фашизм? Не останутся ли навсегда английская, французская и американская демократии образцами империализма и шовинизма? Фактически, такая характеристика обходит молчанием факт чрезвычайно неприятный для всех демократий, именно то, что демократия и фашизм – это лишь *две формы империалистического капитализма*, две формы, которые к тому же не *выбираются* в силу свободной политической воли, а навязываются различными историческими условиями.

Тем не менее, в одном случае можно установить различие между этими двумя формами в их отношении к империализму: если демократическая форма дает политическую оболочку лучше приспособленную к зрелому либеральному капитализму, то фашизм представляет собой оболочку лучше приспособленную к капитализму старческого и империалистическому, потому что он осуществил до конца *тенденцию к концентрации полит*

ческой власти, которая соответствует концентрации экономики финансовым капиталом. Но нельзя из этого заключения делать абсолютный вывод: тем же способом, каким либеральный капитализм смог использовать к своей исключительной выгоде монархию, империализм сумел, в свою очередь, извлечь пользу из демократии и заставить ее удовлетворить глубинным потребностям концентрации финансового капитала (2), как это демонстрирует все более “бронированный” характер, который приобретает демократия после второй мировой войны, эта истинная наследница побежденного, тем не менее, фашизма.

Само собой разумеется, подобное рассмотрение совершенно чуждо “определению” фашизма, данному сталинизмом. Иначе последний не мог бы себе позволить говорить, как он это делает, что фашизм – это наиболее “реакционная политика” финансового капитала: он должен был бы вместе с нами признать, что, напротив, она является “наиболее прогрессивной”, в экономическом плане, разумеется. Но “определение” как раз и не делает никаких различий между планом экономическим и планом политическим. Однако, если фашизм смог интегрировать свободу предпринимательства и интервенционизм государства, если он смог осуществить синтез буржуазного либерализма и социалистического реформизма, то именно потому, что в экономике он является наиболее адекватным выражением империализма, т.е. капитала на его высшей стадии, которую Ленин рассматривал, не в обиду простакам не склонным к диалектике будь сказано, как “преддверие социализма”. Именно по той причине, в политике, он представляет собой централизацию всех сил, всех ресурсов буржуазного общества против пролетариата, что он является синтезом всех форм буржуазного господства, наиболее совершенной, наиболее последовательной формой всей мобилизованной реакции, “реакции по всей линии”. Той, которая не оставляет более пролетариату другого выхода кроме как *сражаться за коммунистическую революцию*, а не за иллюзорный “возврат к демократии”

“Определение” фашизма, данное на XIII пленуме исполкома Коминтерна – вот основа всего теоретического оправдания поворота сталинизма, первый вариант которого был выработан Димитровым в конце 1934г. в следующих словах:

“Фашизм, представляющий наиболее империалистические, наиболее шовинистические элементы крупной буржуазии в ее попытках разрешения кризиса с целью нового передела мира, пытается одурачить широкие массы националистической или расистской пропагандой, восстановить один народ против другого и развязать новую империалистическую войну. Верный своей фундаментальной классовой задаче, раздавить рабочее движение, фашизм хочет объединить наиболее реакционные силы буржуазного мира для агрессии против Советского Союза, авангарда международного пролетариата”.

Вывод, который сделал Димитров, был следующим: *“вопрос единого пролетарского фронта становится центральным вопросом и первостепенной задачей рабочего движения во всех странах”* (3).

Именно таким образом была установлена тесная связь между антифашизмом и войной в теоретическом плане, тогда как “Единый фронт” ясно показал себя как перевод этой ориентации в политическую и практическую плоскость.

Возврат к старым шаблонам социал-демократии

Первый столп сталинской конструкции опирался на призыв прийти на помощь России во имя защиты революции, играя на иллюзии перспективы, которую давала победа Гитлера в Германии: в действительности, формальная претензия сталинистов на Октябрьскую революцию (пролетарское наследие которой они уже разрушили) могла создать иллюзию, что антагонизм между фашизмом и коммунизмом трансформировался, в интернациональном масштабе, в формулу: Германия против России и международного рабочего движения.

Сила внушения такой иллюзии была столь велика, что даже Троцкий стал ее жертвой (4): он и в самом деле думал, что Гитлер не поставит, в своей основе, под сомнение Версальский договор, и что он послужит империализму, в соответствии с расчетами английской и французской демократии, гарантом против России. Такая позиция, которая у Троцкого оправдывала защиту России против германского нападения, бесспорно, связана с непониманием факта, что перерождение русского государства уже было дополнено контрреволюцией, и что больше нечего было защищать в России с точки зрения пролетариата. Впрочем, именно эту позицию мужественно защищали активисты Левых коммунистов в эмиграции, в том числе против сарказма Троцкого, который был не прав смешивая эту позицию с фатализмом КААПДистского типа. Естественно, защита России, такая, какую подразумевал Троцкий, не имела ничего общего с позицией сталинистов, потому что, если даже она и была крайне двусмысленной в России, она не навязывала сама по себе поддержку буржуазии в странах-союзниках России. Но тактический перевод этой позиции был столь неопределенным и включал столько отклонений, что его выродившиеся последователи, даже те, которые погрязли в шовинизме, смогли претендовать на некоторые формулировки Троцкого, как в этой области, так и во многих других. Как бы там ни было, единственная позиция соответствующая марксистской доктрине, была бы борьба за поражение своего собственного государства, даже в том случае, когда Россия заключила бы военное соглашение с ним: пролетарская помощь, оказанная сегодня, ни в коем случае не могла бы помешать подготовке собственных условий оказания наиболее эффективной помощи завтра, помощи, которая состоит в том, чтобы как можно раньше дать революции новое государство.

Второй столп сталинской конструкции был лишь восстановлением, во имя защиты России, старой фальсификации марксизма, уже совершенной в 1914г. социал-демократами, которые искали ответственного за империалистическую войну не в механизме самого способа производства, а в формальном нарушении мира "агрессором", перед лицом которого, во имя "оборонительной войны", было позволено любое патриотическое сотрудничество. Сталинизм вернул к жизни эту презренную теорию, играя на иллюзии противоположности демократии и фашизма, которую победа нацизма, казалось, переместила с внутриполитической арены на интернациональную.

С одной стороны рва, который вскоре разделит Европу, германский империализм необходимостью представлял собой фигуру агрессора тем с большим основанием, что Версальский договор держал его в своей власти и ставил в такое униженное положение, что само его существование неизбежно принуждало его попытаться изменить соотношения сил в свою пользу. А для этого, в конце концов, какое есть другое решение кроме войны

Однако подготовка войны, к которой капиталистический кризис подталкивал изо всех сил, требовал такой мобилизации национальной энергии, что этому покалеченному империализму была необходима самая неумолимая централизация. Именно это сделало из нацизма необходимое орудие (а до его прихода к власти показатель неотвратимости) военного конфликта.

С другой стороны государства-победители пользовались массой преимуществ, полученных от Версаля, не чувствуя, при этом, какой-нибудь озабоченности при виде того, как вся их добыча на всей скорости мчится в Америку. Они могли оплатить себе роскошь демократии, которая дается в качестве премии самым богатым, и даже роскошь принять себе повадки "пацифистов": поддержка их привилегированного положения была, на самом деле, связана, по крайней мере, для Англии и Франции, империализмов находящихся в состоянии упадка, международные зоны влияния которых все меньше соответствовали их реальной мощи, с поддержанием мира с их жертвами и с Америкой, короче говоря, с поддержанием статус-кво. Таким образом, что самые худшие ростовщики, самые хищные империализмы могли давать иллюзию защиты мира: их мира, естественно, мира, который гарантировал их колонии, размещение их капитала, их зоны влияния, их господство.

Делом сталинизма было не только прекращение борьбы против этой иллюзии, распространяемой буржуазной и социал-демократической пропагандой, но и решительное усердие в ее распространении. Более того, оно состояло в принятии демократии и мира и замене в интернациональном масштабе лозунга: борьба против войны посредством подготовки революции и, в случае войны, превращение этой последней в войну гражданскую (лозунг, который сыграл роль рычага в деле восстановления Интернационала большевиками) лозунгами "защиты демократии" и "борьбы за мир". В довершение всей путаницы, эти старые социал-демократические шаблоны были переплетены с фальшивым требованием пролетарского интернационализма (то, чего социал-демократия не осмелилась сделать в 1914г.) и защиты России, которая, в действительности, не имела в себе ничего социалистического.

Возврат к "национальному принципу"

Резолюция по докладу Эрколи (5), принятая VII Конгрессом Коминтерна, клеймила как поджигателей войны германский, японский и итальянский империализм и сетовала на тот факт, что "ликвидация Версальского договора была завершена", тогда как с другой стороны, играя на политических воспоминаниях, она утверждала, что "главным антагонизмом в империалистическом лагере является антагонизм англо-американский": противоречие между двумя этими утверждениями ослабевало, очевидно, для людей, которые рассматривали, даже еще этого не говоря, что антагонизм между будущими странами Оси и будущими союзниками был не межимпериалистическим антагонизмом, а "идеологической борьбой" между демократией и фашизмом!

Ничего удивительного, следовательно, в том, что главные задачи коммунистических партий в борьбе против войны были определены следующим образом: "1. Борьба за мир и

за защиту СССР... 2. Единый народный фронт в борьбе за мир против поджигателя войны... 3. Координация борьбы против империалистической войны и борьба против фашизма...". Здесь было лицемерно заявлено о "борьбе против милитаризма и гонки вооружений (заголовок пункта 4) и утверждалось, что "коммунистические партии во всех капиталистических странах должны бороться против военных расходов (военных бюджетов)"; в пункте 5 столь же лицемерно утверждалось, что "в борьбе против шовинизма задача коммунистов – воспитание рабочих и всего трудящегося народа (!) в духе пролетарского интернационализма". Но пункт 6 поворачивается спиной к предыдущим, превращая в абсолют "борьбу за национальное освобождение", потому что не делает больших различий между капиталистическими государствами и колониями, но между сильными и слабыми государствами: "в случае, когда слабое государство было бы атаковано одной или несколькими империалистическими державами [докладчик вспомнил об исторических разделах Польши, не зная, что вскоре Россия также займется разделом "слабых государств"!], война национальной буржуазии такой страны для отражения этого нападения может приобрести характер освободительной войны".

Нет необходимости искать далее оправдания для патриотического сопротивления. И дал VII Конгресс Коминтерна, разбив все принципиальные барьеры перед сотрудничеством с буржуазией, т.к. это вытекает из следующего положения:

"Если развязывание контрреволюционной войны вынудит Советский Союз для защиты социализма пустить в ход Рабоче-крестьянскую Красную Армию, коммунисты призывают всех трудящихся способствовать, всеми средствами и любой ценой победе Красной Армии над армиями империалистов".

Всеми средствами и любой ценой! И то сказать, что лишь одним годом раньше, на съезде унитарной Федерации Образования (июнь 1934), французский сталинистский лидер Монмуссо рассматривал как "чудовищное предательство, еще худшее, чем предательство 1914г., гипотезу о военном альянсе с СССР, имеющем, в качестве результата священный союз (со своей буржуазией – прим. перев.) под прикрытием защиты СССР (6)! Как он был прав на этот раз! Особенно, когда подумаешь, что этот прихвостень Эрколи Тольятти осмелился сослаться в поддержку своих жалких заключений на блестящую позицию, занятую Лениным и Розой Люксембург на Штутгартском конгрессе 1907г., перед приближающейся войной! Штутгартский конгресс определил, поскольку социал-демократия предала, точку опоры для восстановления Интернационала и точку объединения рабочего класса в его реагировании на империалистическую войну; Московский конгресс 1935г. взял на себя обязательство предать врагу любую подобную реакцию во втором международном конфликте.

Старое тряпье парламентаризма

Другим большим нововведением, осуществленного сталинизмом поворота, была, очевидно, "тактика" "Народного антифашистского фронта". В действительности, поворот, теоретически обоснованный на VII Конгрессе в Москве, уже содержался в Пакте о единстве действий, скрепленный 27 июля 1934г. во Франции между коммунистической и социалистической партиями, пакте, который должен был увенчать равнение, взятое 12 февраля 1934г.

за социал-демократией и анархо-реформизмом (7). В Испании поворот был осуществлен присоединением, в последний момент, компартии к Рабочему альянсу, которое отдало контроль над Астурийским восстанием социалистической партии, то, что придало некоторый народный престиж "Единому антифашистскому фронту" и повысило цену оппозиции социал-демократии фашизму.

VII Конгресс сделал еще лучше, когда расширил "Единый антифашистский фронт" до откровенно буржуазных партий и довел его применение до допущения правительства "Народного фронта". Так в Резолюции по докладу Димитрова, принятой 20 августа 1935г., можно прочитать: *"В условиях политического кризиса, когда правящие классы не могут больше подавить мощный подъем движения масс, коммунисты должны выставить вперед фундаментальные революционные лозунги (например, контроль над производством, банками, роспуск полиции и замену ее вооруженной рабочей милицией и т.д.), пытаясь еще более поколебать экономическую и политическую власть буржуазии и увеличить силы рабочего класса, изолировать соглашательские партии – лозунги, приближающие рабочие массы к революционному взятию власти. Если, в момент подобного напора масс оказалось бы возможным и необходимым, в интересах пролетариата, создать правительство единого пролетарского фронта или антифашистского народного фронта, которое не будет еще правительством диктатуры пролетариата, но которое возьмет на себя обязательство принять энергичные меры против фашизма и реакции, Коммунистическая Партия должна стремиться к созданию такого правительства"* (8).

Это "правительство единого фронта" располагалось, следовательно, на парламентской почве, доводя до абсурда оппортунистическую аргументацию, содержащуюся в казуистике Радека и критикуемой Коммунистической Левого после III Конгресса Коммунистического Интернационала (9). Но его оригинальность, по отношению ко всем действующим социал-демократическим формулировкам, содержалась в факте, что, если его концепция находилась в полном противоречии с принципиальной позицией ленинского Интернационала (поскольку создавала наихудшую путаницу по вопросу о власти и условиях победы революции), то оправдывали ее лишь как "переходный этап" к пролетарской революции, которая всегда требовала насильственные и диктаторские формы.

По этому поводу Димитров в своем докладе расставил все точки над и: только "правые оппортунисты" могли пытаться *"установить особую "промежуточную демократическую стадию" между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата для того, чтобы внушить рабочим иллюзию мирной парламентской прогулки между двумя диктатурами!"* Таким образом, Народный Фронт не должен смешиваться с этой фиктивной "промежуточной стадией"! Он был лишь формой "приближения пролетарской революции"! И Димитров не колебался, когда ссылаясь на Ленина, чтобы показать это отличие! Но от предположения, что такое правительство является формой "приближения к революции", последнее не перестанет от этого быть "формой буржуазной диктатуры": где мы видели, чтобы Ленин поддерживал такое правительство, а тем более участвовал в нем? В соответствии со старой привычкой, сталинизм критикует доктрину правого оппортунизма и, формально, отдает дань воспоминаниям о традиции борьбы против него, чтобы навязать решение... еще более "правое", если так можно сказать, если не откровенно буржуазное.

Это особенность оппортунизма – пытаться все сочетать: реформы и революцию, пар-

ламент и советы, демократию и диктатуру. Сталинизм должен был сделать то же самое отвлеченно ссылаясь на традицию, которая привлекала к нему симпатию широких слоев пролетариата, с тем, чтобы обманным путем получить внедрить все шаблоны консервативного рабочего движения: так, под упаковкой цвета революции, он пытался протащить старое социал-демократическое тряпье парламентаризма. По этим словам, правительство, включающее социал-демократов и другие партии, – далее увидим, что скрывается за этой формулой – смогло бы использовать машину буржуазного государства для того, чтобы принять “энергичные меры против фашистов”, “поколебать экономическую и политическую власть буржуазии” и “увеличить силы рабочего класса”. Но предоставим унылому Мануильскому заботу объяснять этот исторический курьез:

“Мы коммунисты, люди революционного действия, знаем, что сегодняшние буржуазные правительства не реализуют наши требования; в то же время, под давлением масс, эти требования могли бы быть реализованы мощным правительством единого фронта, ставшего народным фронтом”.

В концепции, которая предполагает такое утверждение, буржуазное государство не было бы больше этой машиной, приспособленной через более чем вековую привычку господства в самых разнообразных политических условиях и формах служить все более непосредственно интересам сохранения буржуазного общества в такой степени, что бюрократическая и военная иерархия не может сосуществовать с правительством, которое бы хотело их использовать в другом смысле, в такой степени, что она стала органически неспособной к иной альтернативе, кроме как попытаться его подчинить или отбросить. Именно этот исторический итог, по меньшей мере, обосновывает вывод, к которому пришел марксизм: *машина буржуазного государства должна быть разбита*. Но такой итог имеет очевидно, огромный недостаток в том, что не берет в расчет теоретическое вдохновение гениального Сталина, который придал буржуазной государственной машине такую эластичность, что под давлением масс она становилась бы способной менять природу и действовать в направлении диаметрально противоположном интересам классов, которыми для которых она была создана... К чему приходим, в конце концов, как не к варианту либеральной иллюзии, согласно которой государство, якобы, является выражением “народной воли”, трансформированной, в данном случае, для потребностей момента, в “давление масс”? Однако позволим продолжить Мануильскому:

“Это не будет коалиционным правительством, правительством сотрудничества социал-демократии с буржуазией. Коалиционное правительство было правительством борьбы против левого крыла рабочего класса. Однако это правительство единого фронта – это правительство, которое разрывает классовое сотрудничество с буржуазией, это правительство сотрудничества рабочих организаций, которое разбивает буржуазный блок, это правительство борьбы против фашизма, а не против рабочего класса.

Первое – это правительство, которое прокладывает дорогу фашистской диктатуре, второе – должно расчистить путь победе рабочего класса” (10).

Если “давление масс” может сориентировать машину государства в направлении пролетарских интересов, нет, очевидно, никаких причин для того, чтобы нельзя было сориентировать также в этом направлении и социал-демократию, становящейся в данном случае “правым крылом рабочего движения”. Задача коммунистов сводилась просто-напросто

тому, чтобы “оторвать социал-демократию от классового сотрудничества”, формула, которую с этого времени до тошноты мусолили сыновья и внуки Сталина.

Народный фронт во Франции — дорогое дитя сталинизма

Но тогда как в высоких сферах Конгресса дискутировали об отношениях между Единственным фронтом и интересами рабочих, так же как и о тех, которые должны были существовать между правительством Народного фронта и диктатурой пролетариата, что происходило на почве самой сталинистской практики? Чтобы это понять, достаточно бросить взгляд на Францию, где согласно словам Димитрова “рабочий класс ... показывает всему международному пролетариату пример того способа, каким нужно сражаться с фашизмом. Французская коммунистическая партия дает всем секциям Коммунистического Интернационала пример того, как нужно применять тактику единого фронта ... Манифестация 14 июля – это начало широкого всеобщего народного фронта против фашизма во Франции” (11).

Именно эта манифестация 14 июля 1935г. является исключительной иллюстрацией того, что еще прячется за словами Конгресса: именно на этом празднике Народного единения толпе была представлена новая тройственная семья во французском парламенте: Коммунистическая партия – Социалистическая партия – Партия радикалов. И именно по этому случаю ФКП выдвинула лозунг “Даладь в правительство!” (12). Вот на что Димитров и Мануильский “со товарищи” тонко намекали, когда говорили на Московском конгрессе о “других партиях”! Таким образом, партия, которая годом раньше была охарактеризована (на полном основании!) сталинизмом как “одно из политических образований на службе финансового капитала, [которое] не представляет более интересы мелкой буржуазии как при своем возникновении” (13), благодаря пакту Сталина – Лавалля (14) 1935г. полностью изменила свою природу. Чтобы в этом убедиться, достаточно было бы вспомнить то, что писал генеральный секретарь ФКП Морис Торез в “L’Humanite” 30 июня 1935г.:

“Партия радикалов – это самая большая из партий. Именно она оказывает самое большое влияние на политическую жизнь страны. В ее рядах и за ее комитетами находится масса маленьких людей среднего класса, по которым тяжело ударил экономический кризис. Средний француз [как восхищает новизна и богатство концепции! - Прим. ред.] радикальных взглядов борется, как и мы, коммунистические и социалистические пролетарии, против распространяющейся нищеты”.

Торез просто “забыл” сказать, что радикальная партия состояла также из тех, кто был больше всего связан с этой нищетой и ее увековечиванием! Но все равно: благодаря волшебной палочке сталинизированного Интернационала, она стала партией способной не только провозглашать “энергичные меры против фашистов”, но еще и “принимать эффективные и решительные меры против контрреволюционных финансовых магнатов”! Как видим, сталинизм пошел дальше, чем мильеранизм (15), он поставил себе целью не только сосуществование и сотрудничество с буржуазией, но и превращение финансовых волков и штабных волков буржуазии в ягнят. Естественно, что именно сама ФКП и была

превращена в стадо овец. Вот, впрочем, характерное бляение, произнесенное этим 14 июня 1935г., когда три партии Народного единения хором поклялись в следующем:

“Мы даем клятву оставаться едиными ради защиты демократии, для разоружения и роспуска заговорщических союзов, чтобы защитить наши свободы от покушения фашизма. Мы клянемся в этот день, который вновь воскресит в памяти первую победу Республики, защищать демократические свободы завоеванные Народом Франции, дать хлеб трудящимся, работу молодежи, а всему миру великий и гуманный мир” (16).

Здесь программа и принципы не являются банально буржуазными: они выражены той напыщенностью и тем философским блеском, который достоин радикал-социалистического кандидата мелкого провинциального городка готовящегося “пойти за супом”! Что сказать о гарантированном “труде” и “хлебе”, если не касаться, ни в малейшей степени священных законов собственности, рынка, наемного труда? Что сказать о демократии, которая сидит на спине пролетариата и трудящихся масс колоний и направленной, главным образом, против них? Что сказать, наконец, об этом смехотворном “великом и гуманном мире”, данном миру Даладе, человеком государственного штаба, и защитниками Версальского договора и колониальной империи?

Тактическая гибкость и торговля принципами

Сталинизм всегда ссылался на известную “гибкость” ленинской тактики: но даже самых дерзких тактических маневрах Ленин никогда не терял из виду принципы коммунизма, которые неизменны по определению, которые не зависят ни от исторической ситуации, ни от географического региона; и мы тем более имеем основания для этого утверждения, что Левая требовала от Ленина и от большевиков зафиксировать пределы этой гибкости. Она требовала это для регионов старой демократии, где отношения между классами, формирование партии, а также революционная подготовка масс требуют *более прямых методов*, чем в районах “двойной революции”, где самая большая эластичность тактики всегда твердо связанной с принципами – полностью оправдана самой большой подвижностью различных слоев буржуазии и мелкой буржуазии.

Фальсификация, совершенная сталинизмом под маской “ленинизма” специально рассчитанная на этот эффект, состоит в том, чтобы *включить торговлю принципами в тактическое маневрирование*. Но можно ли всерьез вообразить, если *сегодня* принимают, пусть даже оправдывая это потребностями тактики, принципы и программу противника, если основывают на них организацию партии; если поощряют массы уважать их, что *завтра* будет можно их покинуть, заставляя организацию и массы совершить поворот на 180°? Это означало бы вообразить себе, что партия работает без противников, что буржуазия не оказывает никакого влияния на пролетариат и его партию. Во имя блестящего маккиавеллиевского маневра, это просто приводит к забвению ... классовой борьбы! Но не отвечал ли поворот сталинизма как раз потребностям ее похоронить?

Каким образом можно было сбить с толку пролетариат и для этого, несмотря ни на что, оставить окно открытым для революционного будущего, Димитров должен был сказать в своем докладе на Конгрессе: *“правительство единого фронта, окажется, может*

быть, в ряде стран одной из основных переходных форм” (17). В том же самом ключе Мануильский писал затем, что если правительство единого фронта и не является диктатурой пролетариата, то *“оно должно подготовить установление власти рабочего класса”*, добавляя: *“Оно должно это делать. Что касается вопроса знания о том, будет ли оно это действительно делать, это зависит от ряда условий и, прежде всего, от сплоченности рабочего класса, его боевитости, его твердости и его воли идти дальше”* (18). Что можно сказать о “тактике”, связь которой с принципами установлена в области “может быть”? Что можно сказать о тактике, единственная гарантия успеха которой содержится в “воле масс”, тогда как руководители прилагают усилия как раз к тому, чтобы ослабить эту волю, или точнее, уничтожить ее посредством политики Народных фронтов?

Не составляют ли, в действительности, эти оправдания настоящую теорию безответственности партии перед историей? Выработывая ее, Мануильский и Димитров лишь заставляли признать, что, фактически, “тактика антифашистских народных фронтов” не была “переходом к пролетарской революции”, но что, напротив, тезисы VII Конгресса были переходом, реальным к тому же, к полному отказу от всяких ссылок на революцию и диктатуру.

Новый этап в этом переходе был очень быстро преодолен, когда в мае 1938г. центральный комитет ФКП, чтобы предостеречь от идеи “преодолеть” Народный фронт, должен был утверждать, как нам это объясняет “История Французской коммунистической партии”, что Народный фронт *“был не случайной тактикой, а применением приемлемым для любого исторического периода, необходимых союзов между пролетариатом и средними классами”*... (19). Таково было неизбежное следствие капитулянтской тактики, признания, в некотором роде, своей консервативной функции.

Вот почему маоистская “диалектика” показывает свою несостоятельность, когда она претендует на свою способность осудить Кашена-Тореза-Дюкло и других, всячески защищая Сталина-Димитрова-Мануильского со товарищи. В истории, которую она переписала, тактика VII Конгресса якобы была безупречна по всем пунктам, но ФКП, якобы, сделала из нее оппортунистическое применение, что как бы объясняет предательство забастовок и антиколониальной борьбы. Будто бы имеется пример противоречия между требованиями антиимпериалистической борьбы VII Конгресса Коминтерна и решительно социал-империалистической позицией ФКП этого времени. В действительности, именно слова VII Конгресса, предназначенные для колониальных народов, находятся в противоречии с практикой сталинизма, бесстыдство которой они только прикрывают. То, что должны были объяснить запоздалые критики Тореза, это следующее: как можно поддерживать “свое” собственное государство – особенно, когда оно империалистическое до мозга костей – в соперничестве и конфликтах с другими империалистическими державами, *не потирая, с неизбежностью*, интересы трудящихся колоний? По меньшей мере, “забыть” – как раз то, что и делает маоизм – что расхождение интересов между империалистическими державами распространяется, *в частности*, на вопрос о том, кто будет получать прибыль от эксплуатации колоний ...

Так, например, для маоизма все построения VII Конгресса, защита родины, сотрудничество с правительством, участие в империалистических оргиях под предлогом борьбы против фашизма, все это выходит невидимым из испытания историей. Помимо своей оче-

видной теоретической лживости, этот тезис пренебрегает самой элементарной исторической правдой, как это следует из фактов упомянутых выше. Может, легче допустить, что никто из делегатов в Москве не имел возможности прочесть, до или во время VII Конгресса, о дерзкой выходке ФКП в "L'Humanité", потому что по примеру блестящего теоретика интернационалиста Иосифа Сталина знали только свой родной язык?

Вот к какой эквилибристике обращаются те, кто претендует на право сражаться против предательства сталинистских партий взяв на себя ответственность за теоретические построения сталинизма. Если первые из них контрреволюционны, то вторые лишь прикрывают первых лживыми ссылками на марксизм: в действительности, речь идет о тотальной ревизии принципов ленинского Интернационала.

Мировая революция или империалистическая война

Можно удивляться скорости, с которой третья волна оппортунизма (20) пришла к результатам второй, т.е. к защите демократического государства, прелюдии к сотрудничеству в деле подготовки империалистической войны. В действительности нельзя понять, как ошибки Коминтерна, даже до 1926-28 гг. смогли, с течением времени, привести, в качестве следствия, к отказу от принципов, не приняв в рассмотрение громадное давление чудовищно тяжелой международной ситуации. Это давление требовало от попавшего в шторм Интернационала сопротивления, которого, несмотря на всю волю большевиков, оказалось недостаточно. Изучение причин этой катастрофы (которое выходит за рамки настоящей статьи), впрочем, полностью подтверждает справедливость постоянной озабоченности Коммунистической Левоы Италии в ее отношениях с большевиками: она хотела бы поставить, благодаря еще большей организационной строгости, пределы тактики (которая в свете европейского опыта должна была быть более узкой и более жесткой), ограничения, способные предохранить партию от неудач в обстановке, которую она оценивала, без сомнения, менее оптимистично, чем они.

Если, действительно, рассматривать ее с временного расстояния, то кризис, открывшийся первым империалистическим конфликтом, не завершился с прекращением военных действий. Перед войной революционное крыло социал-демократии – т.е. в первую очередь Ленин и большевики, Люксембург – Меринг – Либкнехт и левая германской партии с которыми Марксистская Левоа Италии была, с момента своего рождения в 1912г. в глубоком согласии – уже имело столь уверенное видение исторической перспективы, представляемой XX веком и уже так насытила им весь Интернационал, что его официальный теоретик Каутский смог в 1909г. охарактеризовать открывающийся период как "период войн революций". Безмерная трагедия следующего десятилетия происходит оттого, что история не делается только наполювину: война, в соответствии с марксистским предвидением, породила революцию, и именно революция остановила войну, освободив от нее Россию, затем, и Германию; но эта революционная волна оказалась, по причине задержки образования коммунистических партий и, особенно, крайних затруднений с переходом на решительно революционную почву, неспособной победить и разбить европейскую крепость буржуазного порядка. С другой стороны, социальное волнение было достаточно интенсивным

для того, чтобы буржуазия не могла навязать жертвы, необходимые для длительной капиталистической экспансии. На I Конгрессе Коммунистического Интернационала можно было сказать, что "политика мира" Антанты "доказывает, в то же время, что империалистические правительства не способны заключить "длительный и справедливый" мир, и что финансовый капитал не способен восстановить разрушенную экономику. Поддержка господства финансового капитала привела бы или к полному разрушению цивилизованного общества или к увеличению эксплуатации, рабства, политической реакции, вооружений и, в конце концов, к новым империалистическим войнам" (21).

Изоляция России и разложение Интернационала уже в 1926г. сделало возможной инверсию отношений между Интернационалом и русским государством, и политика этого последнего, отныне, уже имела целью не мировую пролетарскую революцию, а укрепление отношений между Россией и другими государствами под флагом "социализма в одной стране". Этот результат был достигнут под совместным давлением сил, толкающим к капитализму в России, и мирового империализма, и эта политика уже обернулась предательством китайской революции и великой забастовки английских шахтеров 1926г.

Несмотря на героическую борьбу Левоы оппозиции в России и помощь Коммунистической Левоы Италии, которая, в международном плане, была единственной, которая располагалась на аутентично марксистской почве, несмотря на их общую надежду, что вспышка пролетарской борьбы смогла бы позволить им повернуть течение вспять, история подтвердила, что 1926 год разбил энергию русской партии (22). С этого момента, когда стала удаляться перспектива мировой революции, должна была приблизиться, особенно после огромного кризиса, который потряс капиталистический мир, начиная с 1929г., перспектива новой империалистической войны. Не хватает только случая для того, чтобы признать ее формально. И именно победа Гитлера в Германии его предоставила.

Час истины сталинского оппортунизма

Германия неизбежно должна была поставить под сомнение Версальский договор и, полностью подрывая все европейское и, в частности, восточноевропейское равновесие, либо поднять новую революционную волну в Центральной Европе, либо непосредственно угрожать национальным интересам России. С другой стороны как представить, что как только силы, связанные с развитием капитализма в России, захватили государство, не зародится антагонизм между ними и буржуазной Германией, которая навязала Брест-Литовск не только рабочему, но также – и именно это здесь важно – и крестьянину, а также мелкому капиталисту и управленцу?

Так же как и то, что когда Германия вышла из Лиги Наций, Россия туда вошла. Неподражаемый Сталин открыл, что "притон империалистических разбойников", как о них говорил Ленин, стал "инструментом мира". В этот момент как раз начались переговоры с французским империализмом, которые привели к пакту Лавала – Сталина в мае 1935г., в тексте которого Сталин поощрял военные усилия Франции.

В то же время было бы ошибочно представлять себе, что политическая эволюция Интернационала к империалистической войне была простой равнодействующей сил, которые в России захватили русское государство и подчинили ему партию, которая сформиро-

вала собой центр Интернационала. Эта эволюция глубоко сходилась с эволюцией, которая происходила во всех западных партиях. Вес этих последних был решающим, чтобы увлечь Интернационал на наклонную плоскость оппортунистических ошибок. Их вес был решающим в окончательном переходе к оппортунизму. Как не оказаться в час выбора между войной и революцией?

Если взять германскую компартию, то она, уже в момент оккупации Рура, стала жертвой болезни “национал-большевизма” (23), болезни, которую теория “социализма в одной стране” могла лишь оживить. Таким образом, что в самый разгар “третьего периода” в момент, когда сталинизм рассматривал социал-демократию как “фашистскую левую”, она пыталась оспаривать у фашизма титул наилучшего представителя германской нации, а именно, делая чрезмерные обещания по поводу пересмотра Версальского договора. Что касается борьбы против фашизма, на какой почве реально она велась? Мы не можем здесь задерживаться на политике раскола профсоюзов, противопоставления безработных и занятых рабочих под предлогом, что эти последние принадлежат к “социал-фашистским” организациям, на ультиматизме, который приводил, под предлогом “единого фронта снизу” не столько к отказу от соглашений в верхах между партиями, сколько к отказу в целом от всякого фронта, который бы не был под руководством коммунистической партии, на всей этой якобы “левой” политике, авторство которой мало информированные люди или бесчестные историографы хотели бы приписать Левой КП Италии под названием “бордизм”. Мы скажем только, что, мешая всякой рабочей самообороне против нацизма, она не оставила больше другой почвы для борьбы кроме ... парламентской. В такой степени, что единственное большое сражение немецкой компартии состоялось в выдвижении против Гитлера ... коммунистического кандидата на президентских выборах, усиливая, таким образом, не только правые течения в партии, но также демократические и парламентские иллюзии масс, и это в самый опасный момент.

Что касается французской компартии, то вопреки интернационалистскому лоску, приданному борьбой против оккупации Рура или Рифской войны (24), она всегда была партией подверженной шовинистическому и социал-империалистическому влиянию и влиянию сирен парламентаризма (25). Не воскрешает ли одно только имя Кашена в памяти эти сомнительные центристские силы, которые уже погружены в социал-патриотизм? Это тот самый Кашен, который 19 ноября 1918г. высказался в передовой статье “L'Humaniter” сообщающей о перемирии, о ... великодушии победителей, так по-рыцарски приходящим на помощь побежденной Германии, снабжая ее продовольствием!

“Социализм в одной стране” не рисковал изживать эти тенденции; что касается защитительных тирад, направленных против демократии и социал-демократии, они не помешали ФКП оставаться, по существу, парламентаристской партией, и так называемая тактика “класс против класса” имела последствия лишь ... на избирательной почве.

Как об этом в 1932г. с полным основанием говорил Троцкий по поводу немецких руководителей (26) – но это еще с большим основанием верно для руководителей французских – “*сущность центризма [в то время сталинистов еще ранжировали под этой этикеткой] это оппортунизм. Под давлением внешних обстоятельств (традиции, давление масс, политическая конкуренция) центризм оказывается вынужденным, на некоторый период, щеголять своей левизной. Он должен для этого насильствовать и обуздывать свою полити-*

тическую природу”. Для клики Пика-Тельмана, Кашена-Гореза, Тольятти и других “большевистских” руководителей поворот 1934г. не был тем, что принимают с сожалением, чему безропотно покоряются: он был неизбежной финишной точкой. Не был он для них и *возвратом к точке старта*, как для Кашена и других ископаемых, что Блюм предсказал еще на Турском конгрессе.

С ликвидацией нацистами германской компартии после ее позорной капитуляции, единственной значительной из оставшихся партий была французская. Было удивительно, что склонность ее руководителей следовать требованиям французского империализма исчезает в тот самый момент, когда давление империализма должно было осуществляться сильнее всего, и когда ситуация не позволяла более театрально радикальной позиции, которую природжденные парламентарии могли себе позволить во время неизбежной имитации оппозиции.

Также как для французского империализма победа Гитлера означала постановку под сомнение Версальского договора, ее позиций в Центральной и Восточной Европе, где он служил поддержкой для множества государств, балканизированных Антантой, и их официальным жандармом; следовательно, было естественно, что он противостоял Германии и сумел, в тот или иной момент, сговориться с Россией.

Что касается Испанской компартии, которая сыграла в испанской трагедии столь определяющую роль, то ее эволюция следовала эволюции всех западных партий, но она оставалась совсем маленькой партией до момента совпадения, вместе с поворотом сталинизма, интересов российских руководителей и испанской социал-демократии: она должна была принять определенную форму только благодаря притоку молодых социалистов во главе с Коррильо, обращенного в 1935г. после путешествия в Москву, и массивной отправки, особенно после июля 1936г. (понятно почему) опытных сталинских прихвостней, таких как Кодовилья-Медина, Минев-Степанов и прочие Тольятти-Эрколи-Альберто и развивалась на этой базе только в деле демократической реставрации государства после его развала в июле 1936г. и преследования попыток независимого движения пролетариата.

Предательство, переодетое в победу “рабочего единства”

Мы уже видели, что 1933г. и победа Гитлера делали из подготовки империалистической войны неотложный практический вопрос для русского государства; для центристских и шовинистических течений, которые поднялись к руководству западных коммунистических партий, они также приближали *час истины* в их действительных отношениях с их буржуазией, которая должна была быть доведена до того, чтобы оказать на них решительное давление с тем, чтобы добиться паралича борьбы пролетариата.

Однако именно этот самый 1933г. обозначил поворот в позиции пролетариата, который в течение четырех лет подвергался воздействию самого катастрофического экономического кризиса в истории капитализма, с его резким падением промышленного производства и десятками миллионами безработных, массивным снижением заработной платы без заметного и решительного ответа, за исключением периферийных зон, где кризис стимулировал борьбу рабочих, как в Испании, или борьбу за национальное освобождение, как, например, в Индокитае. Ужесточение кризиса происходило параллельно с подъемом

нацизма в Германии и, в конечном итоге, его победой. Реакция на экономическое наступление капитала, следовательно, должна была быть связана для самих рабочих масс с защитой от фашизма.

Первый удар рабочей волны был дан в феврале 1934г. вооруженным восстанием рабочих Линца перед угрозами канцлера Дольфюса и одновременной вспышкой всеобщей забастовки во Франции, за один день увлекшей 5 миллионов забастовщиков. Движение должно было продолжиться во Франции забастовками июля-августа 1935г., достигнув вершины волны вместе с великой забастовкой и оккупацией заводов мая – июня 1936г. забастовкой, которая сопровождалась широким движением экономической борьбы в Бельгии. Оно должно было, затем, отхлынуть, однако, вместе с забастовками декабря и окончиться вместе с провалившейся забастовкой ноября 1938г. Но, очевидно, именно в Испании, где волнения вызвали, начиная с 1931г., переход к республике, конфликты должны были принять наибольшую остроту, с заметным ускорением вызванным восстанием в Астурии в 1934г.; затем это было вооруженное восстание июля 1936г., затем гражданская война и, наконец, майская забастовка 1937г., которая обозначила окончательную победу республики над попытками независимой борьбы рабочих.

Важно отметить, что эта новая волна рабочей борьбы началась в момент, когда в от псевдолевой тактики Интернационала и капитуляции сталинизма перед Гитлером сделали необходимым новый поворот в тактике сталинизированных коммунистических партий. Однако, с одной стороны, тактика систематичного раскола низовых организаций имела двойной эффект разрушения связи между авангардом и широкими массами, предоставленными прямому влиянию социал-демократии и оппортунизма, тогда как различные повороты Интернационала, которые начиная с 1924 а, особенно, 1926г. были ясно предназначены для дезориентации левого крыла, превращая его позицию в карикатуру, полностью деморализовали тех из борцов, кто не подвергся публичному изобличению и систематическому исключению из партии.

Поворот сталинизма был осуществлен посредством полной капитуляции перед социал-демократией во Франции в ходе забастовки 12 февраля 1934г. (27), которая позволила канализировать реакцию рабочих на защиту республиканских институтов, и пактом о единстве действий ФКП-ФСП, который последовал 27 июля, в котором единый фронт оказался блоком исключительно на легальной и парламентаристской почве и содержал в себе прекращение полемики между участниками. Впрочем, идея такого пакта уже содержалась в призыве исполкома Интернационала ... марта 1933г., который проповедовал единый фронт обороны, уточняя, что он считает *“возможным рекомендовать коммунистическим партиям отказываться от нападков на социалистические организации в ходе совместных акций”* (28), то, что составляло, очевидно, обещание равенства на требования социал-демократии.

Этот поворот сталинизма был, как мы это показали, осуществлен под воздействием двух совпадающих импульсов – из Москвы и от оппортунистических течений западных партий. Но борцам, испытанных последовательными поворотами Интернационала и измененной тактикой “третьего периода”, к отказу от которой они стремились, он показался настоящим очищением и *единственно возможным выходом*. Более того, для масс, которые зачастую включались в движение в первый раз, и для которых идея рабочего единства

которая внезапно появилась из элементарной потребности солидарности, естественно осуществлялась через единство крупных существующих партий. Этот поворот представлялся как содействие их борьбе.

Волна 1917-23 годов отбросила мощный пролетарский авангард на антиоппортунистические позиции, и он смог найти в Коммунистическом Интернационале и русской революции продолжение политики, которую вело перед войной левое крыло социал-демократии, и которую партийный аппарат жестоко предал в августе 1914г. Волна 1934-1938гг. пришла в условиях совершенно других: она осуществила свой взлет в тот самый момент, когда сталинизм выполнял свой резкий переход на самые правые позиции, капитализируя при этом престиж революции, которая дала рабочим массам самую громадную надежду на освобождение.

Широкие пролетарские слои, которые привела в движение эта новая волна борьбы, подверглись, естественно, как это практически неизбежно, по крайней мере, на первое время, всем иллюзиям распространяемым на демократические институты. Это именно здесь роль революционной партии оказывается ключевой для того, чтобы помочь пролетариям, брошенным во главу движения, перейти на почву общей борьбы против капитализма, чтобы объединить их в авангард, спаянный в своих убеждениях и своей революционной твердостью, и усилить его для того, чтобы оплодотворить социальное движение революционными принципами, чтобы подготовить и ускорить исторически неизбежное столкновение с буржуазным государством какова бы ни была его форма. Но в 1934-1938гг. наиболее боеспособные рабочие были выдвинуты вперед в тот самый момент, когда активисты, которых сталинизм разбил, истощил и деморализовал, отступили и перешли в хвост социального движения. Таким образом, поворот сталинизма имел, в качестве результата, укрепление масс в их реформистских и легалистских иллюзиях и сделал бесплодным весь революционный потенциал социальной волны.

Далеко за пределами этих непосредственных результатов, ужасных самих по себе, катастрофа имела исторические последствия еще более губительные потому, что, в отличие от катастрофы в августе 1914г., она представила себя не как открытое предательство, как отказ от декларированных целей и принципов, но как победа рабочего единства навязанная самим пролетарским движением, под знаменем формальной преемственности русской революции и интернационализма.

Диалектика отношений партия-класс оказалась разбита

Мы были не единственными, кто сравнивал драматические события этого периода с предательством социал-демократии в августе 1914г. Троцкий сам это сделал в момент капитуляции сталинизма перед нацизмом в феврале – марте 1933г. Но даже революционер такого масштаба недооценил реальное значение катастрофы в такой степени, что думал, что может опереться, как в 1917г., на рабочую волну, чтобы оживить партию позволить ей вновь пойти на подъем. Неоспоримо, идея была благородной, но, к несчастью, она должна была оказаться совершенно бессильной.

Нужно взять в расчет из этих соображений, если действительно есть желание понять неудачные попытки Троцкого, который видел в едином фронте, увенчанном пактом о един-

стве действий ФКП-ФСП, пролетарское и потенциально разрушительное содержание, которое, как он надеялся, трансформируется в открытый конфликт между потребностями широких рабочих масс и коллаборационистской волей реформистских вождей.

Конечно, Троцкий также оставался пленником слишком широкой и слишком гибкой интерпретации Единого фронта, за который он был солидарно ответственен вместе со всеми большевиками и от которой Левая четко отмежевлась. Но в данном случае проблема nämlich переросла чисто тактическую область и коснулась важных теоретических вопросов. Несчастье было в том, что партия была разрушена, тогда как для того, чтобы умело пользоваться тактикой, нужна именно партия, т.е. организация единая в своих целях и четко установленных принципах. Однако Троцкий воображал себе, что эти принципы составляют часть достояния течения, которое именно во Франции или Соединенных Штатах противодействовало сталинизму, то, в чем, увы, он полностью ошибался.

Однако Троцкому было дано доказательство опасности его метода: в действительности троцкистское течение, которое всегда боролось за "Единый фронт ФКП-ФСП" и которое представило его осуществление как победу, всячески критикуя его ориентацию, не должно ли было оно потерять свое влияние в тот самый момент, когда этот фронт появился на свет, как свидетельствуют все историки троцкизма, от Бруз до Франка и включая Крепо? Но Троцкий этого не заметил и пошел еще дальше в своем заблуждении. Вместо того, чтобы понять, что главный рычаг маневра (т.е. партия) должен быть восстановлен, начиная с ясного подтверждения принципов и реального исторического итога, он избрал новый маневр для того, чтобы создать этот рычаг ценой еще большего смешения принципов: для того, чтобы оплодотворить Единый фронт ФКП-ФСП нужно было войти в организации, которые им руководили, чтобы сохранить контакт с организованными рабочими и влиять на элементы, толкающие руководство влево: такова была тактика энтризма в социалистические партии.

Что могли извлечь из этого активисты, которые, всячески противодействуя сталинизму, не имели в действительности никакой солидной принципиальной основы, за которую можно было бы зацепиться? Какой они могли сделать вывод из попытки возобновить, в радикально отличной ситуации, а именно в *отсутствии классовой партии*, маневр, осуществленный Интернационалом в 1919-1923 гг. в направлении революционеров-синдикалистов? Какой они могли сделать из этого вывод, если не тот, что *тактика не зависит больше от ситуации*, что она становится *рецептом* и хуже того, что *партия конституируется организационными рецептами*? Таков общий фон бесконечного разнообразия сегодняшних троцкистских организаций.

Таким образом, ситуация была еще намного серьезней, чем ее представлял Троцкий, потому что все пружины независимого пролетарского движения были разбиты, потому что *вся диалектика отношений между партией, авангардом и классом была разрушена и извращена*. Это поняли активисты Левого в эмиграции. Они знали, что новое оживление неизбежно было бы долгим и трудным: то, что Троцкий принял, в своей резкой полемике против них, за фанатизм, в действительности было лишь признанием этой жестокой реальности – из которой они извлекли не повод для уныния и отказа от борьбы, но дополнительное обоснование поддерживать наибольшую твердость в принципах, двигаясь против течения.

Конечно, было особенно трудно перейти, именно в условиях отсутствия партии, к практическому применению теоретических положений марксизма. Это позволяет понять, как, в их желании защищаться от смертельной опасности оппортунизма и активизма, активисты Левого в эмиграции не смогли оградить себя от некоторой негибкости в теории, не свободной, порой, от метафизики, что создавало благоприятную почву, чтобы даже впасть в некоторые теоретические ошибки: то, что Троцкий, играя на ложной репутации данной Левого, думал, что может показать как доказательство неспособности "бордизма" выйти из политического инферентизма и анархизма. В действительности, вопреки этим ошибкам, эмиграция смогла, как мы уже об этом писали, "обеспечить физическую преемственность группы" между Левого Коммунистической партией Италии – а через нее и Коммунистическим Интернационалом – и нашей сегодняшней маленькой партией. Эта преемственность была тем, что позволило передать мощный порыв революционного энтузиазма и аутентичную традицию коммунистического милитантизма. Каков сегодня итог того, что оставили Левая оппозиция и Троцкий, который иронизировал над нашим, рассматривая его как ничто (29)? Увы, революционный гигант, каким он остался, несмотря на свои громадные ошибки, наверняка покраснел бы сегодня за итоги, которые воплотились в его последователях.

Условием всего в ту эпоху был сбор, пусть и ценой долгого исторического периода, кусков разбитого механизма, этого громадного рычага исторической борьбы, каким является коммунистическая партия. И с этой целью, само социальное движение могло быть какой-нибудь помощью, только если предварительно был восстановлен теоретический, доктринальный, принципиальный и программный костяк. Именно из этого нужно было исходить. Это был не первый случай, когда проявлялась такая ситуация в истории рабочего движения: только на этот раз болезнь была серьезней, чем когда-либо, опустошение более жестоким, склон – более трудным для нового подъема (30). И если Итальянская Левая смогла взяться за эту задачу и довести ее до конца, то это потому, что она увидела приход оппортунистической опасности, даже если до 1928г. никогда не представляла, что последняя может превратиться в столь жестокую катастрофу; это потому, что с самого начала боролась за то, чтобы Интернационал мог ей противостоять.

Примечания

- (1) "Le fascisme, le danger de guerre et les taches des partis communistes" (Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий), Bureau d'edition, Paris, 1934, p.6.
- (2) Если хочется, несмотря ни на что, найти различие между различными секторами финансового капитала и, если рассматривать для этой цели пример Франции того времени, то не были ли самые "реакционные" сектора финансового капитала представлены именно радикализмом, который питается из ростовщического характера французского финансового капитала развивающегося на слабой и архаичной индустриальной базе? Что касается самого империалистического, не был ли это сектор, связанный с ростовщическим господством над Центральной Европой и ставший там жандармом, или сектор, связанный с потребностями реструктуризации колониальной империи, выражением которой позже сделается голлизм? Очевидно, что невозможно ответить на вопрос, который в политическом плане ставится лишь в мелкобуржуазной мифологии; сталинизм, впрочем, разрешил эту проблему на практике ... последовательно вступая в союз с обоими секторами!

(3) Выдержка из статьи Димитрова "La lutte pour le front unique" (Борьба за единый фронт), появившейся в "Correspondance Internationale", n 102-103, 17 ноября 1934.

(4) См. на эту тему статью под названием "La victoire d'Hitler signifierait la guerre contre l'URSS" (Победа Гитлера означала бы войну против СССР), опубликованной на французском языке в "Comment vaincre le fascisme" (Как победить фашизм), Ed. Buchet-Chastel, Paris, 1973, pp. 235-244.

(5) "Les taches de l'Internationale communiste en liaison avec la preparation d'une nouvelle guerre mondiale par les imperialistes" (Задачи Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны – резолюция по докладу т. Эрколи, принятая на VII Конгрессе Коммунистического Интернационала 20 августа 1935г.), "l'Internationale communiste", n 17-18, pp. 1971-1977. Эрколи – псевдоним Пальмиро Тольятти, члена группы "ординувистов" из Турина, издававшей газету "L'Ordine Nuovo" и возглавляемой Антонио Грамши. Последний был поставлен во главе Итальянской компартии в 1923г., когда левое руководство партии, возглавляемое Бордигой, было арестовано. П. Тольятти, верный последователь всех поворотов сталинского Коминтерна, стал генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии в 1927 и оставался на этом посту до самой смерти в 1964г.

(6) См. по G. Lefranc "Histoire du front populaire (1934-1938)" (История народного фронта (1934-1938)), Ed. Payot, Paris, 1965, p. 73.

Моимуссо – бывший синдикалист-революционер, руководитель Унитарной Всеобщей конфедерации труда с 1922 по 1932гг. Вступил в ФКП в 1925г. Войдя в 1926г., по милости Сталина, в состав Политбюро, он оставался его постоянным членом. В 1936г. избран депутатом от Народного Фронта.

(7) См. на эту тему статью "Les lecons du front populaire (1936)" (Уроки народного фронта (1936)), появившуюся в "Le Proletaire" n 227.

(8) "L'offensive du fascisme et les taches de l'Internationale communiste dans la lutte pour l'unité de la classe ouvriere contre le fascisme" (Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма – резолюция по докладу Димитрова VII Конгрессу Коминтерна от 20 августа 1935г.), "l'Internationale Communiste", n 17-18, 1935, p. 1465.

(9) См. на эту тему пять статей, озаглавленных "Тактика Коммунистического Интернационала", появившихся в прессе КП Италии в период с 12 по 31 января 1922г. и вновь опубликованных "Programme Communiste" n 53-54, также как и выступление А. Бордиги на V Конгрессе Коминтерна, опубликованном в "Programme Communiste" n° 53-54.

(10) "Bilan du VII Congres de l'Internationale Communiste" (Итоги VII Конгресса Коммунистического Интернационала), "l'Internationale Communiste", n 20, p. 1631, подчеркнуто в тексте.

(11) "L'offensive du fascisme ..." (Наступление фашизма ... - доклад VII Конгрессу Коминтерна (текст стенографически сокращен)). "l'Internationale Communiste", n 17-18, 1935, pp. 1284-1285.

(12) Даладьё – председатель левобуржуазной антиклерикальной Радикальной партии. Многократно входил в состав французского правительства, в том числе и в качестве его главы. После победы на парламентских выборах 1932г., вместе с поддержавшими их социалистами, радикалы получили большинство в парламенте. Во время правого мятежа в феврале 1934г. правительство возглавлял Даладьё. Обвиненный в расправе над демонстрантами, он подал в отставку. В это время члены компартии именовали его не иначе как "фашист" и "Даладьё-

палач".

В первом правительстве Народного Фронта он занял пост министра вооружений. А после отставки Блюма, с апреля 1938 до марта 1940г. он вновь возглавляет правительство. Даладьё подавил всеобщую забастовку ноября 1938г. и запретил компартию в 1940г.

(13) "Le parti radical. instrument de fascisation" (Радикальная партия, орудие фашизации), статья Ж. Берлиоза в "Correspondance internationale", n 48-49, 1934.

(14) Пакт Сталина – Лавалля о взаимной военной помощи был подписан 2 мая 1935г. в Париже. Вслед за этим министр иностранных дел Франции Лаваль прибыл в Москву для проведения переговоров со Сталиным и Молотовым. Официальное совместное комюнике подтверждало обязательство обеих сторон "не допускать ни в малейшей степени ослабления их национальной обороны. В этом отношении г. Сталин понимает и полностью одобряет политику национальной обороны, осуществляемую Францией для поддержки своих вооруженных сил на безопасном уровне".

После подписания договора ФКП немедленно оставила свою интернационалистскую и антиимпериалистскую риторику (остановив, в частности, свою кампанию против 2-х летней военной службы) и встало на путь патриотизма, приведший ее к Народному Фронту.

После военного поражения Франции Лаваль занимал пост Председателя Совета министров при режиме Петэна и был сторонником безоговорочного сотрудничества с Германией. Арестованный Петэном, он был освобожден немцами и насильственно возвращен на пост главы правительства. После войны расстрелян "за сотрудничество с врагом".

(15) Мильеранизм: По фамилии французского социалиста оппортуниста Мильерана, который в 1899 г. стал министром торговли и промышленности в "левом" правительстве, образованном по окончании "дела Дрейфуса", в ходе которого социалисты и буржуазные антиклерикалы действовали сообща, защищая офицера, еврея по национальности, от ложных обвинений. Мильеран стал первым социалистом, вошедшим в буржуазное правительство. Термин мильеранизм ("ревизионизм на практике" по словам Ленина) стал нарицательным. Он был официально осужден, хотя и в несколько двусмысленной форме, Международным социалистическим конгрессом в Париже в 1900г.

(16) G. Lefranc, op. cit., p. 82. Едва ли есть необходимость напоминать, что этим же 14 июля Ж. Дюкло разразился бранью против "тех заинтересованных противников, которые хотели бы противопоставить красное знамя триколору, а "Марсельезу" – "Интернационалу". (G. Lefranc, ibid., p. 84).

(17) Доклад Димитрова, op. cit., p. 1300.

(18) "Bilan du VII Congres..." (Итоги VII Конгресса ...) op. cit., p. 1631.

(19) "Histoire du parti communiste francais" (История Французской коммунистической партии), Edition Social, p. 346.

(20) Первая волна оппортунизма в социалистическом рабочем движении поднялась в конце XIX века и была связана с ревизионистской теорией Берштейна; вторая имела место с началом первой мировой войны, когда практически все партии II Интернационала перешли на сторону своей буржуазии под лозунгом "защиты отечества". Третья оппортунистическая волна захватила уже Коммунистический Интернационал, созданный в качестве реакции на оппортунистическое перерождение II Интернационала. См. "Vagues historiques successives de degeneressence opportuniste" (Последовательные исторические волны оппортунистического перерождения), в статье "Theses caracteristiques du parti" (Характеристические тезисы партии), опубликованную в сборнике "Defence de la continuite" du programme communiste" (За-

цита преемственности коммунистической программы), p. 172.

(21) "Theses sur la situation international et la politique de l'Entente": Manifestes, theses et resolution des quatre premieres Congres de l'International Communiste. (Тезисы о международном положении и политике Антанты: Манифесты, тезисы и резолюции первых четырех конгрессов Коммунистического Интернационала). Maspero reprint.

(22) Здесь нет возможности развивать этот исторический вопрос гигантского значения. Для этого мы отсылаем читателя к нашим кратким тезисам 1957г. по русскому вопросу, появившимся на французском языке под заголовком "Марксизм и Россия" и вновь опубликованном недавно в 68 номере этого журнала ("Programme Communiste"), также как и исследование, начатое в том же номере о "Кризисе 1926г. в Российской компартии и Интернационале". Но, особенно, мы приглашаем дружественного нам читателя, знающего итальянский язык, прочесть нашу книгу "Struttura economica e sociale della Russia d'oggi" (Edizioni Il Programma Comunista, Milan, 1976).

(23) В начале 1923г. французская армия оккупировала Рурскую область, чтобы заставить власти Германии платить военные репарации, наложенные Версальским договором. Эта оккупация вызвала волну национализма, к которой, с согласия Интернационала, примкнула и компартия Германии. В ходе расширенного Исполкома Коминтерна в июне 1923г., Радек, советник Коминтерна при КПГ, без колебаний утверждал, что немецкий национализм имеет революционное значение, в то время как Зиновьев поздравлял себя с тем, что одна буржуазная немецкая газета признала "национал-большевистский" характер КПГ. (см. "Defence de la continuité" du programme communiste", p. 90-92)

(24) Как и во время оккупации Рура, так и во время Рифской войны (которую северомарокканские повстанцы под руководством Абд эль-Крима вели против испанских, а затем и французских оккупационных войск в 1924-26гг.) ФКП вело шумную кампанию протеста (гл. образом на парламентском уровне), слабости которой, впрочем, были подвергнуты критике со стороны Интернационала.

(25) Для того, чтобы ясно обозначить эти шовинистические тенденции, небесполезно напомнить, что в 1927г., тогда, когда безработица увеличивалась и поражала в первую очередь иностранных рабочих, "L'Humanité", пером Семара, выдвинула этот постыдный лозунг "закрывать границы!".

(26) Л. Троцкий, "La seul voie" (Единственный путь) в "Comment vaincre le fascisme" (Как победить фашизм), op. cit., p. 283.

(27) Мы вновь отсылаем читателя к "Le Proletaire" n 227: забастовка 12 февраля была "состряпана", согласно выражению Ж. Лефранка, вождями ФСП, ВКТ и радикальной партии под прямым арбитражем шефа самого правительства Гастона Думерга. Это показывает, до какой степени широкие массы находились под прямым влиянием буржуазии, благодаря работе социал-демократии, которой сталинизм всерьез не противодействовал. Это влияние проявлялось через устойчивость того, что можно было бы назвать "республиканским рефлексом", выкованным в долгой привычке борьбы рядом с буржуазией, но который в эпоху империализма и пролетарской революции означал пацифизм и парламентскую отраву, патристическое сотрудничество, шовинизм и социал-империализм. Именно этот "рефлекс" сработал в ходе дела Дрейфуса в 1889г., подчиняя марксистское крыло Французской Рабочей Партии радикальным болтунам и филантропам, недавно перешедшим к социализму для того, чтобы помчаться на помощь республике против "реакции". Именно этот "рефлекс" приобрел SFIO в 1914г., который и заставил его примчаться на помощь республике против "прусского милитаризма".

Нет никаких сомнений, что политики, которые взяли на себя инициативу забастовки 12 февраля, держали в уме эпизоды из дела Дрейфуса, и что они сделали ставку на "республиканский рефлекс", чтобы канализировать ненависть к фашизму и буржуазному насилию на почве "защиты Республики".

Конечно, ФКП всегда делала вид, что забастовка 12 февраля была результатом ее инициатив (и не без оснований!). В действительности же она присоединилась к ней в последний момент, полностью равняясь на цели забастовки и большой демонстрации в Париже, символически сходящейся к площади Нации, вокруг монумента Республики.

(28) См. "L'Humanité" за 5 марта 1933г. По поводу этого призыва Троцкий сделал очень верное замечание, которое его переродившиеся последователи давно забыли и прячут от пролетариев, а именно, что единый фронт абсолютно не исключает политическую борьбу. Потому что "отказ критиковать союзников прямо и непосредственно ведет к капитуляции перед реформизмом" ("La Tragedie du proletariat allemand" (Трагедия немецкого пролетариата) в "Comment vaincre le fascisme" (Как победить фашизм) p.342).

(29) "Bilan" (Итог) был органом Лево́й в эмиграции после "Prometeo".

(30) Одной из главных идей, защищаемых ядром Лево́й в эмиграции, была та, что час восстановления партии еще не пришел. Активисты Лево́й знали – и никто не сможет у них этого отобрать – что создание партии предполагает исключение итогов из тактики Интернационала и полное восстановление принципов коммунизма и доктрины, достояние, которым Лево́я владеет сообща вместе с большевиками.

Странствующие рыцари политического равнодушия в поисках исторического легитимизма, от "Revolution International" (Международная революция) и "Constant communiste international" (Международное коммунистическое течение) до "Invariance" (Неизменность), включая "Mouvement Communiste" (Коммунистическое движение) придали этой позиции всеобщую ценность для всего периода контрреволюции для того, чтобы извлечь из нее этот вывод полностью чуждый марксизму: "в период контрреволюции создание партии невозможно". Однако, действительное теоретическое допущение такой ступности – это то, что в контрреволюционный период все, якобы, является контрреволюционным! Группа "Invariance", следовательно, абсолютно последовательна, когда она приходит из этого к отрицанию необходимости Революции!

Но у эмиграции не было такой концепции: если она не смогла восстановить теоретические основы восстановления партии, ее активисты не колебались отдать свои силы партии, восстановленной на этих основах после войны. Это, следовательно, лишь грубое недоразумение, что сторонники тезиса, согласно которому партия может сегодня быть лишь группой или "фракцией" (один бог знает отчего!) отстаивают свое право на итальянскую Лево́ю.

Демократический метод социальной консервации обогащённый сталинизмом

После изучения теоретических оправданий поворота сталинизированного Интернационала в их взаимосвязи с историческими условиями того времени, нам необходимо теперь показать, в чём состоит демократический метод социальной консервации, применённый в ход уже социал-демократией и как сталинизм, присоединяясь к нему, его обогатил.

Сделать бесполезным использование фашизма

Необходимо изучить в целом результаты двух больших экспериментов, деятельность Народных фронтов во Франции и в Испании (1), потому что они оба дополняют друг друга: видеть их отдельно друг от друга означало бы потерять их реальное значение и смысл, также как и смысл и значение великого поворота 1934-1938гг.

События во Франции подтверждают на практике прямую связь, установленную (под прикрытием антифашизма) сталинизмом в теории между политикой Народного фронта и империалистической войной, теории, венчающую часть которой мы увидели на VII Конгрессе Интернационала. Все действия Народного фронта во всех областях были обусловлены перспективой будущего столкновения с германским империализмом (2). Ради "защиты Родины", т.е. в действительности французского империализма, добровольно были принесены в жертву требования борьбы пролетариата и требования освободительной борьбы народов колоний, создавая, таким образом, противоречие, которое неизбежно должно было со временем трансформироваться в открытый конфликт.

Во Франции столкновение между правительством Народного фронта и рабочих масс и народов колоний не имело достаточно времени для реализации. Оно было отодвинуто до конца империалистической войны, когда восстание плебейских и крестьянских масс в Алжире, Индокитае и Мадагаскаре столкнётся с правительством с участием коммунистов и социалистов, но без всякого отклика в форме пролетарской борьбы в метрополии.

В Испании, где революционные традиции пролетариата были очень живучи и не столь притуплены огромными демократическими амортизаторами, как у её соседки, борьба, естественно, была более открытой и быстрее привела к огромному социальному взрыву: прошло не более года между победой на выборах Народного фронта и кровавыми репрессиями в 1937г. против забастовки в Барселоне, вызванной полной несовместимостью между демократическим методом противодействия франкистскому мятежу и глубинными потребностями пролетариата и крестьянской бедноты.

В чём, следовательно, состоит демократический метод, в течение более пятнадцати лет используемый социал-демократией и на который сталинизм, в свою очередь, должен был взять равнение в 1934г. — с той единственной особенностью, что он соединил его с требованиями пролетарского интернационализма и защиты России и требованием, для завтрашнего дня, жестких диктаторских методов, от которых он отказывался для дня се-

завтрашнего? Этот метод состоит в том, чтобы сделать фашизм бесполезным, требуя от пролетариата отказаться от своей независимой классовой борьбы, или, если угодно, делая это лучше, чем фашизм.

И это легко понять. В действительности, между фашизмом и демократией нет классового антагонизма, но есть *противоречия в методе*. Две формы буржуазного господства не получают своего оптимального развития в одних и тех же исторических условиях, с одной и той же конфигурацией межклассовых отношений. Различие между фашизмом и демократией заключается в том, что первый ставит себе целью навязать силой то, чего второй пытается достигнуть соглашением (впрочем, и тот и другой соперничают в демагогии социальной реформизма). Демократический метод борьбы против фашизма состоит, следовательно, в том, чтобы добиться от пролетариата преклонения перед установившимся порядком и признания монополии на насилие со стороны буржуазного государства, с тем, чтобы буржуазия не обращалась к фашизму и не отдавала себя организации граждан, которые дополняют государство, обеспечивая, если надо, более эффективную централизацию своей машины для того, чтобы раздавить пролетариат (3).

Победа фашизма утверждает бесполезность демократии

Чтобы уточнить пределы противостояния между демократией и фашизмом, достаточно изучить поведение различных политических сил в тот момент, когда оно оказывается неизбежным с наибольшей ясностью, т.е. в момент их столкновения.

Не вызывает сомнения, что восстание австрийских рабочих в феврале 1934г., которое привело к открытому столкновению между Дольфусом и социал-демократией, так же как и восстание в Астурии в том же году по призыву Рабочего альянса, находящегося под влиянием социалистической партии, в качестве непосредственного результата, в эпоху слаби без боя организованного рабочего движения в Германии, получило переоценку социал-демократических партий и их методов; этот факт основательно помог равнению на них сталинизма.

Но что можно увидеть, если постараться хладнокровно вскрыть механизм этих трагических событий? Даже когда оппортунизм способен — особенно под прикрытием временного перехода в оппозицию — надеть революционную маску и опереться на социальную волну, доходя даже до вооруженного восстания, он никоим образом не делает его для того, чтобы победить, но всегда для переговоров о новом распределении правительственных кресел, как это следует из нашего исследования о "Контрреволюционной функции демократии в Испании" (4). С другой стороны, если он и опирается на порыв пролетариата, то именно для того, чтобы отстаивать требования, которые не имеют ничего общего с текущей борьбой. Именно это явно показывает позицию австрийской социал-демократии, оппозиция которой Дольфусу была мотивирована соображениями международной политики, в данном случае ее желанием видеть Австрию, равняющуюся на англо-французскую дипломатию (5).

Вот что, очевидно, может лишь укрепить нас в нашем понимании, что наихудшей опасностью для революционной партии является намерение идти к власти с другими партиями и даже руководить вместе с ними борьбой против власти. В то же время этот вывод не

мог бы содержать в себе – повторим мы, чтобы отбросить укоренившуюся легенду – отказ от создания единого фронта пролетарской обороны, экономической, политической и даже военной в открытых классовых организациях, в которые, теоретически, могут, следовательно, вступить и рабочие подверженные влиянию оппортунистических партий, но вовлеченные в классовую борьбу, что отвергает тактика так называемого “третьего периода”, ошибочно смешиваемая с нашей.

Что важно понять, это то, что принципы, которыми руководствуется социал-демократия, в том числе, когда она противостоит фашизму, становятся, в час открытого конфликта, такими путями для ответа пролетариата – когда они не обвязывают с ним сражаться открыто – что они составляют, в конце концов, *самый верный способ привести пролетариат к поражению*. Недавняя чилийская трагедия только что, хотя и в других исторических и политических условиях, принесла этому новое подтверждение.

Суть вопроса очевидно в том, что не существует классовой противоположности между фашистскими и демократическими методами. Но это не объясняет, почему, в данный момент, эти два метода могут столкнуться между собой, после того как действовали сообща. Чтобы это понять, нужно рассмотреть, общие требования исторической ситуации и потребности господствующего класса.

Рассмотрим сначала случай Германии. Конечно, если нацистский метод в конечном итоге взял верх в январе 1933г., то это потому, что нацизм смог победить пролетариат, который сражался в разрозненном строю. Это поражение было обвязано не только преступной позиции социал-демократии, которая отказывалась от всякого сопротивления (когда она сама не становилась инструментом репрессий против пролетариата), но также и катастрофической тактике сталинизма. Результат был таким, что рабочий класс, полностью парализованный, должен был сложить оружие без боя, а негативные последствия этого ощущаются еще и сегодня. Но это объясняет лишь то, почему рабочий класс был разбит, но не то, почему буржуазный класс высказался в конечном итоге в пользу нацистского метода. Однако, обоснование этого выбора следует искать в том факте, что вопреки действиям, в конечном счете направленным в одну сторону, социал-демократии (своей уже открыто контрреволюционной ролью) и сталинизма (преступным оппортунизмом, что ведет к тому же), немецкий рабочий класс не был еще в достаточной степени укрощен для того, чтобы принять, за здорово живешь, жертвы, требуемые германским империализмом.

Закон, который повлек за собой уничтожение социал-демократии, с еще большей ясностью проявляется на периферии Германии, где классовые антагонизмы долго не могли разразиться благодаря в высшей степени соглашательской роли левой социал-демократии в ее самой медоточивой форме австро-марксизма. Если, как это отметил сам Отто Бауэр, Германия всегда обуславливала австрийские события, уничтожение социал-демократии в Германии было лишь прелюдией к ее уничтожению в Австрии. Социал-демократию толкнули к самоубийству в феврале 1934г., потому что тогда, в отличие от 1927г. – когда она противопоставила себя вооруженным рабочим на стороне государства – никакое соглашение не было более возможным с Дольфусом (6). Это как раз то же самое, что произошло в Испании, как только республика выполнила свою историческую миссию.

Другими словами, если социал-демократия старается доказать бесполезность фашизма, *фашизм своей победой утверждает бесполезность социал-демократии*. Что является

способом заявить, что демократия, защищаемая партиями добровольного классового сотрудничества, не имеет больше никакого интереса для буржуазии с того момента, когда это сотрудничество невозможно. Это причина, по которой фашизм, в качестве попытки придать унитарное направление буржуазному государству, должен даже избавиться от структур других партий, а с ними и от части их состава, который не хочет подчиниться или увеличить его ряды: он не может терпеть привычки, традиции и прочие пристрастия, которые при некоторой степени остроты классовой борьбы, становятся путями для эффективности государства.

Фашизм, оппортунизм и рабочие организации

Специфическая позиция фашизма по отношению к оппортунистическим партиям и профсоюзным организациям заслуживает особого внимания. В самом деле, тот факт, что фашизм нуждался в уничтожении оппортунистических партий в определенный момент социальной борьбы, совершенно не позволяет говорить о “непримиримой противоположности” между ними. Увы, даже Троцкий не боролся всерьез против такой идеи: его критика дурацкой теории социал-фашизма очень часто заставляла его перегибать палку в другом направлении и некритично осуждать, например, следующее утверждение Тольятти:

“Проблема взаимоотношений, существующая между фашизмом и социал-демократией ... принадлежит к этой области (т.е. непримиримой противоположности между фашизмом и рабочими организациями). С этой точки зрения фашизм резко отличается от всех других реакционных режимов, которые были установлены до настоящего времени в современном капиталистическом мире. Он отвергает любой компромисс с социал-демократией, он ее жестоко преследует; он лишил ее всех легальных возможностей; он вынудил ее эмигрировать”. (7)

Если вторая часть предложения верна в той мере, в какой приходит момент, когда фашизм “отвергает любой компромисс” с оппортунизмом, то правда заключается в том, что этот последний никогда не отвергает компромисс с первым ... Троцкий, впрочем, не строит себе никаких иллюзий на эту тему, когда он говорит: *“Нет никаких сомнений, что руководитель социал-демократии и тонкий слой рабочей аристократии предпочел бы в конечном итоге победу фашизма революционной диктатуре пролетариата”* (8). Преемственность персонала, используемого двумя способами буржуазного господства, уже могла быть отмечена в Италии и Германии, где значительная часть профсоюзных бюрократов прямо перешла на соответственные посты в корпоративных организациях. Сегодня наш опыт обогатился, потому что мы имеем возможность проверить обратную взаимность этого явления в момент победы демократий над фашизмом, совсем еще недавно в Португалии, ожидая, что Испания примет за это в свою очередь.

Но для того, чтобы вернуться отсюда к цитате Троцкого, чтобы суметь противопоставить социал-демократическим рабочим их руководителям, нужно, чтобы первые смогли расположиться на аутентичной классовой основе. Вот почему, не входя в дискуссию о едином пролетарском фронте, в применении которого мы расходимся с Троцким, можно отметить, что если справедливо объяснение “а) политической ответственности социал-де-

мократии в том, что касается силы фашизма", то неточно говорить в целом о "b) абсолютной несовместимости фашизма и рабочих организаций, на которые опирается социал-демократия" (9). В самом деле, фашизм разрушил лишь организации аутентично классовые, а не организации лишённые всякого классового содержания. И можно сказать по этому поводу, что профсоюзные организации тридцатых годов были еще, вопреки их реформистскому руководству, чувствительны к давлению пролетариата, что могло создать иллюзию, что "задача фашизма была не только в том, чтобы раздавить коммунистический авангард, но также и в том, чтобы поддерживать весь класс в состоянии принудительной атомизации" (10). Но эту задачу оппортунизм реализовал столь же эффективно, что и показал поворот к политике Народных фронтов: сталинизму удалось удерживать весь класс в состоянии полной атомизации по каналам профсоюзов, которые он контролирует. Эта задача не является, следовательно, характерной для фашизма. То, что, напротив является правдой, это то, что метод, которым он смог этого достичь отличается от метода оппортунизма: первый должен по существу попытаться осуществить эту атомизацию силой, тогда когда второй не может этого достигнуть с "согласия" заинтересованных сторон.

Все недостаточно решительные формулировки Троцкого позволяют сегодня его последователям вновь ввести под свое знамя чисто демократическую концепцию борьбы против фашизма, которая очевидно не была его собственной, даже когда он делал наихудшие уступки указаниям этой опустошительной эпохи, выискивая в альтернативе "демократия-фашизм" и в борьбе за защиту демократии точку опоры для пролетарской и коммунистической борьбы против фашизма.

Па-де-де демократии и фашизма

Когда Народный фронт похвалялся избавлением Франции от фашизма, Троцкий был тысячу раз прав, высмеивая авторов подобной глупости, отвечая им: "На какой срок? Между первым восстанием Гитлера и его приходом к власти прошло десять лет, отмеченных чередованием приливов и отливов! В это время немецкие Бломы и Кашены многократно провозглашали свою победу над национал-социализмом. Мы им не верили, и мы оказались правы" (11). Впрочем, фашизм прогрессировал во Франции и во времена самого Народного фронта: ему удалось привлечь на свою сторону пролетарскую базу вместе с Дорио и его Народной партией Франции.

Народный фронт не освободил Францию от фашизма, и он не мог этого сделать. Он всего-навсего сделал бесполезным, в условиях кризиса 30-х годов, использование этого метода, поскольку для того, чтобы подчинить пролетариат требованиям сохранения буржуазного общества демократический метод показал себя недостаточным. И если Троцкий, без сомнения, переоценил фашистскую опасность во Франции, то это, конечно, не от неосторожной любви к демократическим институтам, которые он всегда разоблачал как безжалостные по отношению к рабочим метрополии и эксплуатируемым массам колоний. У него переоценка фашистской опасности шла на пару с переоценкой революционного потенциала этого периода: это было, как это ни парадоксально звучит, оптимистическая ошибка по поводу возможностей пролетариата освободиться от демократических иллюзий.

Лучшей проверкой, когда французские демократы хвалили себя, претендуя на то, что они в состоянии так легко освободиться от фашизма, были испанские события, когда пролетариат, однако, поднял оружие против Франко. Но когда испанская демократия осуществила - благодаря своему исполнителю низменных дел, сталинскому оппортунизму - всю работу по реставрации государства и разоружению пролетариев, когда она потопила в крови славный рывок мая 1937г., фашизм, далекий от того, чтобы поладить с ней, отверг ее мирные предложения, когда ему предложили известные тринадцать пунктов Негрина. Но испанская буржуазия должна была оплатить цену гражданской войны, которую нужно было вести до конца, и она не могла более, в тяжелой задаче восстановления обескровленной страны, оплатить себе дорогостоящую роскошь демократических институтов и претендующих на боевитость профсоюзов. С другой стороны, этот демократический персонал был совершенно лишен доверия в глазах масс. История вытворяет разные чудеса: тридцатилетний период оппозиционности и подполья вновь позолотил гербы партий испанской республики, и в час возрождения борьбы именно из тех самых секторов, которые безоговорочно соглашались с франкизмом, потянулись руки ко вчерашним изгнанникам, Каррильо и Ибаррури, чтобы обеспечить условия безболезненного перехода к демократии.

Позволить пройти социальной волне...

Мы только что напомнили, в свете событий эпохи Народных фронтов, пределы противостояния между демократическими и фашистскими методами сохранения буржуазного общества. Мы видим теперь с большей четкостью главные направления демократического метода.

Одна из характерных черт демократии, как это уже показали трагические события в Германии в 1918-1919гг., состоит в попытках контролировать массовое движение для того, чтобы удержать его в границах установленного порядка. Коммунистическая Левая Италии характеризовала таким способом демократический метод в 1922г., ссылаясь на волну оккупации заводов в Италии:

"Если бы это движение, которое было непреодолимым, потому что оно происходило из неотвратимых экономических фактов, осуществлялось в атмосфере открытой буржуазной реакции, все условия для формирования пролетарской армии были бы соединены. Взлет профсоюзов в 1919 году не мог быть остановлен насилием; оно скорее заставило бы трансформироваться во всеобщую борьбу, ту, которая представляла бы, по меньшей мере, серьезный риск поражения для буржуазии. Нужно было позволить волне пройти. [Подчеркнуто нами.] Поверхностная интерпретация утверждает, что буржуазное правительство доказывает этим свою слабость, но истина в том, что речь шла о выжидательной тактике, которая должна была дать возможность усилить государственный аппарат и переждать кризис, который не замедлил последовать кажущемуся послевоенному процветанию. Рассматривать Нитти и Джолитти как капитулянтов дела буржуазии из любви к демократии, было бы, по меньшей мере, верхом наивности.

Джолитти применял в социальной и профсоюзной области смелую политику. Таким образом ему удалось пережить критический момент. Пролетарская партия еще не зародыш

красной армии, а экономические организации еще до этого были побеждены мирными средствами. Но когда промышленный кризис заявил о себе, а хозяева отказались от новых уступок, проблема пролетарского руководства возникла локальным и эмпирическим способом. Рабочие оккупировали заводы. Эта оккупация не управлялась из единого центра, но она была вооруженной и совпадала с оккупацией земель крестьянами. Государство поняло, что фронтальная атака с его стороны была бы оплошностью, что реформистский маневр был неоднократно обозначен, и что еще можно было сделать подобие уступки. Проектом закона о рабочем контроле, Джолитти завоевал рабочих вождей для того, чтобы они заставили очистить заводы”.

И Левая добавляла:

Нам кажется, что таким способом буржуазия сыграла свою партию классическим способом. В результате эта партия получила свое логическое развитие. Мы не метафизики, а диалектики; в фашизме и в настоящем всеобщем контрнаступлении буржуазии мы видим не изменение политики итальянского государства, а естественное продолжение метода используемого “демократией” до и после войны. Мы не поверим больше антитезе между демократией и фашизмом, как не поверили антитезе между демократией и милитаризмом. И мы не окажем больше доверия для борьбы против фашизма естественному пособнику демократии: социал-демократическому реформизму” (12).

Опыт Народного фронта во Франции, еще больше чем в Испании приносит новую иллюстрацию этой выжидательной тактики (13). Можно заметить по этому поводу, что реформистские вожди настолько сознательны в исполнении этой функции, которая состоит в сдерживании социального движения, что дойдут до его выражения в том самом виде, в котором мы его клеймим. Вот, например, показательный язык, который на процессе в Риоме, Блюм приписывал руководителям ВКТ перед лицом патроната в Матиньоне в июне 1936г.:

“Мы берем на себя обязательство сделать все, что сможем, и мы это сделаем. Но мы вас тут же предупреждаем, что мы не уверены в том, что этого добьемся. Когда имеют дело с таким движением как это, с таким приливом как этот, нужно дать ему время растянуться [подчеркнуто нами]. И затем, именно сейчас вы пожалеете, что систематически использовали годы дефляции и безработицы для того, чтобы изгнать из ваших заводов всех профсоюзных активистов. Их нет больше там для того, чтобы влиять на своих товарищей своим авторитетом, для того, чтобы заставить выполнять наши указания” (14).

Заставить рабочий класс отказаться от насилия

Другое направление демократического метода держится на способности демократии привести пролетариат к отказу от использования своего классового насилия. Этот момент итальянская Левая также прекрасно поняла, когда писала в 1921г.:

“Социал-демократ, социал-пацифист, не был против насилия вообще. Он признавал за насилием историческую и социальную функцию. Он не отрицает, например, необходимость арестовать, а если это нужно, то и убить уголовного преступника, осуществляющего нападение на улице. Именно с такого рода нарушениями он сравнивает военное вторже-

ние, но он отказывается в равной степени сравнивать с ним гражданское наступление чернорубашечников. Каково, следовательно, отличие, которое его направляет?

... Вот когда государственная власть осуществляет насилие, которое она хочет, которое она предписывает, это насилие законно... Но оборонительное насилие против фашизма незаконно, потому что это не государство, но силы находящиеся вне закона, берут на себя инициативу.

Если не нужно защищаться против фашизма, то не потому, что это было бы лучшим средством для его разоружения (Тураги не впал в детство!), но потому что именно государству надлежит подавлять фашистское насилие, также рассматриваемое как внегосударственное и находящееся вне закона согласно социал-пацифистскому менталитету...

Именно этой теоретической логике отвечает настоящая политика и будущая гибельная политика Итальянской социалистической партии. Она выдвинула лозунг разоружения и несопротивления фашизму, но фашизм не разоружился. Она выдвинула лозунг легальных и избирательных действий, и значительная часть пролетариата за ней последовала, но фашизм не разоружился.

СПИ отказывается стать на коммунистическую точку зрения, согласно которой фашизм был лишь другой формой насилия, которое буржуазное государство противопоставляет революционному насилию пролетариата и которое представляет собой его последний аргумент в обороне и контрнаступлении. СПИ хотела бы стагнации ситуации, которая позволила бы вернуться к нормальной жизни, в которой она смогла бы продолжить традиционную мирную деятельность, к которой были адаптированы ее структуры. Политика разоружения и участия в выборах, будучи недостаточной для того, чтобы привести к этому результату, привела СПИ к прямым сделкам с фашистским руководством. Их нынешний провал ничего не значит. Единственный факт их начала после спонтанного официального отказа от вооруженной борьбы означает, что СПИ готовится к другим уступкам, которые будут логическим следствием ее роковой “пацифистской” посылки. Это содержит в себе пакт такого рода: мы разоружились, пусть фашизм берет на себя обязательство сделать то же самое; пусть частные репрессии и насилие вновь выпадут на долю законных сил правопорядка, государству. Социал-демократизм стремится с тупым пагубным рвением к этому иллюзорному возврату к легальности. Следовательно, логично и правдоподобно, что СПИ предложила также, чтобы две партии взяли на себя обязательство выдать всех тех, кем бы они ни были, кто посягнул бы на эту легальность, и если это еще не сделано, то оно будет сделано.

Сохранить за государством “право на насилие” означает не только признать типично буржуазный принцип, потому что признание “ложного” принципа приводит к другим многочисленным последствиям...

... Что делает [социал-демократия], достигая, либо посредством пакта с фашизмом, либо министерским сотрудничеством, руководящих функций государства, и, следовательно, законного насилия, когда коммунисты продолжают превозносить и использовать насилие для революционных атак против государственной власти?

Она делает очень простую вещь. Она осудит это революционное насилие в принципе; но, несмотря на свой сегодняшний христианский псевдопацифизм, она будет очень ос-

терегаться говорить о несопротивлении этому насилию! В полном согласии с самой собой, она, напротив, провозгласит, что государство имеет право и долг его подавить. Практически, она позволит королевской гвардии расстреливать пролетариат, т.е. новых "антисоциальных бандитов", которые будут отрицать тогда благоприятную функцию своего "рабочего" правительства. Вот к чему приведут партии, которые отрицают, что нелегальность и насилие являются фундаментальными средствами пролетарской борьбы. Это именно тот путь, которому последовал Носке.

Вот то, что показывает марксистская критика и драматическая реальность, которую мы переживаем сегодня в Италии" (15).

По поводу средств защиты против буржуазного насилия VII Конгресс Интернационала в Москве также остерегался ясной позиции. Конечно, он провозглашал:

"Коммунисты должны взять на себя инициативу создания массовой антифашистской самообороны против нападения фашистских банд, самообороны, составленной из твердых и испытанных элементов движения единого фронта" (16) Но это были лишь слова. Договор 27 июля 1934г. между ФКП и ФСП, в действительности, исключал "систематическое использование насилия"; "массовая самооборона" была предложена, предоставленным ФКП для того, чтобы противопоставить себя "милиции самообороны", рассматриваемой в качестве "провокации" как если бы пролетарская самооборона могла обойтись без рабочих отрядов, вооруженных не только партиями, но также и массовыми организациями пролетариата. В данном случае славная "массовая самооборона" исключала насилие. Таким образом, совершенно спокойно в октябре 1936г. удалось достигнуть разоружения всех партийных милиций путем единодушного голосования за закон, предложенный правым депутатом заведомо связанным с фашистской лигой!

Если пример Франции оставался образцовой моделью обширного движения экономической борьбы, без особых трудностей удерживаемой в русле буржуазной политики, пример Испании, напротив, остается моделью восстановления власти государства рукой оппортунизма, и в первую очередь сталинизма. В очередной раз "пути, которые приводят к носкизму", были пройдены до конца, от июля 1936г. до мая 1937г. до окончательного подавления всех попыток независимой борьбы пролетариата против франкизма.

Все эти факты разоблачают незаменимую роль рабочего оппортунизма в использовании демократических методов, роль, совершенно не признанную всеми левооппортунистическими течениями и сторонниками стихийных действий, которые, в своей основе, являются хвостистами: современная демократия, демократия дряхлого, империалистического капитализма, которая доводит до конца все социальные противоречия не продержалась бы и часа без амортизаторов социальной борьбы, каковыми являются социальный реформизм, постоянные реформы и рабочий оппортунизм. Этот последний стал *фундаментальным столпом демократии*. Этот правительственный метод, на самом деле, невозможен без контроля над порывами пролетарской борьбы, что предполагает все большее политическое и организационное оформление и перемещает эпицентр буржуазной демократии представительных органов в эпицентр согласия и сотрудничества между общественными классами.

Вопрос "рабочего единства"

Именно удерживая в уме этот настоящий факт можно понять реальную функцию сталинизма в ходе этого периода и значение, которое приняло в его глазах то, что на VII Конгрессе в Москве он назвал "единством рабочего класса против фашизма и войны".

В действительности речь шла о том, чтобы придать инстинктивной потребности единства и солидарности, которую чувствуют все рабочие, включающиеся в борьбу, чисто оппортунистическое, буржуазное толкование, которое сталинизм использовал для того, чтобы украсить цвета русской революции и пролетарского интернационализма.

Весь VII Конгресс проходил под знаком подготовки этих орудий *Единства*, пересмотренного и откорректированного сталинизмом, т.е. орудий демократического контроля над борьбой пролетариата.

Первым предложенным орудием было орудие *Единого фронта* с социал-демократией, которое, согласно сталинизму, предполагало "*переход социал-демократических рабочих на позиции классовой борьбы*". Но так как Конгресс тут же поспешил добавить, что "*движение единого фронта во Франции дало пример того, чем на деле должен быть единый фронт*" (17), можно считать установленным, если вспомнить пакт ФКП-ФСП от 27 июля 1934г. (18), что эти слова VII Конгресса были предназначены лишь для того, чтобы прикрыть *полный отход на практике от всякой независимой классовой политики и равнение сталинизма на социал-демократию*.

Второе великое орудие "единства", задуманное оппортунизмом было *Профсоюзное единство*, ввиду двойного взгляда на единство как национальных конфедераций, так и слияние Амстердамского Интернационала и Интернационала красных профсоюзов. Традиционная позиция коммунистов, которую сталинисты не осмеливались до этого подвергать сомнению, была в том, что профсоюзное единство не могло быть реализовано без права на создание фракций. Это позиция фигурировала среди требований сталинистов еще в конце 1934г. Но VII Конгресс о ней больше не говорил: он ее уже проглотил. И фактически воссоединение осуществилось во Франции в начале 1936г. ликвидацией остатков УВКТ: это передало ее кадры бюрократии Жуо, который сохранил политическую инициативу в своих действиях (19).

VII Конгресс хорошо иллюстрирует всю мистификацию сталинизма, Его искусство состоит в том, чтобы трансформировать верное требование, такое как требование единого фронта борьбы всех эксплуатируемых против наступления на условия их жизни, в его противоположность, требование политической комбинации с партиями, от которых пролетариат никогда не сможет ожидать никакой реальной защиты. Параллельно с этим сталинизм исходит из справедливого требования единого руководящего органа революционной борьбы для того, чтобы трансформировать его в прямо противоположное требование союза с партиями, о которых коммунисты знали, что от них они могут ожидать лишь *саботажа* революционной подготовки и самой революции. В первом случае, как и во втором, его единственной целью является удушение классовой борьбы для того, чтобы затянуть пролетариат в болото эгалитарного и ура-патриотического демократизма.

Условий, представленных VII Конгрессом для слияния с социал-демократией, было пять:

“Это объединение возможно только:

Во-первых, при условии полной независимости по отношению к буржуазии полного разрыва блока социал-демократии с буржуазией;

Во-вторых, при условии предварительной реализации единства действий;

В-третьих, при условии признания необходимости революционного свержения господства буржуазии и установления диктатуры пролетариата в форме Советов;

В-четвертых, при условии отказа от поддержки своей буржуазии в империалистической войне;

В-пятых, при условии построения партии на основе демократического централизма, который гарантирует единство воли и действия, и который был подтвержден опытом русских большевиков” (20).

Ясно, что эти условия были лишь чистой фразеологией: не говоря уж о другом, которое здесь не единственное – даже формально - требовать, чтобы социал-демократия порвала с буржуазией в тот самый момент, когда показываешь, что готов подчиниться этой самой буржуазии под флагом национальной независимости; требовать признания диктатуры пролетариата в тот самый момент, когда Интернационал откладывал ее до греческих календ и допускал поддержку буржуазного правительства и участие в нем; выступать против поддержки буржуазии в империалистической войне в тот самый момент, когда решаешь, что нужно поддержать Россию “всеми средствами” и придаешь войне в каждой стране подвержейся нападению характер национально-освободительной войны!

В своих “итогах” Мануильский был вынужден пояснить, почему в эти условия не была включена программа Коммунистического Интернационала, и почему даже число условий допуска уменьшилось с 21 до 5. Его аргумент состоял в том, что в отличие от 1920г. Интернационал больше не подвергается “сегодня опасности быть захваченным центризмом” (21). Способ признать, что это уже давно стало фактом!

Непосредственным практическим результатом этой тактики единства на партийном уровне было раздувание сталинистской организации в Испании с помощью интеграции Социалистической молодежи Сантьяго Каррильо. Время позволяет нам сегодня измерить все его значение... (22).

Для сторонников стихийных действий того времени, попавших в западню “рабочего единства”, Единный фронт ФКП-ФСП июля 1934г. во Франции имел пролетарский характер, что можно было бы противопоставить межклассовому характеру Народного фронта. Каким же было их изумление узнать от VII Конгресса, что сталинизм рассматривал со своей стороны, что Народный фронт имел в качестве условия единство так называемых рабочих партий! Сторонники стихийных действий забывали – и забывают всегда – одну единственную вещь, а именно: на какой почве, на какой базе, на каких принципах устанавливается Единный фронт? Лишь только если он устанавливается на аутентично классовой основе, противоположность между базой и верхушкой может трансформироваться в конфликт, богатый революционными возможностями, и при условии, что существует марксистская партия, которая может победоносно выйти из неизбежных столкновений с реформизмом, вырывая из его объятий новые слои пролетариев. Напротив, оставить в неопределенности этот фундаментальный вопрос, это значит позволить оппортунизму маневрировать как он этого хочет и перенести вопрос на *его почву*, на ту почву, на которой он смог это

делать начиная с февраля 1934г. во Франции, на почву, на которой он это будет делать всегда, почву сотрудничества с силами и институтами демократии.

Оппортунизм со своей стороны хорошо понял то, что мы марксисты уже знаем, а именно, что контроль пролетариата демократией предполагает буржуазно-оппортунистический фронт, рычагом которого является альянс между различными оппортунистическими силами; он знает также, что наиболее эффективная форма этого фронта реализована *единством оппортунистических организаций, объединенным оппортунистическим контролем над рабочим классом.*

Вопрос левого правительства

Именно существование этого оппортунистического, и в своей основе антипролетарского, фронта обеспечивает его эффективность демократическим чередованием буржуазных правительств, чередованием, которое продолжает сегодня, благодаря иллюзиям, увековечиваемым оппортунизмом и вопреки самому трагическому опыту, производить наилучшие опустошения среди рабочего класса.

Но самая опасная для революционных приготовлений позиция – даже для борьбы за экономические требования! – это все еще позиция сторонников стихийных действий, которые говорят о “независимой классовой борьбе”, но, не колеблясь, представляют приход левого правительства как “победу рабочего класса”.

То, что такое правительство, на самом деле, в определенном смысле является “результатом рабочей борьбы”, это неоспоримо; но только именно *в определенном смысле*. Самое трудное, однако, это понять, что этот результат не является простым и механическим; гораздо более важен как раз другой факт, тот, что левое правительство *также и особенно* является результатом маневра буржуазно-оппортунистического фронта, для того, чтобы канализировать и сделать бесплодной пролетарскую борьбу посредством иллюзий изменений, которые дает обновление состава правительства. Очевидно, впрочем, что деморализующий эффект на пролетариат тем более сильный, что состав новый и что переход между его революционным (или по крайней мере боевым) прошлым и его приобщением к правительственному сотрудничеству очень краток.

Для того, чтобы убедиться в катастрофической роли, сыгранной в этом смысле сталинизмом, достаточно напомнить условия, поставленные Димитровым в его Докладе VII Конгрессу Интернационала для формирования “правительства Народного антифашистского фронта”:

“Основным условием для того, чтобы такое правительство единого фронта было создано, является следующее положение:

а) когда государственный аппарат буржуазии серьезно парализован, в такой степени, что буржуазия не в состоянии помешать созданию такого правительства;

б) когда большие массы трудящихся решительно восстают против фашизма и реакции, но еще не готовы подняться на борьбу за советскую власть;

в) когда значительная часть организаций социал-демократии и других партий, которые участвуют в едином фронте, уже требует безжалостных мер против фашистов и других реакционеров и готова бороться совместно с коммунистами ради осуществления этих мер.

Если только правительство единого фронта примет эффективные решительные меры против контрреволюционных финансовых магнатов и их фашистских агентов и ни в какой степени не стеснит деятельность Коммунистической партии и борьбу рабочего класса, Коммунистическая партия поддержит всеми средствами это правительство, участие коммунистов в правительстве единого фронта должно быть определено в каждом частном случае учитывая конкретную ситуацию" (23).

Эти условия тем более обманчивы, что они говорят о ситуации острого политического кризиса, в котором любой активист ожидал бы революционного сигнала. Не является ли момент, *"когда государственный аппарат буржуазии серьезно парализован"* и *"когда большие массы трудящихся решительно восстанут против фашизма и реакции"* моментом, благоприятным для революционного столкновения? Однако именно тот самый момент, когда необходимо не иметь никаких связей с этим государством, находящимся под страхом паралича и поражения, сталинизм выбрал как благоприятный для *"правительства Народного фронта"*: делая это, он, следовательно, обещает буржуазии, что в час опасности он бросится к правительству для того, чтобы спасти его лачугу.

Это именно то, что произошло в Испании, где сталинизм пошел в правительство не для того, чтобы разрушить государство, а требуя восстановления его власти и реализуя это на практике. Разумеется, как обычно, наши сегодняшние маоисты пытаются перепеться на Димитрова для того, чтобы обвинить ФКП в том, что она предает рабочий класс ... предавая сталинизм! Цитата, которую мы привели, показывает степень их клеветы. Оставим это в стороне, ясно, что в Испании, где антагонизмы были более открытыми и где было гораздо трудней навязать пролетариату оппортунистическое единство, демократический метод включал в себя, в отличие от того, что произошло во Франции, применение *"рабочими"* партиями во главе со сталинизмом открытых репрессий.

Представляем себе о каких, следовательно, *"безжалостных мерах против фашистов и других реакционеров"* шла речь: ни о чем другом, кроме как об официальном запрете *"незаконного"* насилия, армии, совершенно безопасной по отношению к фашистам, но эффективной по отношению к трудящимся, когда они позволяют оппортунизму себя одурачивать. Что касается *"решительных мер против контрреволюционных финансовых магнатов"*, они всегда составляют часть арсенала обещаний, расточаемых радикал-социалистами, которые всегда кричат *"долой финансовых богачей!"* для того, чтобы иметь возможность лучше продать им свою поддержку.

Следовательно, совершенно недостаточно сказать, что буржуазия *"не в состоянии помешать созданию такого правительства"*: сталинизм играет на том, что некоторые сектора господствующего класса находятся в оппозиции к левому правительству, для того, чтобы придать этому последнему антибуржуазный вид. Правда состоит в том, что буржуазия в целом нуждается в таком правительстве, и что оно не может появиться на свет и выжить, используя хорошо отлаженную механику парламента без союза с решающими слоями буржуазного класса, его штабом и государственной бюрократией.

Условия, поставленные сталинизмом для участия в правительстве превращаются, следовательно, в ничто: чтобы имелся серьезный политический кризис и чтобы ему могли сделать несколько демагогических обещаний. Следовательно, все, в конечном счете, зависит не от этих так называемых политических условий, поставленных сталинизмом, но имен-

но от требований сохранения социального и империалистического *status quo*, защитником которого становился сталинизм.

Именно поэтому ФКП остерегалась участвовать в правительстве. Речь шла для нее о том, чтобы быть в состоянии противостоять неизбежной реакции на политику Народного фронта. Она прикрыла свой отказ под противоречивыми предложениями, играя поочередно то на необходимости не отпугнуть буржуазию *"для того, чтобы позволить этой последней бороться с фашизмом"*, то на первом условии участия в правительстве, поставленном Димитровым, условии, которое предполагало, в формулировке более точной, чем та, которую мы процитировали выше, что *"государственный аппарат буржуазии [был бы] уже достаточно дезорганизован и парализован"* (24).

Это, разумеется, не помешало ФКП поддержать буржуазное правительство в условиях, когда буржуазное государство не было даже поколеблено. В Испании, напротив, именно дезорганизация государства под ударами гражданской войны протолкнула КПИ в правительство ... но для того, чтобы способствовать реставрации этого государства.

Левое правительство и "давление масс"

Рядом с мифологией *"Рабочего единства"*, связь которого с массовым движением маскировала его оппортунистический характер, рядом с мифом о *"завоеваниях"*, полученных рабочим классом благодаря левому правительству, другим мифом, расточаемым Народным фронтом, был миф о *комбинации левого правительства и "давления масс"*, давления, которое сталинизм призвал для того, чтобы отказаться, как это было видно в первой части этого исследования, от марксистской характеристики государства. Но этот вопрос был рассмотрен VII Конгрессом с другой стороны, со стороны организации больших рабочих масс в связи с *"правительством Народного антифашистского фронта"*. Интернационал беспокоился о том, чтобы побороть колебания рабочих, убеждая активистов, что он принимает в расчет силу социального движения; по той же самой причине он не мог резко порвать с требованием *"советов повсюду"*, которое уже давно предназначалось для исчезновения после VII Конгресса. Так, например Димитров утверждал в своем докладе:

"Коммунисты и все революционные рабочие должны работать по созданию внепартийных классовых организаций единого фронта на предприятиях, среди безработных, в рабочих кварталах, среди простых людей городов и деревень, организаций избранных массами (а в странах фашистской диктатуры составленных из наиболее значительных активистов движения единого фронта). Только такие организации смогут охватить также в движении единого фронта огромную массу неорганизованных трудящихся, смогут способствовать развитию инициативы масс в борьбе против наступления капитала, против фашизма и реакции и на этой базе, созданию широкого актива рабочих борцов единого фронта, формированию сотен и тысяч беспартийных большевиков [нужно же было об этом подумать!] в капиталистических странах" (25).

Наверняка оппортунизм должен был *"принять в расчет"* массовое движение, *"давление масс"*! Но то, чего не могли понять левые оппортунисты – которые по этой причине обречены плестись в хвосте реформизма – это то, что важный вопрос это не столько *"давление масс"* само по себе, сколько направление в котором оно осуществляется: *это вопрос*

руководства, вопрос партии. И в то самое время, когда Конгресс расхваливал на словах это "движение", он готовил условия для того, чтобы сориентировать его в направлении уважения существующего государства. Если на самом деле не использовать "движение масс" направляя его, благодаря руководству, которое партия завоевывает в революционной ситуации в таких политических организациях как советы, к восстанию и слову государственной машины, или, направляя его, благодаря влиянию в других организациях, существующих в ситуации, которая не стала еще революционной, к простой, открытой и фронтальной, классовой борьбе против буржуазного класса и его государства, остается только пытаться направить его для того, чтобы заставить сосуществовать с этой машиной.

Выход, который оппортунизм предлагает, следовательно, таким организациям – это становление организациями *контроля и мобилизации рабочих масс не направленных против государства, но подчиненных государству.*

История не пожелала, чтобы в 1936г. эти организации приняли во Франции какую бы то ни было устойчивость: контроля, обеспеченного массовым объединением в профсоюзы унитарной конфедерации профсоюзов, оказалось достаточно, чтобы контролировать, в основном, энергию пролетариата. Отметим, в то же время, что это не помешало сторонникам спонтанных действий попытаться вдохнуть в них жизнь, опираясь на идею, что движение масс могло исправить реформистскую ориентацию руководителей: вопреки усилиям сторонников Пивера, которые хотели таким способом противопоставить "Народный фронт n° 2", фронт масс, "Народному фронту n° 1", фронту оппортунистического руководства, одной ногой стоящего в правительстве (26). Предприятие обязано было провалиться. Но троцкистские организации, охваченные своим неистовым маневрированием, также полностью впали в эту западню: даже Троцкий дошел до того, что вообразил, что можно было воздействовать на Народный фронт снизу для того, чтобы противопоставить его Народному фронту руководства и, в то же время, притянуть пиверистов (т.е. сторонников Марсо Пивера, лидера левого течения во Французской социалистической партии) к марксизму, ловя их на слове по этому вопросу о комитетах. VII Конгресс Коминтерна, предлагая образование комитетов единого рабочего фронта в городских кварталах, всячески отрицал, в то же время, что они могут быть советами (27).

И еще раз, каков сегодня результат маневрирования, кроме того, что троцкистские течения трансформировали эту тактику в рецепт применимый ко всем временам и во всяком месте, и что они потеряли еще больше в сознании необходимости настоящей партии, организованной на постоянных принципах, ясной программе и наборе определенных тактических возможностей, которая эффективно организует и централизует пролетарскую борьбу и, в историческом плане, берет на себя ее руководство?

Если история уклонилась во Франции от практического вопроса отношений между Народным фронтом и массовыми политическими организациями, она не сделала того же самого в Испании, где реакция пролетариата на франкизм породила всю гамму экономических, политических и военных организаций. Что сделал тогда оппортунизм? Он постарался в период между июлем 1936 и маем 1937гг. перевести их под контроль государства – утопив, когда это было надо, сопротивление в крови – прежде чем просто ликвидировать!

Следовательно, кто является сегодня настоящими наследниками этой "организации давления масс" на левое правительство, как не теоретики "народной власти", которые, даже

после чилийской трагедии и португальского фарса, неисправимо повторяют те же ошибки.

От предательства к признанию

Сталинизм не мог бесконечно скрывать, что за поворотом, представленным как "этап приближающий" к пролетарской революции и диктатуре пролетариата, он, в действительности, прятал не отказ от губительной тактики, а смертельный удар, который он наносил на практике принципам, на которые еще претендовал в теории.

Его контрреволюционная работа была гораздо глубже, чем работа социал-демократии, потому что под флагом защиты родины и демократии, он обещал буржуазии союз не только на время войны (как утверждала социал-демократия в 1914г.), но и на обширный период, который растянется на время реконструкции империалистического государства и экономики! Что касается защиты России, она была знаменем не только союза пролетариата с буржуазией в странах-союзниках, но, что еще хуже, поддержки самым мощным и самым жестоким врагам мирового пролетариата и беднейших крестьянских масс, французского, английского и американского империализма – и особенно этого последнего, который уже тридцать лет подавляет мир своей железной пятой. Наследники Сталина забывают, когда они разоблачают сегодня империализм США, что он никогда не смог бы стать таким мощным без помощи сталинизма!

Было бы невообразимо, что новые поколения сталинистов, смогут бесконечно маскировать их активную защиту *status quo* и мирового контрреволюционного порядка под фразеологией коммунистической окраски. С необходимостью было нужно, чтобы они решились привести слова в соответствие с их действиями, и когда они это делают сегодня, мы можем лишь поздравить себя с этим признанием, которое подтверждает, наконец, то, что мы всегда говорили. Когда сегодня сторонники "еврокоммунизма", великие практики Народных и Национальных фронтов, выбрасывают за борт насилие, диктатуру пролетариата, пролетарскую борьбу, тогда как они в течение сорока лет отстаивают в качестве действительных принципов защиту буржуазного парламента, его машины войны против пролетариата и отказ от революции (28) – они стараются, конечно, отнять у пролетариата оружие его освобождения, но они вынуждены признать, несмотря на это силу теории, марксистской теории, которая не может сочетаться ни с какой другой.

Вчера они претендовали на комбинацию коммунизма и демократии и делали из Народных фронтов "этап приближающий" к социалистической революции. Этот этап не только стал обязательным, сегодня они признают, что этот этап, который заменяет коммунистическую революцию и диктатуру пролетариата, является последним: Народный фронт сам стал переходом к социализму. И это еще не все! Сейчас они заявляют, что такой "переход" может осуществиться без левого правительства, но вместе с дополнительным Национальным фронтом, таким, как в Италии или в Испании является Христианская Демократия. В одно прекрасное утро мы проснемся для того, чтобы узнать, что этот "переход" больше не нужен и что таковой имеется, что правительство национального единства – это уже социализм!

Путь, которым проследовал сталинизм – неизбежен. Берегись тех, кто намеревается – по доброй или по злой воле, в политике это имеет малое значение, результаты будут теми же самыми – опираться на всю мифологию антифашизма и Народных фронтов для того,

чтобы сражаться против открытого ренегатства наследников Сталина: они не отдадут себе отчет, что они размахивают знаменем, которое не имеет другой функции, кроме как маскировать отречение в целом; они не отдадут себе отчет, что они строят на песке, и что рано или поздно их конструкция обрушится, оставляя их неподготовленными перед грубой альтернативой: или демократия или коммунизм!

Примечания

(1) Потребность облегчить это исследование вынудила нас лишить его целой части, описывающей события, впрочем, широко обсуждаемой в статье посвященной "Контрреволюционной функции демократии в Испании", опубликованной в н° 71 этого журнала, также как и в серии, озаглавленной "Уроки Народного фронта (1936), появившейся в н° 227 и 228 газеты "Le Proletaire". Мы приглашаем читателя обратиться к ним.

(2) Антифашизм Народного фронта, на самом деле был гораздо в меньшей степени знаменем действительной борьбы против фашизма, чем знаменем подготовки империалистической войны, как это подтверждают следующие эпизоды, в которых эта цель представляется как принцип правительственных действий. Когда в начале 1938г. Блюм столкнулся с парламентскими трудностями, которые привели к правительственному кризису, он сообщил о следующих замечаниях посту Соединенных Штатов Буллиту, который представляет их в следующих словах: "Он мне рассказал, что ему было легко разбить эту оппозицию не делая даже призывов, но предоставляя свободное развитие физической силе народа... Но он добавил, что отказался взять на себя такую ответственность из опасения ослабить свою страну перед лицом возрастающей угрозы Германии" Позже Блюм должен был подтвердить эти слова Лефранку (G. Lefranc, "Histoire du front populaire (1934-1938)", Ed. Payot, Paris, 1965, p. 251).

Другая история доказывает, что нужно читать англосаксонских политиков для того, чтобы знать то, что в действительности думают французские "левые политики". В своей книге "Перед лицом диктаторов" (Париж, 1964), Энтони Иден сообщает в свою очередь то, что рассказал ему по поводу Испании Дельбос, радикал-социалист, министр иностранных дел в правительстве Блюма, "Французское правительство предпочло бы, чтобы республиканское правительство Испании победило. Но оно не думало, что его интересы неизбежно будут под угрозой, если победит Франко. Угроза могла прийти только из Германии или Италии." (цитируется также G. Lefranc, op. cit., p. 583). Из этих двух эпизодов видно, как проявляется "большое отличие" между "левыми политиками" в целом и другими буржуазными политиками: тогда как вторые реагируют немедленно согласно интересам буржуазии, первые, прежде чем осмелиться на это, теряют одну секунду на то, чтобы сделать реверанс великим принципам, которые они стараются регулярно попираť.

(3) На эту тему мы отсылаем читателя к статье "Рим и Москва", появившейся в "Il Lavoratore" 17 января 1923г. и воспроизведенной в нашей брошюре "Коммунизм и фашизм" ("Communisme et fascisme", Edition Programme Communiste, 1970).

(4) Эта константа также хорошо проявляется как в событиях в Астурии так и во время самой гражданской войны, когда прямым результатом подавления майского движения 1937г. было дискуссионное предложение из 13 пунктов, сделанное Неерингом франкистам (см. "Programme Communiste" н° 71).

(5) Эта позиция была предметом долгого анализа в журнале, издаваемом Левой эмиграции, "Bilan", 1934, pp. 113-121.

(6) Вот цитаты из книги Бауэра, озаглавленной "Восстание австрийских рабочих, его причины и последствия". К сожалению, они взяты из вторых рук (выдержки из статьи, появившейся в "Correspondence Internationale" н° 42-43 от 28 апреля 1934г. под заголовком "Признание Отто Бауэра", за подписью австрийского сталиниста), но они так хорошо соответствуют духу австро-марксизма, что читатель извинит нас за то, что мы не потратили время на ее проверку:

"Мы всегда предлагали разносторонние уступки для того, чтобы дать возможность для мирного решения. Мы дали знать Дольфусу, что мы готовы предоставить правительству конституционным путем два полных срока власти по два года.... Мы даже заявили о готовности сделать уступки идее корпоративной организации ради того, чтобы прийти к соглашению... Еще утром в понедельник 12 февраля социал-демократы Нижней Австрии обсуждали с социал-христианскими политиками о возможности еще избежать в последний момент катастрофы. Четырьмя часами позже эти же самые социал-демократы были арестованы... Руководство партии сожалеет. Оно хотело избежать борьбы, пока правительство не совершило один из этих актов. Но возбуждение значительной части рабочего класса уже было таким, что предупреждения руководства партии оказались бесполезными".

Вот как социал-демократия сражается с фашизмом: она пытается вести переговоры для того, чтобы объяснить ему, что она может сделать так, что ему не надо будет прибегать к методам гражданской войны, и она пытается до конца помешать пролетариату использовать его собственные методы. Когда, не смотря ни на что, он это делает, она продолжает пытаться парализовать его. И если, как тогда бывает, враг становится победителем... социал-демократия сожалеет! Она не сражается с фашизмом, она сожалеет о его победе!

(7) Цит. Троцким в "Германская революция", "Comment vaincre le fascisme" ("Как победить фашизм"), Ed. Buchet-Chastel, Paris 1973, p. 100.

(8) "Le tournant de l'Internationale Communiste" ("Поворот Коммунистического Интернационала"), *ibid.*, p. 39.

(9) "La revolution allemande" ("Германская революция"), *ibid.*, p. 85.

(10) "La revolution allemande" ("Германская революция"), *ibid.*, p. 84.

(11) Trotsky, "Le mouvement communiste en France" ("Коммунистическое движение во Франции"), Ed. De Minuit Paris, 1971, p. 566.

(12) "Соотношение социальных и политических сил в Италии", статья опубликована в "Rassegna Comunista" 30 и 31 октября 1922г. и переведена на французский в "Communisme et fascisme", op. cit., p. 79-80.

(13) См. статью "Уроки Народного фронта (1936)", появившуюся в "Le Proletaire" н° 227, 228.

(14) Цит. по: Y. Craipeau, "Le Mouvement trotskyste en France" ("Троцкистское движение во Франции").

(15) "Пути, которые ведут к носкизму", напечатана 14 июля 1921г. в "Il comunista" и вновь опубликована в "Communisme et fascisme", op. cit., 45-48.

(16) Пункт 7 из "Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма (Резолюция по докладу товарища Димитрова, принятая VII Конгрессом Коминтерна 20 августа 1935г.)", "L'Internationale Communiste" н° 17-18, сентябрь 1935, стр. 1467.

(17) Мануэльский, "Итоги VII Конгресса Коммунистического Интернационала", "L'Internationale Communiste", н° 20, p. 526.

(18) См. "Le Proletaire" n° 227.

(19) По вопросу профсоюзного единства в 1936г. см. "Le Proletaire", n° 228.

(20) "Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса в борьбе против фашизма (доклад Димитрова VII Конгрессу Коммунистического Интернационала – стенографический отчет)", "L'Internationale Communiste" n° 17-18, p. 1308.

(21) "Итоги VII Конгресса ..."; *op. cit.*, p. 1533.

(22) В момент написания данной статьи Сантьяго Каррильо был еще генеральным секретарем Коммунистической партии Испании и занимал крайние оппортунистические позиции.

(23) "Доклад Димитрова", *op. cit.*, p. 1297.

(24) "Резолюция по докладу Димитрова ...", *op. cit.*, p. 1466.

(25) "Доклад Димитрова", *op. cit.*, p. 1282.

(26) Как свидетельство всех этих злоключений можно прочесть книгу: Daniel Guerin: "Histoire du Front populaire, revolution manquier" ("История Народного фронта, упущенная революция"), Julliard, Paris, 1968.

(27) См. на эту тему статью "Народный фронт и комитеты действий" из: "Коммунистическое движение во Франции", *op. cit.*, p. 536-541.

(28) Интересно отметить, что советский неосталинизм, если можно принять в расчет ложную видимость верности по сравнению с полным предательством "еврокоммунизма", также не минует этап признаний.

Так два советских историографа, М. Ф. Лейбзон и К. К. Сирия, в своей книге "VII Конгресс Коммунистического Интернационала" (мы имеем перед собой ее итальянское издание, Editori Riuniti, Rome, 1975) представляют псевдоловую тактику "третьего периода" вызванной чрезмерной доктринальной твердостью, оставленной VII Конгрессом, смысл которого, якобы, состоял в возврате к преемственности ленинской традиции!

Конечно, одна ложь преследует другую. Однако, для того, чтобы построить вторую, нужно признать как ошибочный тезис, который до того поддерживался сталинизмом, согласно которому VII Конгресс был простым "тактическим маневром", для того чтобы признать, что он есть конечная точка сталинского оппортунизма, лживо именуемого "ленинизмом".

Китай: буржуазная революция совершена, пролетарскую революцию предстоит совершить

Говоря о превратностях послереволюционной России в период после 1926г., период, которому Сталин оставил своё имя и который надлежит считать буржуазным не только на экономическом, но и на политическом уровне(1) – и также ссылаясь на буржуазно-демократическую революцию, только что восторжествовавшую в Китае под знаменем Мао Цзе-дуна, наша партия писала в 1953г:

"Буржуазная революция в Китае произошла вовремя в своей части континента, как в своё время французская революция.

"Русская капиталистическая революция совершилась с задержкой по отношению к истории своей части континента. Она прошла через все стадии исключительно быстро, достигнув государственного капитализма".

"Ни одна из них не является социалистической. Обе роют могилу мировому капитализму".(1)

Достаточно ли этого отрывка, чтобы открыть глаза всем, кто желает видеть неразрешимое противоречие между нашей решительной оппозицией социально-экономической системе, рождённой "маоистской революцией", и её идеологической надстройке, а именно так называемому "марксизму-ленинизму", которым столь бесстыдно похваляется Пекин, (как и мнимому большевизму, на который бесстыдно претендует Москва), и тем, что они дословно называют нашей "уверткой к китайской революции, рассматриваемой, однако, как откровенно буржуазной"? Смогут ли они когда-нибудь понять, как и почему "Манифест" Маркса и Энгельса является гимном буржуазии, поскольку она революционизирует все экономические, социальные и политические отношения предыдущих эпох и пробуждает гигантские производительные силы, дотоле сдерживаемые отсталыми структурами; и в то же самое время и с ещё большим основанием – объявлением смертельной войны буржуазии от имени высочайшей из порождённых ею производительных сил, армии наёмных рабочих, класса её могильщиков – пролетариев? Или точнее, говоря словами одной из статей нашей партии, смогут ли они когда-нибудь понять, как и почему в марксистской теории "центральным условием для победы социализма является сам капитализм, даже если революционная партия, с момента своего возникновения, ведет против него беспощадную войну и, в той мере в какой это позволяет соотношение сил, взбирается по ступеням, которые ведут от научной критики к принципиальной оппозиции, к политической полемике и вооруженному восстанию"(3)?

Именно по этой причине в Германии, ещё не освобождённой от докапиталистических цепей, "Манифест" предписывал коммунистической партии (так же как впоследствии Ленин в России) задачу: "поскольку буржуазия выступает революционно... бороться вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства" и, в то же время, задачу ещё более повелительную "ни на минуту не переставать ... вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враж-

дебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должны принести с собой господство буржуазии, как оружие против неё же самой". (К. Маркс, Ф. Энгельс соч. т.4, стр.459)

Соответственно тому, как сталинская контрреволюция в 1926-27гг. разрушила организацию, теорию и программу пролетарского движения и сделала, таким образом, невозможной решительную поддержку пролетарским движением Запада народных и плебейских революций Востока, мы, как марксисты, признаём, что "в странах Азии, где ещё господствует аграрная патриархального и феодального типа", даже "политическая борьба "четырёх классов" является фактором, способствующим победе интернациональной борьбы коммунистов, даже если в ближайшее время она приведёт к установлению власти национальных и буржуазных сил: как благодаря образованию новых регионов, где в повестку дня встанут социалистические требования, так и благодаря ударам, которые эти бунты и восстания наносят евро-американскому империализму" (4). Но это признание не означает, и никогда не будет означать, отказа от нашей собственной независимой партийной позиции, отречения от признания непримиримого антагонизма между двумя основными классами современного общества и признания обратительной межклассовой программной и тактической основы, которая пропитывает всю ткань маоистской идеологии, которую мы разоблачаем и не никогда не перестанем разоблачать, поскольку она, в действительности, является идеологией национальной буржуазной революции!

Освобождение от империалистического ига, ликвидация феодального наследия, строительство, вместо того, что было лишь колонией или полуколонией мирового капитала, объединённого и независимого Китая, создание единого национального рынка, свержение тысячелетней системы социально-экономических отношений в деревне, создание основы для развития современной промышленности – вот революционная, хотя и буржуазно-революционная, сторона маоизма.

Но на Восьмом съезде КПК (1956г.) маоизм заявил, что "народно-демократическая диктатура" (читай: революционная буржуазная власть) выражала чаяния и интересы "всех" граждан республики, независимо от их классовой принадлежности – претензия, общая для всякой буржуазии, но отвергаемая марксизмом; он даже заявил, что она "по существу[!]" стала одной из форм диктатуры пролетариата", прежде, чем сделать из неё, в конституции 1974г., просто "диктатуру пролетариата" и даже первую стадию коммунизма. Под вывеской современного марксизма и в качестве знамени, ведущего класс промышленных и сельскохозяйственных рабочих к победе, он возвестил миру весь багаж демократизма, постепенности, пацифизма, мирного сосуществования и торгашества, который несёт с собой любая более или менее последовательная буржуазная революция – это её непоправимо контрреволюционная сторона.

Рабочий класс, воплощённый в своей революционной партии и ведомый ею, никогда не колебался, даже зная, что он должен будет отдать для этого не только свой пот, но и свою кровь, приветствовать и поддерживать исторически необходимые результаты буржуазных революций, даже незавершенных, как и всяких революций, в которых рабочий класс физически не смог сыграть ведущую роль. Но тем не менее он никогда не согла-

шался "опуститься до уровня простого приложения официальной буржуазной демократии" и отказаться взять на себя и защищать до конца "самостоятельную партийную позицию... не поддаваясь там, чтобы демократические мелкие буржуа своими лицемерными фразами [а сентенции "маозеудуновской мысли" ничем иным не являются] сбили их с пути самостоятельной организации партии пролетариата", которая выставит как свой боевой клич собственный лозунг "непрерывной революции" (5).

Вот, следовательно, вышедшая наружу тайна "двойственности" нашей оценки китайской революции – исключая, очевидно, тех, для кого марксизм в целом является тайной...

Однако, как показано в отрывке из нашей статьи 1953г., цитированном в начале, чтобы объяснить настоящую китайской революции, недостаточно признать, что она была буржуазной и, вне всякого сомнения, величайшей в этот послевоенный период, революции, в социальные истоки которой, четко определённые культом человека-демиурга, который является творцом истории вместо того, чтобы быть её инструментом. Необходимо добавить, что совместные действия чумы реакционного чанкайшистского Гоминдана и холеры сталинского оппортунизма с его теорией "революции через этапы", которую "великие вожди" маоизма приняли в 1926-27гг., с тем, чтобы никогда больше от неё не отказываться, помешали социальному движению в Китае пойти по пути – который, в условиях международной конъюнктуры пятидесятилетней давности, мог быть более коротким – демократической буржуазной революции доведённой до конца и до перерастания её в революцию пролетарскую. И после кровавой бани 1926-27гг., самой ужасной, которыми буржуазия может похвалиться за всю свою историю из тех, которые она устроила рабочим и крестьянам, поддержавшим её против старого порядка, социальное движение в 30-х годах должно было возобновить борьбу, двигаясь "из глубин сельского Китая", с политической и экономической периферии и следовать долгим, мучительным путём, бесконечным маршем "крестьянской революции", с тем, чтобы достигнуть крупных городов и их главного центра, Пекина, лишь после сложного обходного манёвра. В результате, наконец-то установленные "Народная республика" и "власть всего народа" (6) оказались неспособными развиваться на основе крупных сельскохозяйственных предприятий, и ещё в меньшей степени, на основе крупной современной промышленности, базирующейся на массивном и интенсивном накоплении капитала в деревне. Они должны были строиться на основе микроскопического, парцелярного и, следовательно, отсталого сельского хозяйства, хотя его хрупкая структура и была защищена сильной и единой центральной властью, освобождённой как от господства спрутов империализма, так и от душашащего провинциализма милитаристов, и потому способной обеспечить, как это было в Китае на протяжении тысячелетий, материальные условия выживания мелких и мельчайших сельских хозяйств путём регулирования подачи воды в разветвлённой и в высшей степени "органической" ирригационной системе страны.

Они смогли совершить это, пробуждая от векового сна и, бросая на арену истории гигантские крестьянские и даже пролетарские массы, вовлекая даже отнюдь не значительные слои "полезной буржуазии" (7). Этим они дали сигнал ускоренному развитию производительных сил с одной стороны и превращению полуколониального Китая в великую державу – с другой. Но они не вышли за пределы – это было возможно лишь через

неравномерный ход истории, в котором до этого момента было преодолено лишь *несколько* фундаментальных этапов – *первой* фазы всех буржуазных революций. Фазы, которую можно определить, сохраняя все пропорции и для Востока (см. нашу статью 1953г.), как “французскую” фазу в противоположность “русской”: установление мелкой собственности и мелких крестьянских хозяйств, ограниченных горизонтом самодостаточности, с их ожесточенным, но безнадежным сопротивлением, поскольку *невозможен*, на долгий период, идеал самодостаточности на местном и центральном уровне и со всеми вторичными эффектами, которые это должно было оказать на судьбы этой огромной и, наконец-то, единой и свободной страны. Именно здесь секрет тех конвульсий, которые периодически потрясают современный Китай *всё в тех же рамках его капиталистической трансформации*.

От фазы осторожного “раздела земли” в 1949-1953гг. до этапа так называемой “коллективизации” с её бригадами взаимопомощи и мелкими и средними сельскохозяйственными кооперативами в 1953-1958гг.; от фазы местного преобразования сельскохозяйственных кооперативов в коммуны, возведённые в ранг “базовых социальных единиц коммунистического общества”, и сочетающих микро-земледелие с микро-промышленностью, и даже ... с микро-металлургией, до открытого признания в 1962г. провала сверхчеловеческих усилий, предпринятых для накопления капитала в деревне до уровня, достаточного, чтобы дать толчок крупной промышленности; и до последующих пертурбаций (включая культурную революцию, не в обиду “ультралевым” будь сказано) того, что можно было бы определить как идеализацию, на манер “мелкобуржуазного социализма”, капитализма, отсталого в аграрной сфере (и *тем более* в промышленности), но стремящегося преодолеть свою отсталость “опорой на собственные силы”, т.е. выжиманием всех соков из трудящихся города и деревни. От начала и до конца история *капиталистической* эволюции постреволюционного Китая – это лишь история противоречий, изначально заложенных в его материальном базисе. Это противоречия между мелким семейным хозяйством и непреодолимыми ростками индустриализации. Это противоречия между объективной необходимостью выйти за пределы *первой* стадии буржуазного переворота в социальных и экономических отношениях в деревне, для того, чтобы перейти ко *второй*, стадии экспроприации и концентрации мелких хозяйств (краеугольный камень *подлинного* и *решительного* “большого скачка” в направлении, *по меньшей мере*, русского государственного капитализма, такому же гибриду отсталых колхозов и *крупного* сельского хозяйства) и жестокого мелкого крестьянства против этого *необратимого* процесса.

Это противоречие между мириадами мелких натуральных хозяйств и всевозрастающим вторжением рыночного обмена между этими экономическими единицами и между городом и деревней. Противоречия между представителями фиктивного блока нескольких классов, между крупной и средней буржуазией, вырастающей из самой структуры микро-земледелия и мелкой (и мельчайшей) сельской буржуазией и между этими классами и промежуточными слоями, с одной стороны, и пролетариатом – с другой. Противоречия между прогрессивной интеграцией Китая в мировой рынок и в “хор” (где есть много голосов, но нет дирижера) наций и попыткой спрятаться за щитом тщетно преследуемой самодостаточности (8). Противоречия между неотвратимым движением к “открытости внешнему миру” и всё более слабой тенденцией к изоляционизму.

Именно эта игра беспрерывно возобновляющихся противоречий и объясняет *все* про-

движения и откаты, отмеченные не природными, но социальными и экономическими катастрофами “народного Китая”. И только идеалистический мелкобуржуазный “романтизм” Мао может надеяться на их разрешение на почве “сознательности”, политического воспитания и идеологического “просвещения”, основывая их, так как они, якобы, не антагонистичны, на высшей гармонии “всего народа”. Именно эта игра противоречий и объясняет периодическую борьбу между соперничающими фракциями, появление на сцене и исчезновение “исторических вождей”, внезапно превращаемых в правых и левых уклонистов. Именно отблеск этих противоречий в “недрах народа” – а, следовательно, в недрах режима, который за своей маской признаёт, что он, неоспоримо, является буржуазным – и объясняет постоянное появление на свет идей Мао, которые, тем не менее, всегда основываются на *незыблемом* фундаменте межклассового популизма. Именно выход этих противоречий на мировую арену даёт ключ к внешней политике, предназначенной для того, чтобы с каждым разом всё больше “захватывать врасплох” и “дезориентировать” пёструю, но аморфную толпу мнимых “левых”. И, одновременно, это также объясняет кажущийся парадокс Китая, который, достигнув независимости и, вступив на путь преодоления исторической отсталости, был взят в качестве модели передовым отрядом народов третьего мира в тот самый момент, когда, далёкий от того, чтобы объявить войну империалистическим метрополиям, он проповедовал – как уже проповедовал это в 1963г. в известном *Письме из 25 пунктов* остающимся Библией маоизма, – “принципы” полного *равенства* между государствами, уважения их территориальной *целостности*, их *суверенитета* и *независимости*, *невмешательства* в дела других государств, развития “взаимовыгодного” обмена и, наконец, “*всеобщего мира*”, в первую очередь со вчерашним “бумажным тигром”, американским империализмом, и, в соответствии с логикой, *страдающим врагом*, Японией. И также, именно это сочетание противоречий объясняет не менее надуманный парадокс внешней политики, которая, к ужасу “леваков” всех мастей, вешает ярлыки “анти-империализма” на самые консервативные режимы Азии и на Европу, объединённую за щитом янки против СССР.

Именно на полотне этих противоречий, перевернутое идеологическое отражение столкновения *материальных* сил, после смерти Мао, проецирует отвратительный и скандальный фильм о борьбе между Хуа Го-фэном и очередной шанхайской “кликкой”, цинично и без колебаний извлекая из арсенала варварского прошлого мифы о женщине-змее, падшем ангеле, героях, превращающихся в негодяев (9), для того, чтобы спрятать под покровом “дворцового заговора”, и даже альковных тайн, грубую реальность антагонизмов, беспрестанно порождаемых капиталистическим способом производства, который тяжело и судорожно пробивает себе дорогу.

Китайская революция была капиталистической, *но она имела место, она была*. Достигнув *трудной* фазы своей *консолидации*, Китай включился, и включается всё больше, как великая держава (даже если и втихомолку) в мировую систему государств: он имеет своё место в ООН, он видит весь цвет буржуазного мира почтительно преклонённым перед бранными останками своего великого кормчего, а наиболее алчных *бизнесменов*, слетающими в Пекин в погоне за выгодными сделками. Клубок этих внутренних противоречий не будет распутан никакими “идеями председателя Мао”, но двойным давлением *мирового рынка* и *накопления капитала* в его городах и деревнях. И этот процесс в направлении

крупного капиталистического производства не будет осуществляться под флагом мирного развития, а будет сопровождаться новыми могучими потрясениями в глубинах общества. Вот так это будет после смерти Мао, в период, тайну которого буржуазные политологи, на следующий день после смерти великого кормчего, безнадежно искали в порядке иерархической последовательности возможных "наследников престола" и ищут её сегодня в судьбах новой "группы у власти". И именно из этого *после*, в каждом своём пункте связанном с тем, что было *до*, будет вырастать независимая классовая борьба китайского пролетариата, призванного отомстить, в огне коммунистической революции, за бойню 1926-27 гг.

То, что гигантский цикл буржуазных революций на Дальнем Востоке расцветивал и продолжает расцветивать себя в цвета социализма, столь мало является странным и таинственным для марксизма, что уже в 1920 г., когда пробуждение Азии только окрашивалось отблесками пожара, тезисы III Интернационала по национальному и колониальному вопросу провозглашали необходимость *"решистой борьбы против попытки одеть в коммунистические цвета освободительные движения отсталых стран, в действительности не являющиеся коммунистическими"* (попытку, тысячу раз повторенную в 20-е годы партий Сунь Ятсена и Чан Кайши и логически продолженная её откровенным преемником, Китайской Коммунистической Партией Мао Цзе-дуна). В том, что этот цикл продолжается не только в *растущей интеграции в мировой рынок*, но и в *ускоренном включении в орбиту евро-американского капитализма*, было столь мало непредвиденного, что в той же статье 1953 г. мы писали: *"Если Китай, выходящий из революции, ищет способ ускорить своё движение к частному капитализму, который он ещё не может собрать в единый блок железной военной диктатурой, как это смогла сделать Россия, то именно на экономику Запада он должен будет опереться"*.

Китайскую пролетарскую и коммунистическую революцию ещё только *предстоит совершить*, и она будет и мировой революцией. Далёкая от того, чтобы следовать "идеям" Сталина или его более или менее выродившихся преемников или "идеям" Мао или его более или менее ортодоксальных наследников, она выбросит их на свалку устаревших орудий тёмной преистории человечества. Но она сделает это с криком: "Хорошо роешь, старый крот!". Революции, глупо прикрывавшиеся этими двумя именами и пропитанные безжалостно расточаемой шлебейской и пролетарской кровью, в действительности, день за днём создают, и ничто не может этому помешать, армию промышленных и сельскохозяйственных рабочих, которые выбросят на свалку не только эти смехотворные идеологические знамёна, но и весь способ производства, и всё основанное на нём общество. День за днём, они создают материальные условия для гигантского сражения, которое даст эта армия, и для её блестящей победы, открывая сегодня огромное поле деятельности для трудной задачи восстановления классовой партии после опустошений осуществлённых оппортунизмом.

Именно в этом, и только в этом, заключается историческое оправдание этих революций: В том факте, что, не зная, и, более того, не желая этого, они роют себе свою собственную могилу.

Такова надгробная речь, которую мы посвящаем Мао.

Примечания

(1) Октябрьская революция, которая политически была пролетарской, знала, что она должна была довести до конца решение буржуазных экономических задач. Потребовалась сталинская контрреволюция, чтобы лишить её пролетарского и коммунистического политического характера.

(2) "Stalin - Malenkov: torra non tappa" ["Сталин - Маленков: починка а не новый этап"], статья, опубликованная в №6, 1953 газеты "Il Programma Comunista", которая была тогда органом Интернационалистской Коммунистической Партии и выходила раз в два месяца на итальянском языке.

(3) "Les perspectives de l'après-guerre en relation avec la plat-forme du parti", "Prometeo" №3, 1946; перепечатано в "Per l'organica sistemazione dei prinsiipi comunisti", издательство "Il Programma Comunista", Милан, 1973, стр.151. Статья вновь была напечатана, в "Programme communiste" n° 84-85 в марте 1981.

(4) "Les revolution multiples", текст 1953г., вновь напечатанный в "Le Proletaire" n° 164, 7 января 1974г.

(5) К. Маркс, Ф. Энгельс "Обращение центрального комитета к Союзу коммунистов" (март 1850), Соч., Т.7, стр.267. Только неизлечимый левацкий кретинизм может принять этот боевой клич за... моральный императив маоизма, его "непрерывной революции", которая ставит себе цель "развивать производство" в беспрестанной борьбе, ведущейся для того, чтобы быстрее пройти этапы, ведущие к государственному капитализму.

(6) Не без колебаний, компромиссов, опасений а, зачастую, и отречений, свойственных всякому мелкобуржуазному движению, в том числе и революционному: на эту тему см. серию статей о "Социальном движении в Китае", опубликованном в "Programme communiste" n° n° 28-35.

(7) "Полезной" в той мере, в какой, в отличие от дореволюционной России, наиболее передовые слои буржуазии, немногочисленные, но не лишённые энергии, имели в своём багаже значительные культурные традиции и, начиная с 1911-1912гг., факт "мужественной борьбы с оружием в руках против феодализма и центрального и местного деспотизма" (см. нашу "Struttura economica e sociale della Russia d'oggi", издательство "Il Programma Comunista", Милан, 1976, стр.446).

(8) Эта попытка, несомненно, поучила импульс от тяжёлого опыта жадности, с которой СССР предоставлял свою "помощь" "братской" республике, попытавшейся осуществить индустриализацию и модернизацию, подобные (но ещё более исчерпывающие) сталинским пятилетним планам: и в этом один из примеров иронии истории для тех, кто верил и продолжает верить в российский или китайский "социализм".

(9) Буржуазные революции не были бы самими собой, если бы они не вызвали на сцену, рядом с демургом, который творит историю, демурга, который её разрушает. Мао, как идеолог капиталистической трансформации Китая, не представляет собой исключения из этого правила: он много теоретизировал об устойчивости "классов" и их противоположности в период, который он, однако, не колебался назвать "переходом к социализму", но как результат деятельности надстройки, реализации "идеи" или даже "менталитета". Не надо, следовательно, удивляться, если в его "марксизме", который перевернут с ног на голову, это правоверные, или точнее "добрые люди", как индивидуумы, создают социализм, а инакомыслящие, или точнее, "злые люди", и всегда в качестве индивидуумов, внедряют или пытаются внедрять капитализм. В итоге действуют два стили... индивидуального поведения, честного или бесчестного, экономного или расточительного, верного самобитным и незапятнанным национальным традициям или открытого разлагающему соблазну чужеземного мира. Эпигоны могут сегодня лишь развивать, обращая его в погребальный фарс, наследие Великого Кормчего.

"Programme Communiste" n° 72, декабрь 1976

Вопрос возобновления классовой борьбы и задачи коммунистов (конференция в Сан-Дона — декабрь 1992)

В течение всех десятилетий своей деятельности наша партия никогда не прекращала ставить перед собой вопрос возобновления классовой борьбы; в работе по подведению итогов всеобщей буржуазной контрреволюции, и не только "русской", мы подчеркивали, что возобновление классовой борьбы является не только исторической перспективой, но также и целью, для которой необходимо трудиться, чтобы она материализовалась в конкретной и энергичной борьбе не только на почве непосредственной экономической борьбы, но и особенно на революционной почве. Мы всегда говорили именно о **возобновлении**, потому что интернациональная классовая борьба была разгромлена в результате поражений, начиная с контрреволюции в России и провала революций в наиболее развитых европейских странах в двадцатые годы. После великих побед, после грандиозной серии классовых битв и образования первой всемирной коммунистической партии — ленинского Коммунистического Интернационала — революционный период, открытый Октябрьской революцией и грандиозной борьбой немецкого пролетариата в самый разгар мировой войны, завершился самыми жестокими поражениями из тех, которые получил пролетариат в течение всей своей истории. Это поражение отбросило условия борьбы пролетариата и, следовательно, условия его жизни и труда, на десятилетия назад, особенно в самых бедных странах.

В этом поражении пролетариат потерял не только свою классовую партию, но также и свои организации непосредственной защиты своих интересов, свои профсоюзы, целиком попавшие в руки самого отвратительного реформизма и коллаборационизма. Даже после поражения первой великой пролетарской революции — Парижской Коммуны — пролетариат не испытал столь масштабного отступления. И этот факт, без всякого сомнения, способствовал усилению реформистских позиций, которые сконцентрировались в сталинизме и его различных последующих вариантах, которые сводят все к классовому сотрудничеству, к примирению наступательных порывов пролетариата и потребностей рынка, руководства капитала и власти буржуазии.

Вновь встать на путь классовой борьбы означало, и все еще означает, для пролетариата не только вернуться на почву всеобщей классовой борьбы, направляемой к конечной цели (свержение буржуазного государства и установление диктатуры пролетариата на весь период, необходимый для уничтожения капиталистического способа производства и обеспечения победы на мировом уровне коммунистического способа производства) своей единой интернациональной партией; это означает также вернуть себе сначала почву самой элементарной "непосредственной" защиты условий жизни и труда. Мы говорим четко и подчеркиваем: **самой элементарной основы оборонительной борьбы**, борьбы сопротивления капиталу, как называл ее Энгельс.

Участие во второй мировой войне, в различных армиях демократии, фашизма или

псевдосоциализма, было вторым жестоким поражением после поражения, вызванного разложением Коммунистического Интернационала и всех его партий и победой контрреволюции в России и во всем мире.

Его участие в войне на фронте **демократии** было особенно катастрофическим, потому что речь шла ни о чем другом, как о защите буржуазного общества под прикрытием одной из ее форм, формы самой коварной, самой опасной для пролетариата в силу ее мистифицирующего воздействия. Катастрофа измеряется в историческом отступлении пролетариата по отношению к формам своей борьбы, к своим организационным способностям, в том числе в деле защиты своих непосредственных интересов. Своим участием во второй мировой войне пролетариат во всех странах был неразрывно связан с судьбой своей буржуазии. И это именно потому, что он оставался пленником оппортунистической ориентации, которая, какой бы ни была ее окраска, могла лишь привязать его к требованиям буржуазии. Перспективой было теперь не свержение буржуазии и капитализма, но улучшение буржуазного общества путем демократизации капитала; не победа над всеми силами враждебного класса, буржуазными или мелкобуржуазными, каким бы ни было знамя, под которым они представлены (фашистским, монархистским, клерикальным или демократическим), для установления, против диктатуры буржуазии, международной диктатуры пролетариата, а опора на некоторые из них против других, которые бы оценивались как более жестокие или реакционные.

Перспективой стало теперь не покончить раз и навсегда с наемным рабством, т.е. эксплуатацией человека человеком, а гуманизировать наемный труд и эксплуатацию путем политической и экономической демократизации капитализма.

Одним словом, последняя "перспектива", предоставленная пролетариату, у которого были лишь силы для того, чтобы рассматривать себя как одну "социальную составляющую" рядом с другими, и для которой его призывали бороться и умирать, была только **демократия**, демократия, как на политическом, так и на социальном уровне, демократия, которая никогда не может быть никакой другой, кроме как буржуазной.

После участия в мировой войне на фронтах буржуазии, пролетариат участвовал затем в восстановлении различных стран с надеждой получить от этого повышение уровня жизни и социальные гарантии, которых он никогда прежде не знал, чтобы жить "в мире и спокойствии". Он присоединился к иллюзии возможности освободиться постепенно от своих условий благодаря механизмам буржуазной общественной жизни или, по крайней мере, чувствовать постоянное улучшение условий жизни. Социал-демократические концепции, разбитые во времена Ленина, испытали теперь новый период буйного расцвета, тогда как среди рабочего класса все более глубоко распространялись демократические, пацифистские и внеклассовые принципы.

Вот в чем состоит самое большое поражение, которое мог потерпеть пролетариат по отношению к своей собственной классовой борьбе: совершить более или менее сознательно классовое самоубийство, выковать свои собственные цепи фактическим сотрудничеством с буржуазной властью посредством псевдорбочих партий и организаций.

Оппортунизм отбросил пролетариат на десятилетия назад

Зачем напоминать все это? Затем, что это позволяет отдать себе отчет в том, какую пропасть должен преодолеть пролетариат, начиная с какой стадии отсталости он должен возобновить свое продвижение вперед.

Впоследствии, другие иллюзии распространились в массах пролетариата: различные, более или менее "крайние" левые группы появились на сцене посредством иных, не на заводах возникающих, движений: движений различного типа, движения за "прямую демократию", за допущение к местной власти псевдорбочих организаций, посредством борьбы за более широкие гражданские "права" или путем самых разнообразных референдумов; теории, которые доходили до абсурда, такие как те, которые видели возобновление революционной борьбы в экологических движениях или те, которые декретировали исчезновение рабочего класса. Другим препятствием, которое пролетариат обнаружил на своем пути, были политические последствия, выведенные некоторыми группами из цикла национальных и антиколониальных революций шестидесятых годов: маоисты, геваристы и их буржуазный антиимпериализм.

В отсутствии интернациональной партии с реальным влиянием на решающие слои мирового пролетариата, как мог им быть Коммунистический Интернационал первых лет своего существования, в отсутствие этого руководства (и этой способности распознать общественные явления, столь же важные и сложные как борьба национальная) пролетариат, с этой стороны, был легко втянут в ту же ловушку защиты буржуазного порядка: солидарности и отождествления себя с национальными революциями, такими, какими они были, и с тем, что они выражали из буржуазного антиимпериализма и исторической необходимости "национальной демократии" для установления и развития национального капитализма. Естественно в то время в самом разгаре была мистификация для того, чтобы заставить признать революции, которые могли, с социальной и экономической точки зрения, быть лишь буржуазными, — что никогда не мешало нам позитивно приветствовать, помимо окончания колониального угнетения, революционный факт превращения крестьянина и ремесленника в пролетария — за революции "социалистические", от Китая до Алжира, от Кубы до Вьетнама и т.д.

Редчайшими были тогда крайне левые группы, которые не принимали на свой счет эти мистификации и которые не видели в этих революциях и в этих партизанских войнах, крестьянских в своей основе, вместе со всеми мифами, искажениями и типичным бессилием мелкой буржуазии и среднего класса, столько же примеров и моделей пролетарских революций — даже если местный, составляющий меньшинство, пролетариат участвовал в них занимая подчиненное положение.

Большинство крайне левых групп принимали участие в этой мистификации, оправдывая ее при помощи аргументов и анализа, основанного на смеси марксизма и типичной идеологии демократической мелкой буржуазии; они способствовали, таким способом, еще большему углублению фальсификации марксизма и замешательству в рядах рабочего класса.

Это не мешает тому, что китайская революция 1949г. и многие другие революции пятидесятых и шестидесятых годов должны рассматриваться с исторической точки зрения как качественный скачок, бросок вперед для целых континентов, которые испытывали од-

новременно с колониальным угнетением последствия докапиталистической, и даже, в некоторых случаях, дофеодальной отсталости. В Азии и Африке десятилетия, которые последовали после второй мировой войны, открыли путь национальным буржуазным революциям, т.е. внедрению в широком масштабе капитализма и образованию современного пролетариата, который присоединится к пролетариату более передовых стран. Для того чтобы развиваться капитализм нуждается в формировании пролетариата, и он всегда это делает с большим насилием. Отряды национальной буржуазии, которые имели силу и мужество основательно разрушить пережитки способов производства предшествующего общества, были не многочисленны; буржуазные силы, особенно в эпоху империализма, скорее манипулировали массовыми движениями против установившегося порядка для того, чтобы сориентировать их не только на национальные, антиколониальные цели, но также и на союз с одним или другим империалистическим блоком с тем, чтобы обеспечить себе преимущества и покровителей после революции (или после "деколонизации", как предпочли бы стыдливо сказать об этом буржуа) (1).

Мы всегда позитивно оценивали эту великую историческую эволюцию; но мы всегда были на стороже и боролись с иллюзиями, которые претендовали, в условиях отсутствия рабочего класса и его партии, на возможность прививки социалистической революции на революцию буржуазную, как и с иллюзиями о возможности ускорить возобновление классовой борьбы в передовых капиталистических странах возобновляя или опираясь на методы и цели революционного буржуазного националистического движения колониальных стран. Короче говоря, мы никогда не прекращали бороться с иллюзиями возможности найти кратчайший исторический путь, который позволил бы продвинуться к социалистической революции, несмотря на отсутствие решающей роли рабочего класса крупных капиталистических стран и без активного присутствия интернациональной классовой партии, направляющей революционное пролетарское движение во всех странах.

Мы всегда резко критиковали мистификации групп, которые принимали эти буржуазные революции, и еще хуже, государства, рожденные в этих революциях, со всеми авторитарными и тоталитарными чертами, заимствованными у великих империалистических государств, за социалистические. Возможно, что в этой критике иногда были допущены преувеличения, в том смысле, что не всегда верно оценивались позитивные аспекты этой борьбы, но нужно понять, что здесь это было лишь небольшим грехом (2) по отношению к приоритету, которым была борьба с огромными отклонениями, состоящими в том, что антиколониальные и антиимпериалистические буржуазные движения принимались за пролетарские и социалистические. Возбуждение, вызванное победой кубинской революции в вотчине самой мощной империалистической державы мира, может быть, и было понятно, но, тем не менее, оно не было оправданным. Но среди крайне левых групп энтузиазм найти слабую точку на броне американского империалистического монстра был такой, что он ослеплял их как в вопросе соперничества империалистических блоков, так и в вопросе природы кубинской революции.

В колониальных странах рабочий класс, хотя и меньший по численности, чем мелкобуржуазные и крестьянские массы, был захвачен иллюзией участия в социалистической, следовательно, своей революции. Но первые акты новых постреволюционных властей были целиком ориентированы на подавление рабочего движения и против их требований.

Пролетариат государств, которые, как, например, Италия, непосредственно не были колониальными метрополиями, стал жертвой иллюзий, распространяемых компартиями, согласно которым его освобождение проходило бы через солидарность с демократической и революционной буржуазией бывших колониальных стран, но в плане непосредственных экономических интересов он испытывал большее давление со стороны своей собственной буржуазии, пытающейся возместить часть прибавочной стоимости, которую она не могла больше извлекать из крестьянства колоний. И пролетариат, который был призван дать поддержку - очевидно платоническую, и, разумеется, пацифистскую - молодым независимым государствам и антиколониальной буржуазии во имя "всеобщей справедливости" и "прав народов" - призывы, которые служили лишь тому, что питали межклассовую демократическую практику у себя дома - был, таким образом, призван пожертвовать частью своей повседневной жизни во имя защиты против конкуренции национальной экономики империалистического государства против обещания будущего улучшения своей судьбы. Братья по классу отождествлялись теперь не с пролетариями колониальных стран, а с новой господствующей буржуазией; классовая солидарность не отождествлялась больше с классовой борьбой пролетариев всех стран, молодого или зрелого капитализма, против их буржуазии, а лишь с борьбой революционной националистической буржуазии (или просто националистической). Очевидно, что такая ориентация, на деле, была лишь новым утверждением межклассовости, сотрудничества между классами, несмотря на все многочисленные выступления о "социализме" или борьбе угнетенных.

В странах, которые непосредственно являются метрополиями, левые партии заняли другие позиции: от позиции защиты колониальной империи, которая если не всегда на словах, то фактически благоприятствовала колониальному гнету их буржуазии, они перешли к защите своего империализма посредством кампаний за переговоры по заключению мирных договоров, когда столкновения поворачивались в пользу народов колоний - оставаясь всегда на социал-империалистических и антипролетарских позициях. Необходимо разоблачить тот факт, что пролетариат стран-метрополий не проявил, даже маргинальным способом, никакой солидарности с антиколониальной борьбой против своей собственной буржуазии. Это и есть продукт долгих лет примирения классовых интересов, и это, в свою очередь, облегчило возникновение реакционных и антипролетарских политических позиций, как и постоянной враждебности по отношению к трудящимся-иммигрантам, расизма, ксенофобии, способствуя, таким образом, удержанию парализованного пролетариата на позициях, чувствах и интересах мелкой буржуазии.

Именно благодаря этому фактическому соучастию пролетариата класс буржуазии империалистических государств смог продолжить, несмотря на потерю колоний и сверхприбыли, которую он оттуда извлекал, свое дело финансовой "колонизации" всего земного шара; с окончанием открытой рабовладельческой колонизации, это стало поворотом к колонизации внешне менее зверской, но в действительности еще более катастрофической для народов, в большом масштабе подвергшихся голоду, эпидемиям, экологическим катастрофам, резне якобы внутренних войн, всеобщему разорению мелкого крестьянства и жестокой эксплуатации рабочей силы пролетариата.

В течение всего этого периода пролетариат должен был встретить лицом к лицу, как без марксистской партии, так и без классовых организаций непосредственной защиты сво-

их экономических условий, вторую мировую войну, восстановление разрушенных стран, цикл антиколониальных революций и первый настоящий всеобщий экономический кризис ведущих капиталистических стран. Весь этот период прошел над мировым пролетариатом, как огромный дорожный каток, и он вызвал гигантский откат даже по отношению к самым элементарным классовым позициям; но речь фактически идет больше чем о сильном отравлении, передаваемом из поколения в поколение в теле пролетариата: отравление демократизмом, коллаборационизмом, внеклассовостью, смешанной с гекатомбами заводов и шахт, и тысячами войн, которые не перестали отмечать этот второй послевоенный период, прославляемый, однако, всеми формами буржуазной идеологии, как эпоха прогресса, благосостояния и мира.

Пролетариат оправиться от сегодняшней ситуации только после ожесточенной борьбы внутри самого себя

Это катастрофическое описание могло бы привести некоторых к заключению, что мировому пролетариату никогда не удастся подняться вновь, и что нужно было бы тогда отправиться на поиски новых "социальных субъектов" для того, чтобы иметь надежду на будущую альтернативу.

И именно к этому выводу пришли некоторые крайне левые группы с их "новыми революционными классами". Достаточно вспомнить семидесятые годы, когда руководство рабочих уступало место то крестьянам, то инженерам, то борцам против ядерной угрозы. Мы должны были вести политическую борьбу для того, чтобы напомнить и защитить элементарные понятия классовой борьбы против такого рода концепций, в большей или меньшей степени возобновляемых всеми группами называющими себя революционными. В течение десятилетий ситуация вынуждала нас постоянно возвращаться к элементарной концепции формирования пролетариата в класс, следовательно, в партию (в соответствии со словами "Манифеста"), возвращаться к понятиям наемного труда и капитала или еще проще к профсоюзному вопросу - и мы будем еще долгое время вынуждены продолжать эту работу ввиду сохранения состояния отсталости пролетариата по отношению к потребностям его борьбы, непосредственной и исторической.

Пролетариат был должен и должен еще сейчас вновь научиться бороться, потому что он потерял живой опыт, способность, память о способе, которым борются с хозяевами предприятий и государством; и особенно он забыл, что если всякая борьба неизбежно должна закончиться, организация для этой борьбы продолжать существовать. Оставить свою судьбу в руках организаций псевдопролетарских, какими являются официальные профсоюзы и так называемые рабочие, а фактически ультра-буржуазные, партии, оставить политическое видение и политические усилия ради достижения полезных для своего дела результатов, означало для пролетариата развитых и, еще с большим основанием, "развивающихся" стран, полное отречение от классовой борьбы в пользу межклассового сотрудничества.

Это не мешает тому, что в ходе этих десятилетий пролетарские отряды вступали в борьбу по всему миру и вступали в столкновение с классовым врагом. Это происходит

постоянно и неизбежно в капиталистическом обществе, потому что в действительности **классовая борьба не исчезала никогда.**

После окончания мировой войны были социальные потрясения чисто пролетарского характера, крайне изолированные, но очень мощные, как, например, рабочие восстания в Берлине или забастовки в Польше, борьба английских шахтеров и т.д., и значением всех этих эпизодов пренебрегать нельзя. Но это были именно лишь эпизоды борьбы, побежденной буржуазными репрессиями и коллаборационистской работой оппортунизма, преданные забвению под подавляющей мощью аппарата защищающего социальный порядок. Власть буржуазии всегда имеет в качестве своей цели, помимо разрушения классовых организаций (как политических партий, так и организаций типа профсоюзов), исчезновение даже памяти рабочих, погребенной под огромной массой фальсификаций и искажений истории пролетарского движения. Достаточно вспомнить то, что сделал в этом плане сталинизм, для того, чтобы продемонстрировать потребность в фальсификации, которая всегда есть у буржуазной власти для того, чтобы господствовать над рабочим классом. Когда, после великого страха революции, во время первого послевоенного периода европейская буржуазия смогла не только организовать политическое, экономическое и военное, но и идеологическое давление на пролетариат, сумев заставить его принять **демократию**, — т.е. вечное мирное сосуществование со своими эксплуататорами — как идеал и цель, за которую нужно бороться и которую нужно защищать.

Следовательно, было бы абсурдным верить, что после этой серии поражений пролетариат смог бы одним ударом, не слишком понятно каким образом, вернуть себе память, силу, веру в себя и т.д., вновь включиться в борьбу ради своих собственных целей, своими собственными классовыми способами и средствами, восстанавливая себя как класс, который эффективно действует не только ради своих непосредственных экономических интересов. Абсурдно думать, что пролетариат имеет сверхъестественную способность отбросить в мгновение ока весь ворох грязи, накопленной буржуазией и ее оппортунистическими лакеями — как и совершенно абсурдно полагать, что пролетариат отныне исчез как общественный класс и что он растворился в безразличной массе граждан, избирателей или налогоплательщиков.

Для пролетариата и внутри пролетариата неизбежными будут новые катастрофы именно для того, чтобы подтянуться до уровня классовой, т.е. антиколлорационистской, антипацифистской, антидемократической практики. В действительности невозможно, чтобы пролетариат вдруг полностью смог избавиться себя от отравы оппортунизма простым волевым актом или в силу *осознания*, внезапного и необратимого.

Неизбежными будут острые конфликты внутри самого пролетариата, отсталые пролетарии будут вступать в борьбу против передовых элементов, без сомнения искренне веря, что борются за справедливое дело, организованные якобы рабочими, якобы коммунистическими и т.д., но в целом буржуазными силами, и к единственной выгоде капиталистического порядка. Это уже происходило в истории; это произойдет вновь. Мы должны это знать, мы должны знать, что возобновление классовой борьбы пройдет через болезненные роды, и что будут кровавые столкновения между пролетариями, потому что буржуазия никогда не позволит рабочему классу, классу, исторической задачей которого является ее уничтожение вместе со всем ее обществом, спокойно и демократически реорганизоваться для соверше-

ния революции. Мы должны это полностью сознавать, потому что следующий цикл классовой борьбы и следующая революционная волна, теоретически, будут **решающими.**

Международная буржуазия, буржуазия каждого крупного государства, каждой развитой капиталистической страны это знает, это чувствует, благодаря не более высокому уму, продукту одного или двух веков своего господства, а благодаря своему классовому инстинкту, своему инстинкту социального самосохранения.

Пролетарии развитых стран, захваченные демократией, обществом потребления, так называемыми социальными гарантиями, демократическими правами и т.д., дорожа заплатят за это соучастие в делах буржуазии; они уже оплатили это в ходе мировой войны, они оплачивают это сейчас “несчастными случаями” на производстве, убитыми и ранеными в ходе различных “ограниченными” войнами, которые беспрерывно следуют друг за другом с конца второй мировой войны. Они заплатят еще более дорогую цену, когда отряды пролетариата придут в движение по направлению к классовой борьбе; когда они начнут практиковать, и не эпизодическим способом, становиться на почву классовой борьбы со своими собственными независимыми организациями непосредственной экономической борьбы, и когда интернациональная коммунистическая партия, восстановленная в мировом масштабе, сможет влиять на ее решающие участки.

Первое, что тогда произойдет, будут репрессии, клевета, заключение в тюрьмы, пытки против наиболее боевых элементов, против тех, кто будет способен организовать и руководить забастовками, против пролетарских вождей. И будут силы псевдопролетарские, включающие отсталых пролетариев, люмпен-пролетариев и всяких проходимцев для организации насильственных действий против независимых классовых организаций.

Возобновление классовой борьбы, даже только для того, чтобы встать на почву элементарной защиты условий своей жизни, борьбы и труда, будет результатом борьбы внутри самого пролетариата. Думать или надеяться, что это не произойдет, возможно лишь, если полагаться на иллюзии, что в один прекрасный день, неизвестно по какому волшебству, пролетариат пробудится от своего долгого реформистского сна и, как один человек, бросится в революционную борьбу; или представляя себе, как после долгой, в течение десятилетий, и скромной работы по убеждению пролетариев, одного за другим, настанет один прекрасный день, когда все, наконец, “осознают ошибки”, которые они совершают, следуя путем реформизма, и будут убеждены в необходимости делать революцию. Очевидно, что это карикатура, но это карикатура на позиции, которые существуют среди тех групп, которые считают себя более или менее близкими к Левым коммунистам, от “Lotta Comunista” (“Коммунистическая борьба”) до “Международного коммунистического течения”.

Начинать с самой низкой точки против консервативной и реакционной идеологии стихийности

Мы повторяем это фундаментальное понятие, уже изложенное в статьях и других работах партии: после второй мировой войны классовая борьба исторически была обречена начать с “с самой низкой точки своей “стихийности”” в терминах непосредственной защиты своих прав и профсоюзных организаций (2). Это позволяет понять всю сложную траек-

торию пролетарского движения, его чисто реформистскую борьбу и его участие в социальной консервации общества, также как и отсутствие, вообще говоря, самой классовой борьбы на самом элементарном уровне, как и эпизоды классовой борьбы и социальных взрывов, короче говоря, понять реалии социальной борьбы, придавая им их верное историческое значение и содержание. Тогда есть возможность не впасть, как это многократно происходило вчера, в иллюзии и разочарования, которые неизбежно выливаются в кризисы организации. Настолько сильно желание коммунистических активистов установить связь с находящимся в движении пролетариатом, готовым к освобождению себя от капитализма, что это приводит иногда к скатыванию в волонтаризм, в активизм, пошибилизм, к тенденции переоценки повседневных действий и фактов и забвения конечных целей революционной борьбы. Но, с другой стороны, так велик бывает страх перед активизмом, что появляется противоположная ошибка, бездеятельность, революционная фраза, безразличие, в тенденции повернуться спиной к повседневной деятельности, для того, чтобы посвятить себя так называемой защите чистоты революционного будущего, которое ясно и понятно выстроит силы революции против сил контрреволюции. Эти две ошибки опираются на теоретические и политические позиции и положения практические и организационные, зависящие от унаследования масс; в конце концов, они проистекают из этой реакционной, консервативной идеологии стихийности, которая затронула подавляющее большинство населения капиталистических стран, начиная со времени последней войны. Когда теряешь принципиальный марксистский компас, неизбежно впадаешь либо в пошибилизм, либо в увлечение революционной фразой; а отсюда легко сделать последний шаг к консервативному реформизму.

Ошибки классовой партии являются отражением отсталости международного пролетариата и разоблачают плохое понимание марксистской теории

Партия, восстановленная во время войны на программных основах Коммунистической партии Италии, установленной в Ливорно в 1921г., не осталась, однако, полностью свободной от влияния позиций антифашистского сопротивления и мятежного антисталинизма и не избежала иллюзии, что второй послевоенный период будет столь же потенциально плодотворен для пролетарских революций, как и первый. Эти ошибки привели к расколу 1951-1952гг.; но это был кризис, принесший пользу, кризис теоретического и политического созревания. Наша партия вышла из него усилившейся и способной подвести окончательный итог большевистской революции и сталинской контрреволюции, самой глубокой и жестокой контрреволюции, которую когда-либо знал рабочий класс. Без этого итога не было бы возможно продвинуться ни на один миллиметр в теоретическом восстановлении революционного марксизма.

Впоследствии, и особенно к концу шестидесятых и началу семидесятых годов, продолжение реформистского демократического курса и отсутствие всеобщей классовой борьбы, благодаря существованию "социальных амортизаторов", первые движения массового недовольства, избегая влияния традиционного реформизма, бросились под знамя неком-

мунистических идеологий: идеологий прогрессизма, "представления о власти" "все и сейчас", идеологий радикального демократизма и "боевого" реформизма, которые питали иллюзии о "власти на предприятиях" и "самоуправлении". Эта настоящая практическая и идеологическая агрессия демократизма против пролетариата, это поклонение стихийности масс, как будто являющейся путем освобождения пролетариата, сходилась с последними этапами буржуазной антиколониальной антиимпериалистической борьбы, которую поколение шестьдесят восьмого года выдавало за борьбу антикапиталистическую, параллельную их собственную борьбу. Все это движение выражало, в действительности, социальные требования средних классов, мелкой буржуазии, интеллигенции и рабочей аристократии: защиту "привилегий", небольших, но реальных, накопленных в течение долгого периода экономической экспансии, в ходе которой пролетариат в целом достиг постоянно растущего уровня жизни и оставался убежденным, что всякий возврат назад невозможен. При первых симптомах непрочности этого жизненного опыта, именно средние классы и некоторые слои рабочей аристократии, которые реагируют и видят себя в движении против риска быть низвергнутыми в условия пролетариата, в условия **обездоленных**. И они ищут, и иногда находят, в массе пролетариата силу для того, чтобы придать вес собственным устремлениям. В течение многих лет рабочее движение было объектом самых необычных теорий и идеологий, и оно познало самую бесплодную "практику борьбы" - даже если внешне она была эффективной: от массовых манифестаций "дней действий" традиционного реформизма до возбуждающего терроризма, от студенческих разглагольствований до голодовок. На коллективные и индивидуальные драмы рабочих отвечали выходы псевдореволюционных организаций, сторонников стихийности, маоистов, троцкистов, вплоть до групп "городской герильи".

Нет ничего невозможного в том, что движения подобного рода появятся в будущем, но это, во всяком случае, будет в ситуациях, которые не будут больше отмечены годами "социальных гарантий" и "государства провидения", системами - которые демократические режимы унаследовали от фашизма - имеющими тенденцию гарантировать социальный мир и согласие между классами всей разветвленной сетью социальных амортизаторов и ставших привычными "крох", которые буржуазия может уступать рабочему классу, с помощью реформистов и их действий. Ресурсы для поддержки социального мира не бесконечны, а иной экономической ситуации соответствуют реформистские организации с иными характеристиками.

Негативные последствия этого периода после 68 года коснулись и нашей партии и ослабили ее теоретическую политическую и организационную сопротивляемость до такой степени, что привели ее к расколу. В тот момент, когда, особенно во Франции и Италии, она ставила себе задачу вмешательства, на постоянной основе, в социальную борьбу, чтобы внести в рабочий класс революционную теорию и сражаться против практики и целей реформизма, партия подверглась нападению со стороны позиций, которые были смесью увриеризма, сторонников герильи, волонтаризма и активизма. Верить, что всеобщая забастовка мая-июня 68 года и горячая осень в Италии 69 года были предвестниками революционной борьбы, которая должна была разразиться в то же самое время, что и мировой экономической кризис капитализма, предсказываемый партией для 1975г., вел к взглядам и теоретическим рассуждениям, абсолютно противоположным всей теоретико-политичес-

консенсуса и усилению влияния реформизма на класс. Буржуазия крупных капиталистических стран смогла сделать эти уступки потому, что в отличие от “развивающихся” стран, над которыми они господствуют, они имели эти крохи, необходимые для распределения. Черпая в своих запасах, они могли купить себе консенсус и социальный мир. Сегодня, без всякого сомнения, эти запасы подорваны рекуррентным экономическим кризисом, но они еще не исчерпаны. Вне всякого сомнения, распределение этих запасов осуществляется сейчас в ущерб некоторым слоям мелкой буржуазии или рабочей аристократии в пользу других; оно осуществляется в ущерб населению бывших колониальных стран, в ущерб трудящимся-эмигрантам, в ущерб временным рабочим, молодежи, безработным, для того, чтобы поддержать уровень жизни мажоритарных слоев рабочего класса с тем, чтобы не разрушить основы социального мира.

Эти крохи не только и не столько выражаются в зарплате; речь идет в более общем плане о более или менее “защищенных” социальных условиях против любых значительных невзгод (социальные пенсионные службы, система здравоохранения и т.д.), которые поддерживались в течение некоторого времени, но которые все более и более оказываются преимуществами по отношению к тем пролетарским слоям, которые играют все меньшую роль и которые их лишены.

Для того чтобы восстановить норму прибыли после экономического кризиса 1974-1975гг. буржуазия начала брать назад эти уступки и модифицировать отношения между классами при помощи политического и профсоюзного коллаборационизма.

Начиная с 1975г. для пролетариев крупных капиталистических стран жизнь стала трудней; все более и более они отбрасываются к условиям жизни и труда пятидесятых – шестидесятых годов, все больше они должны благодарить хозяина, который дает им возможность эксплуатировать себя, для того, чтобы заработать себе на жизнь и накормить свои семьи. **Наемное рабство** становится все более тяжелым для все более и более широких масс трудящихся. И первым следствием этого является не борьба, а подавленность: лучше отказаться от борьбы за повышение заработной платы, чем подвергать себя риску ее уменьшения, лучше уменьшение заработной платы, чем увольнение, и т.д. Сегодняшняя ситуация характеризуется серьезным кризисом умонастроения рабочего класса, смиренностью перед требованиями капитализма и сил социальной консервации. Именно рабочий класс поворачивается спиной к единственному эффективному способу самообороны – классовой борьбе. Таким стал результат подрывной деятельности оппортунизма, политического и профсоюзного, такой глубокой была распространяемая им иллюзия, что уровень жизни рабочего может лишь бесконечно увеличиваться, что пролетарии оказываются полностью бессильными и безоружными перед лицом малейших проявлений деспотизма хозяев предприятий – не говоря уж о государственном деспотизме. Изолированные, дезорганизованные с классовой точки зрения, разумеется, потому что с точки зрения социальной консервации и привязывания их к капитализму имеется избыток сил, которые “их организуют” – пролетарии вновь оказываются одни против всех. И эта объективная реальность, – которую единственно классовая борьба может преодолеть через солидарность в борьбе и объединение непосредственных интересов – неумолимо толкает ко все более отсталым условиям социального выживания, в руки мелкой буржуазии, которая щедро питает себя социальным эгоизмом и индивидуализмом. Ситуация противоречива: пролетарии почти не

кой работе, осуществленной партией в ходе предшествующих лет, и которые могли лишь вылиться в неуверенность, сомнения и расколы.

Предвидеть мировой экономический кризис и предвидеть, в то же самое время, политический кризис власти буржуазии и, следовательно, начало революционного периода является частью работы марксистов. Возможно, что революционеры “видят” революционный кризис более близким, чем он есть в действительности. Это происходит со всеми революционерами начиная с Маркса, и это произошло и с Бордигой, когда он “предсказал” революционный кризис для 1975г., одновременно с экономическим кризисом. Ошибкой партии была не работа в этом направлении, то, что, напротив, она должна была делать, а то, что она не рассматривала других гипотез и опиралась в своих делах на работу сделанную прежде, считая, что не существует больше фундаментальных теоретических задач, а что отныне нужно посвятить себя, в основном, практической деятельности и ее проблемам. Именно таким образом начался упадок: распространилась иллюзия, что партия может в короткий срок выйти из своей изоляции и приобрести некоторое влияние, что пролетариат может делать шаги вперед, если партия физически представлена и способна сделать практическую демонстрацию верных методов и верного пути следования. Но таким образом этого не произойдет никогда. Верить, что пролетарии, в некотором роде, существа **нейтральные**, которые могут заново найти дорогу борьбы только которую благодаря просветительскому вмешательству партии, означает полностью впасть в метафизику и отказаться от работать **в качестве партии**, то есть в качестве сознательной политической силы пролетариата как целого, отказаться, следовательно, от подготовки партии к задачам руководства рабочим движением завтрашнего дня.

Жизненно необходимо вернуться к корректным марксистским критериям оценки процесса возобновления классовой борьбы. Возможно, что ошибки будут делаться вновь, поскольку не существует рецептов, или математических формул, которые позволили бы их автоматически исключить; наши усилия должны быть направлены в сторону усвоения марксистской теории и повторного терпеливого изучения критериев оценки ситуации и общественных сил; без этого труда и этого изучения никогда не будет возможно стать коммунистической партией, которая завтра должна будет руководить классовой борьбой, революцией и диктатурой пролетариата.

Усиление наемного рабства в ближайшем будущем ведет к отказу от классовой борьбы

Тот факт, что классовая борьба, будучи обреченной начинать с самой низкой точки, объективно заставляет пролетариат отвоевывать почву элементарной борьбы повседневного сопротивления для защиты условий жизни и труда, за восстановление организаций для этой борьбы. До середины семидесятых годов пролетарии крупных капиталистических стран смогли добиться от буржуазии ряд уступок; и этих уступок, вне всякого сомнения, они добились, потому что они включились в движение и вступили в борьбу: буржуазия никогда и ни на что не соглашается бесплатно. Но эта борьба развернулась исключительно в реформистских рамках, а полученные уступки послужили поддержанию общественного

верят больше, что их защищают трехцветные (т.е. сменившие одноцветное красное знамя интернациональной борьбы пролетариата на национальные трехцветные знамена буржуазной Франции или Италии) профсоюзы, но у них нет сил создать долговременные классовые организации вне этих профсоюзов. Самые боевитые пытаются тогда использовать профсоюзы, подталкивая их вперед, оказывая на них давление, угрожая иногда вернуть членские билеты и т.д. Но это не может быть решением проблемы эффективной оборонительной борьбы за непосредственные экономические интересы, потому что всякая организация трехцветных профсоюзов всегда будет скорее саботировать борьбу, чем выступит против интересов местной или национальной экономики, экономики предприятия и т.д.

Реформизм сверху, т.е. реформизм буржуазный, необходим господствующему классу для социального контроля

С этой точки зрения, мы находимся, следовательно, на очень отсталой стадии, хотя явление утраты доверия к реформизму усиливается. Но что означает, в действительности, эта потеря доверия к реформизму по отношению к рабочему классу?

Для того чтобы обосновать свое влияние на рабочий класс, как политический так и профсоюзный реформизм опирается на эти “крохи”, эти уступки, на которые буржуазия ведущих государств могла согласиться, не ставя под угрозу свои прибыли: все реформистские организации, их цели, их идеология, внедрение, их деятельность, их отношения с господствующим классом и буржуазным государством были определены поиском этих уступок и таким их способом руководства, который лучше всего был бы совместим с необходимостью защиты социального порядка.

В период, когда буржуазия не может больше делать новых уступок, но когда ей нужно забрать назад старые, реформисты предшествующего периода ни на что ей больше не нужны; теперь ей нужны реформисты, которые принуждают трудящихся соглашаться на снижение их уровня жизни, неустойчивый характер их занятости, ухудшение их условий труда. Организации и состав, политический и профсоюзный, должны адаптироваться к этим новым задачам, изменить методы или освободить место для других; речь не идет больше о распределении социальных уступок и уступок в заработной плате, речь идет **об управлении процессом ликвидации уступок**, и это не может осуществляться ни тем же самым способом, ни тем же самым персоналом. Нужны новые люди, воспитанные новым способом; вот почему типичным работником профсоюза становится больше не рабочий, а своего рода **менеджер предприятия**, воспитанный для того, чтобы обеспечить интересы предприятия и производительности труда раньше интересов пролетариев, привычный ко всем видам техники “связи” и манипуляции массами.

С другой стороны традиционные рекомендации реформизма сталинского образца исчезли вместе с исчезновением СССР и его так называемого “социалистического лагеря”, которое ускорило изменения и процессы “переустройства” политического и профсоюзного оппортунизма, включая социал-демократию, по крайней мере, некоторых стран. Многочисленные компартии исчезли или кардинально изменили свое лицо, в том числе и некото-

рые из самых значительных. Компартия Италии, самая крупная из находящихся вне так называемых социалистических стран, трансформировалась в Демократическую Партию Левых Сил, примкнула к Социалистическому Интернационалу и официально оставила всякие претензии на право быть партией трудящихся и рабочего класса, для того, чтобы представить себя партией “всех граждан”. Реформисты должны были раньше и должны сейчас изменяться для того, чтобы иметь возможность **продолжать играть ту же самую фундаментальную роль** по отношению к пролетариату: роль отклонения протестов и всех усилий, угрожающих социальному миру стараются, отчасти, уступить течениям “крайне” левой и радикальному демократизму, тогда как главная роль представителя интересов буржуазии внутри пролетариата возвращается к новому реформизму, к реформизму, который рождается прямо сверху из требований капитала и буржуазного правительства.

В этом смысле традиционный реформизм, вышедший из антифашистского сопротивления и послевоенной реконструкции, частично продолжает оказывать влияние на рабочий класс, черпая свою силу в господствующем классе. Если в течение нескольких десятилетий реформизм сталинистского происхождения мог скрывать свою трехцветную душу за красным покрывалом, то сегодня красный цвет исчез, остался только триколор.

Реформизм “снизу”, с револьвером или без него, также играет роль амортизатора социального напряжения

В течение последних 15 лет порой немалые слои рабочего класса узнавали, что нельзя доверять коллаборационистским профсоюзам. Но ухудшение положения пролетариата питает в то же время некоторые надежды по отношению к профсоюзам и их способности, не смотря ни на что, прийти на помощь трудящимся, что возможно только уважая их “права” и используя законные средства. Эта типичная **демократическая надежда**, еще живущая среди рабочих, питает в рядах пролетариата старую привычку **делегировать** посредникам защиту своих собственных интересов. Тот факт, что профсоюзы удерживают монополию в переговорах с патронатом, играет важную роль в объяснении того, что 99 процентов самых боевых порывов ограничиваются оказанием давления на профсоюзы, для того, чтобы “убедить” или заставить их встать на сторону пролетариата, а не на сторону хозяев предприятия. Профсоюзы, все более стремятся быть простыми посредниками между работодателем и пролетариатом, прежде чем представителями последних, одновременно доверие по отношению к ним имеет тенденцию к исчезновению. Но это не приводит механически и автоматически к разрыву с их аппаратом и всей его практикой и появлению независимой классовой организации.

Попытки самоорганизации, которые существуют в течение многих лет (особенно значительные в Италии), и которые получают размах по случаю отдельных случаев борьбы, остаются еще в слишком большой степени пленниками политиками межклассового сотрудничества и методов борьбы законными и мирными средствами для того, чтобы представлять собой действительный разрыв с традиционным реформизмом. Они являются лишь **зародышами новых классовых организаций**, но гораздо больше левореформистских организаций, предназначенных возвращать в строй пролетарские слои, которые стремятся

избежать тупика официального коллаборационизма. Это не означает, что возрождение реформизма радикальными низами, которые составляют конкуренцию реформизму сверху, исключено. Совсем наоборот, нужно подготовиться к тому, что он возродится, когда пролетариат включится в движение и начнет организовываться вне влияния аппарата классового сотрудничества.

Пролетариат крупных капиталистических стран не познал еще массового и резкого ухудшения жизненных условий; несмотря ни на что, ему удалось удержать полученные завоевания и не впасть в положение полной нищеты. Большинство пролетариев продолжило, следовательно, повторять, молитвы о социальном мире, которые ему нашептывают как традиционные реформисты, так и реформисты наиболее "боевые": отказ от насилия, демократические методы, переговоры, отказ от действий без профсоюзного единства и т.д. "Революционеры" периода после 68 года сделали все возможное, чтобы утихомирить неутомный рабочий класс, когда он отваживался уходить от организаций классового сотрудничества и отвернуться от рамок буржуазной политики: опираясь на теории и практику поссибелизма, различные крайне левые движения привели период боевой классовой борьбы в тупик "демократических дебатов", "прямой демократии" или так называемой "контр-власти", неизбежно возвращаясь к избирательной деятельности и политике отдельных политиков. Реформизм "снизу" подавал руку реформизму "сверху" всякий раз, когда было необходимо еще сильнее заключить рабочий класс в клетку межклассового сотрудничества и буржуазной политики.

В своем глубоком отступлении пролетариат – это еще в большей степени субъект для корпоративизма, индивидуализма, соучастия с теми, кто обещает дать некоторую защиту против шаткости своего положения, будь то коллаборационистские профсоюзные организации, религиозные, криминальные организации, новые национал-популистские партии или просто иерархические структуры на предприятии. Тогда может показаться, что эпоха левых и крайне левых партий близится к концу. Но в действительности исчезают только частные **формы, аппаратные структуры**, которые вступают в кризис, персональный политический состав, который меняет свое предназначение. Фундаментальные требования буржуазного общества остаются теми же самыми, в том, в частности, что касается социального контроля. Изменение, "переустройство" реформизма стремится к восстановлению опор, способных сопротивляться давлению, которое неизбежно появится в будущем, стремится вновь поставить на ноги силы, которые могут успокоить гневную реакцию, заставить свести напор требований к народной солидарности и представить себя в качестве избирательной или правительственной "альтернативы". Силы такого рода не изобретаются в один прекрасный день; их производит и ставит на ноги само буржуазное общество, питает порочный механизм демократии, согласно которому все требования могут быть изложены перед так называемым "народным суверенитетом".

Но идеологические представления, которые постоянно производит буржуазное общество, есть лишь, простые или сложные, но мистификации действительности, где неумолимо заостряются элементы кризиса, где возрастают факторы конфликта, и где неизбежно происходят столкновения между классами. Чтобы противостоять этому будущему взрыву социальных противоречий и противоречий внутри буржуазии, для того, чтобы избежать того, что они выльются в новый революционный период, господствующий класс готовится

использовать новые формы социального реформизма; тем более, что поскольку его политическая власть не находится под угрозой, он контролирует пролетариат **демократическим** и согласованным способом посредством сил, которые говорят от его имени.

И среди этих сил всегда есть место – большее или меньше в зависимости от потребностей – для "экстремистов", революционеров на словах или *вооруженных реформистов* (как мы назвали движения вооруженной борьбы типа "Красных бригад"). Вот почему необходимо не забывать уроки опыта ложных "крайне левых", сторонников герильи или разного рода движений, с которыми познакомился европейский и не европейский пролетариат.

Примечания

(1) «Декolonизация» соответствовала долгому периоду, последовавшему за последней мировой войной, в ходе которого было подтверждено всепланетное первенство американского империализма. Британия, бывшая великая держава, сильно уменьшила свое международное влияние, за этим последовал закат французской колониальной империи, тогда как побежденные государства (Германия, Япония, Италия) потеряли свои колонии автоматически. Старые колониальные державы, подчиненные неблагоприятному соотношению межимпериалистических сил и сталкивающиеся с растущим давлением движений за национальную независимость, предпочитают, зачастую, скорее согласиться на независимость своих колоний, чем поддерживать открытой военной силой свое господство (случай стран франкоязычной черной Африки или британских колоний). В других случаях они, не колеблясь, устраивали кровавые колониальные войны для того, чтобы не позволить ускользнуть особенно ценным колониям (случай Алжира, Суэцкого канала, Анголы и т.д.). В той мере, в какой отсутствовала классовая пролетарская борьба в метрополиях, которая могла бы послужить центром притяжения для масс, восставших против колониального господства, буржуазные слои колониальных стран без особого труда становились во главе этих восстаний и приходили к соглашению с тем или иным империализмом для того, чтобы гарантировать успех их «независимости». Старая колонизация уступила место колонизации современной, колонизации наиболее мощными центрами империализма и мировым рынком, в зависимости от интересов, соответствующих тем или иным природным богатствам, тому или иному стратегическому положению и т.д. Движения за независимость, которым удалось разбить колониальные армии, оказались перед лицом противоречий оставленного колониализмом в наследство: разрушение докапиталистического способа производства не было компенсировано слишком углубленным развитием капиталистического способа производства и, следовательно, к докапиталистической отсталости в очень многих бывших колониях добавилась отсталость капиталистическая, которая не оставляла их слабой национальной экономике никакого поля для маневра по отношению к мировому рынку.

(2) В докладе о развитии империализма, сделанном на общем собрании партии в конце 1977г. (опубликованном на французском языке под заголовком «Задачи, которые партия должна выполнить для подготовки условий для революционного выхода из кризиса», "Le Prolétaire" n° 258, 14.01.1978), было сказано, что речь идет о том, чтобы «понять как и почему возрождение пролетарского движения обречено начать с самого низкого уровня «стихийности», уровня, который - вопреки нашей собственной «послевоенной перспективе» - мы считали возможным преодолеть одним броском, когда мы указали трудящимся как приоритетную, и даже почти как предварительную, цель «восстановление классовых профсоюзов». В действительности, для того, чтобы процесс, который когда-то превратил красные профсоюзы в **трехцветные**, смог пойти в обратном направлении, были, и все еще остаются необходимыми два условия: возрождение сильного и широкого движения, **хотя бы пред-юнионистского**, пролетариата и в его кильватере, усиление революционной партии».

Революционеры-коммунисты выполняют свои задачи в тесном контакте с рабочим классом, не подменяя его, и в тесном контакте с проблемами классовой борьбы

Предвидя будущие появления “гарibaldiйцев” и фронтистов, в силу продолжения влияния традиционного реформизма на рабочее движение, даже если более оно не является господствующим, необходимо продолжить работу по подведению итогов, которую мы, отчасти, начали в статье “Вопросы экономической борьбы и независимых пролетарских организаций” (“Programme communiste” n° 93). В самом деле, итог служит нахождению реалистичной точки зрения на ситуацию, а именно: откуда начинать, каков путь нужно пройти и каковы препятствия, против которых должен выступить пролетариат. Эти препятствия являются также препятствиями и для классовой партии и, следовательно, мы также должны встретить их лицом к лицу не потому, что мы замещаем собой пролетариат, но потому, что в качестве коммунистов-революционеров мы должны взять на себя вопросы борьбы пролетариата, которые требуют классового ответа. Этот ответ определен классовыми ориентацией и указаниями, лозунгами и политическими итогами, которые мы должны передать классу. Это ответ, который подразумевает цели, методы, средства, предложения, инициативы и разоблачения, которые рабочий класс сможет усвоить и развить при условии разрыва с социальным миром, с коллаборационизмом, легальностью и взятия непосредственно на себя ответственности за классовую борьбу.

Задача коммунистов состоит в том, чтобы занять место на почве рабочей борьбы с точки зрения этого отвоевания средств и методов классовой борьбы, в том числе и для самой элементарной социальной и экономической защиты, не попадая в ловушку анархо-синдикалистского увриеризма, инфантильного автономизма или романтико-героических поползновений типа Красных Бригад. Они должны, в глазах рабочих, поднять цену боевой стихийности, всячески сражаясь с идеологией стихийности, консервативной, в конечном счете; им нужно способствовать, в том числе и на практике, классовой реорганизации пролетариата, избегая ошибки волюнтаристских строителей рабочих ассоциаций или революционных профсоюзов, в которые остается “только” доставить пролетариев. Но никогда не нужно забывать, что пролетариат должен будет отвоевать свои собственные методы, свои собственные средства, свои собственные цели и воссоздавать свои собственные классовые организации, тогда как вклад коммунистов как таковых будет главным образом политический, теоретический, пропагандистский, критический и разоблачительный.

Пролетариат должен будет найти в себе, благодаря импульсу объективных материальных и социальных факторов, силу подняться над положением материального, политического и идеологического порабощения, в котором он находится сегодня. Коммунисты не являются добрыми самаритянами пролетариата; но им всегда нужно знать на какой стадии находится пролетарская борьба, с какой точки он должен вновь отправиться в путь.

Если верно, что борьба классов есть продукт социальных противоречий, порожденных капиталистическим способом производства и угнетением, осуществляем буржуазией и ее государством по отношению к трудящимся классам, то это означает, что эта борьба не может внезапно появиться по воле какой-нибудь политической группы, какой бы искусной и влиятельной она ни была, что она не может возродиться вследствие усилий какой-либо профсоюзной или политической организации, какой бы “укоренившейся” и “воинствующей” она ни была. Если факторы экономического, социального, политического и военного рода не привели к созреванию объективных условий для явного и открытого социального взрыва межклассовых антагонизмов, классовая борьба ведется только в одном направлении, только со стороны буржуазии. Буржуазия всегда находится в состоянии борьбы против пролетариата, потому что ее господство над обществом включает в себе не только конкурентную борьбу на рынке, экономическую и военную борьбу на мировой арене, но также и постоянную борьбу против пролетариата, т.е. против класса, эксплуатация которого является источником прибыли. Что представляют собой заводы, как не театр этой борьбы буржуазии против наемного труда, благодаря которому хозяева предприятий каждый день извлекают прибавочную стоимость? Общественные отношения, определяемые капиталистическим способом производства, вынуждают рабочего идти работать на завод, трудиться до седьмого пота для того, чтобы давать выкачивать из себя неоплаченный труд: заработная плата в капиталистическом обществе это единственное средство к существованию для рабочего, который тотчас попадает в нужду, если он не дает себя эксплуатировать.

Борьба буржуазии – в качестве класса, а не в качестве отдельного буржуа или патрона – против пролетариата – в качестве класса, источника прибавочной стоимости, а не против того или иного отдельного пролетария – непрерывна. То, что может ее ослабить – это борьба противоположная, борьба пролетариата в качестве класса, а не борьба тех или иных пролетариев против того или иного буржуа или хозяина предприятия.

Развитие производительных сил капитализма уже давно пришло к состоянию зрелости (не в каждой стране, взятой в отдельности, а во всеобщем масштабе); буржуазное общество не может более быть для человечества носителем какого-либо исторически значимого прогресса, ни в социально-экономическом плане, ни в области знания или искусства, и еще менее в плане политическом. В то же время не существует прямой автоматической связи с уровнем зрелости классовых противоречий. Соотношение сил между классами зависит от ряда материальных и идеологических факторов, которые действуют в течение долгих периодов – и силы социальной консервации, представленные межклассовым коллаборационизмом и левым оппортунизмом имеют немаловажный вес среди этих факторов.

Нищета, голод, зверская эксплуатация, ухудшение условий жизни, социальное, полицейское и милитаристское угнетение, которые касаются иногда широких слоев пролетариата, не являются сами по себе единственными достаточными условиями для того, чтобы вызвать революционное движение трудящихся классов. На эти условия должны воздействовать факторы социальной борьбы и межклассовых столкновений; только прямая борьба против эксплуатации и угнетения может породить и увеличить силу рабочего класса, сначала для защиты условий его жизни и труда, прежде чем уровень социального напряжения не позволит этой борьбе подняться на всеобщий антикапиталистический уровень, транс-

формироваться в настоящую **классовую борьбу** до решающего столкновения: диктатура буржуазии или диктатура пролетариата, революция или контрреволюция.

В отсутствие условий, благоприятных для борьбы революционного класса, коммунисты, организованные в классовую партию, воплощающие осознание конечных исторических целей этой борьбы, знают, что их роль неизбежно ограничена изучением марксистской теории, пропагандой, политической критикой, прозелитизмом: в отсутствие этих благоприятных условий невозможно, чтобы их деятельность привела к решающему влиянию среди пролетариата. Кроме того, состав самой классовой партии доводится до минимума; в условиях глубокой контрреволюции, оказывается даже, что этот состав можно сосчитать на пальцах одной руки.

Следовательно, это абсолютная ошибка, выводить из зрелости общих объективных условий капиталистического развития возможность "ускорить" возобновление революционной борьбы и навестать "задержку" рабочего класса, бросая, например, свои собственные силы на штурм власти буржуазии, в надежде показать, таким образом, пример пролетарским массам. Но совсем ошибочно сделать вывод в противоположном направлении, что исходя из этой, все еще неблагоприятной ситуации, лучше воздержаться от любой попытки использовать малейшие возможности, предоставляемые социальными противоречиями, для развития практической деятельности, и не только пропагандистской.

Если коммунисты не замешают собой пролетариат в классовой борьбе, то они и не поворачиваются спиной к проблемам экономической борьбы пролетариата под предлогом, что время возобновления классовой борьбы еще не пришло, что не означает ни малейшего компромисса в части принципов, программы и практики марксизма с целью облегчить контакт и влияние на пролетариев.

В сегодняшней неблагоприятной ситуации коммунисты всегда пытаются использовать малейшие возможности для того, чтобы применить на практике **все составляющие их политической деятельности**, включая организационный и практический вклад в дело защиты условий жизни, труда и борьбы пролетариата. Они не скрывают, что их деятельность на почве экономической борьбы имеет целью помочь пролетариату преодолеть границы этой экономической борьбы и подняться, следовательно, до уровня всеобщей политической борьбы, — следовательно, борьбы революционной — против буржуазии; в то же время их деятельность имеет целью осуществить **практическую демонстрацию** в глазах пролетариев полезности марксизма — его теории, его программной, политической и практической ориентации и т.д. — не только для будущей революционной борьбы, но также и для сегодняшней экономической борьбы.

Задачи коммунистов вытекают из революционного будущего, а не из случайной ситуации в рабочем движении

Пролетариат показал своей исторической борьбой против господствующих классов, что он является классом революционным, единственным классом — носителем высших интересов, не связанных с рынком, прибылью, деньгами, но связанный с перспективой нового социального порядка, благоприятного для всего человечества. Этот высший поряд-

док — коммунизм, общество без классового угнетения и эксплуатации человека, целями которого являются не поиск прибыли, но удовлетворение человеческих потребностей, потребностей всего **рода человеческого**, а не потребностей отдельных людей, отдельных классов или даже отдельных народов, в том числе и в ущерб остальному человечеству. Не будет больше угнетенных классов, эксплуатации, конфликтов между различными группами людей или между нациями, потому что не будет больше ни государств, наций, денег, ни производства товаров, произведенные продукты будут непосредственно принимать форму **потребительной стоимости**.

Чтобы прийти к этому окончательному преодолению классового общества существуют обязательные промежуточные пункты: формирование пролетариата в класс, а следовательно, в партию, а затем его формирование в господствующий класс. Это означает, что пролетариат должен прийти к осознанию себя и как отдельного класса, противоположного всем остальным классам, и как класса революционного, носителя будущего, обладающего, следовательно, политической программой, в которой определены все фундаментальные пункты революционного процесса. Это означает также, что пролетариат должен доводить классовую борьбу до завоевания политической власти и до диктаторского использования этой власти против всех покушений класса буржуазии. Это означает, наконец, что для того, чтобы преодолеть приливы и отливы антикапиталистической борьбы, пролетариату необходимо сконцентрировать свои революционные цели в неизменных теории и принципах — марксизме — и доверить эту неизменность специфической организации — классовой партии, — которая в условиях сегодняшнего дня выполняет роль представителя будущего классового движения, руководит революционной борьбой и осуществляет власть после победы.

Классовая партия не смогла бы исполнить свою руководящую роль в будущей революционной борьбе, если бы четко не отделяла себя от всех других политических сил, действуя в самом тесном контакте с рабочим классом. Но тесный контакт не означает ни того, что партия должна раствориться в классе, взять на себя все проблемы непосредственной повседневной жизни пролетариев, ни того, что она должна играть роль моралиста, пытающегося просветить индивидуальное сознание пролетариев. Напротив, это означает, что она берет на себя проблемы пролетарской борьбы, дает ей адекватные ответы, связанные с классовой и революционной перспективой, способствует классовой организации пролетариата, отстаивает конечную революционную перспективу даже в ходе экономической борьбы, в которой она участвует не позволяя ей себя поглотить. Приоритет деятельности коммунистов — это формирование революционной партии, этого органа классовой борьбы, необходимого как на этапе всеобщего возобновления этой борьбы, так и, в особенности, на этапе международной революционной борьбы и захвата политической власти. Если приоритет деятельности коммунистов идет к усилению физических сил, которые составляют формальную партию, это никогда не должно пониматься как главным образом усиление численное, в ущерб политическому и теоретическому усилению организации, в ущерб связи деятельности внутри класса и его борьбы с общей ориентацией, диктуемой марксизмом.

Внести революционную теорию в ряды рабочего класса означает внести, когда это делают возможным объективные условия, в класс его историческую программу, продукт всех сражений прошлого, программу, которую он не может ни создать в любой момент, ни даже сохранить в нетронутом виде через все превратности межклассовых столкновений. В

контрреволюционные периоды только исключительно малое меньшинство способно сохранить и защитить эту программу, тогда как значительное большинство класса полностью попадает под влияние идеологии и практики господствующего класса, т.е. буржуазии. Раствориться в классе, таком, какой он есть в эти периоды, означало бы тогда подвергнуть себя буржуазной идеологии, отказаться от своих коммунистических задач и взять на себя задачи реформистов, следовательно, капитулировать перед силами социальной консервации.

Коммунисты не являются героями классовой борьбы, которые "делали бы" революцию тогда, когда пролетариат еще не готов ее делать; но они должны показывать наиболее боевым пролетариям, и не только на словах, но и на деле, что они тесней всего связаны в классовой борьбе. Они должны быть живым примером для других пролетариев, потому что эти последние никогда не признают коммунистическую программу в силу одной лишь пропаганды; они придут к ней благодаря опыту, потому что они будут констатировать на практике своей борьбы пригодность коммунистических позиций, а не потому что они изучат марксизм от А до Я.

Именно участвуя в борьбе рабочих, обозначая классовые средства, методы, цели, сражаясь с противниками классовой борьбы, коммунисты продемонстрируют, что они лучшие борцы за дело пролетариата, истинные солдаты революции. Но для этого необходимо не дать поглотить себя переоценкой случайностей, временных ситуаций, крайностями локальной ситуации и даже личной жизни. Диалектически, чем больше абстрагируешься от случайностей данной ситуации, тем легче связать экономическую борьбу с общими историческими интересами пролетариата. Благодаря диалектико-материалистическому видению действительности и движения различных социальных сил, коммунисты должны уметь анализировать случайности, специфические ситуации, своевременность момента и располагать их по отношению к общим движениям и тенденциям, чтобы затем иметь возможность извлечь из них верные указания и директивы для деятельности партии.

Формировать классовую партию, означает, следовательно, дать пролетариату организацию, способную связать повседневную и оборонительную экономическую борьбу с революционной исторической борьбой ради того, чтобы положить конец всякому классовому обществу. Историческая эволюция не нарезана на этапы, строго отделенные один от другого, каждый из которых необходимо пройти, прежде чем можно будет мечтать о переходе к этапу более высокому: этап экономической борьбы, затем этап политической, потом этап штурма государственной власти и т.д. Фактически, речь идет о стадиях борьбы, тесно и диалектически связанных между собой, которые всегда должны быть представлены в деятельности партии. Разумеется, отсюда не нужно делать вывод, что каждая листовка или малейшее выступление по случаю забастовки должно призывать к захвату власти и к установлению коммунизма! Это вся совокупность разносторонней деятельности партии должна принимать в расчет все уровни борьбы и переходы от одного уровня к другому, с тем, чтобы иметь возможность воздействовать на рабочую борьбу и содействовать ей. Без конкретного анализа конкретной ситуации - как говорил Ленин - невозможно принять правильное решение и вести партийную деятельность, которая действительно и существенно ведет к прогрессу в борьбе за освобождение пролетариата, и которая совпадает с потребностями революционной борьбы.

Вспомним элементарные понятия

Класс. Что определяет общественный класс? Система исторических интересов, основанных на условиях его формирования, его развития и на его конечных целях. Класс определяется его исторической программой.

"Слово класс, которое марксизм сделал своим, - читаем в "Нитях времени" (1) - то же самое во всех современных языках: латинских, германских, славянских. В качестве "существа" социо-исторического, именно марксизм вначале ввел его, даже если его и использовали прежде. Это термин латинского происхождения, но он служит для обозначения того, что для римлян "classis" обозначало флот, военную эскадру: понятие было, следовательно, в понятии комплекса единиц, действующих вместе, двигающихся в одном и том же направлении и выступающих против одного и того же врага: его сущность - это движение и борьба, а не (как в созвучии всякой бюрократической ...) "классификация", которая принимает вследствие этого статический смысл... Класс, следовательно, означает движение, борьбу, историческую программу, а не отдельную колонку реестра переписи населения. Говорить о классе, который еще должен был бы найти свою программу - это произносить бессмысленную фразу: именно программа определяет класс".

Каждая крупная историческая эпоха характеризуется господствующим способом производства, производственными и социальными отношениями, который из него вытекают и классами, которые определяются и противопоставляются друг другу этими отношениями. Каждое новое общество заставляет признать себя революционной борьбой, завоеванием экономической и политической власти революционными классами данной эпохи, т.е. классами, которые свои непосредственные и свои исторические интересы делают носителем нового способа производства. Переход от одного общества к другому всегда проходит через фундаментальные исторические разрывы, как с экономической, так и с политической точки зрения, через **революции**.

Класс современного пролетариата является носителем преодоления капиталистического способа производства и всех его социальных отношений, так же как и преодоления всякого деления на общественные классы. Именно исторические условия утверждения капиталистического способа производства (обобществленного производства, универсального способа производства, технологического развития) и образования обездоленного класса, пролетариата, ставят общество перед самым большим противоречием: противоречием между общественным характером производства и частным присвоением продуктов этого производства. Капиталистическое общество делает, с одной стороны, из большей части населения обездоленных, тогда как с другой стороны, оно делает из незначительного меньшинства этого населения монопольного обладателя всех богатств, созданных обездоленными. Благодаря этой монополии, защищаемой всей мощью государства, господствующий класс буржуазии может безостановочно извлекать прибавочную стоимость из наемного труда.

Класс свободных наемных работников представляет собой социальное и политическое

кое утверждение буржуазии, выражая одновременно необходимость свержения последней и трансформации капиталистической экономики в коммунистическую. Класс наемных работников выражает, еще в большей степени, чем любой другой предшествующий класс в истории человечества, пределы современного классового общества и непреодолимый антагонизм между классами этого общества. Антагонизм между общественным характером производства и частной формой присвоения реализуется через межклассовую борьбу, которая в развитом капиталистическом обществе принципиальным образом противопоставляет комплекс интересов буржуазии и пролетариата.

Этот антагонизм может исчезнуть лишь в обществе, которое не основывается более на способе производства, предусматривающем деление на классы. Это новое общество рождается в результате борьбы классов доведенной до конца, до коммунистической пролетарской революции, которая разрушает политическую власть буржуазии для того, чтобы иметь возможность затем приступить к экономической трансформации общества, революции также интернациональной, поскольку интернациональным является господство буржуазии и буржуазный способ производства. Переход к коммунистическому обществу требует свержения диктатуры буржуазии и установления диктатуры пролетариата во время окончательной борьбы между классами. Класс пролетариата будет последним из господствующих классов, поскольку после осуществления перехода к коммунистическому обществу, основанному на общественной экономике и удовлетворении человеческих потребностей, а более не на экономике рынка и прибыли, не будет больше никакой основы для господства одного класса людей над другими и для существования аппарата этого господства, начиная с самого государства: **классовое общество** уступит место **обществу всего рода человеческого**.

Классовая борьба. Во всех обществах, разделенных на классы (которых не было в примитивном коммунистическом обществе), борьба между классами задает ритм экономического и социального развития.

Не марксизм открыл борьбу классов; буржуазия уже пришла к этому выводу. Но марксизм довел следствия классовой борьбы до крайних выводов: борьба за завоевание власти и установление пролетариатом своей диктатуры в качестве необходимого пункта перехода для окончательного преодоления классового общества и установления общества коммунистического (переход человечества от предыстории к истории). В соответствии с марксизмом, пролетариат - это **единственный революционный класс** капиталистического общества, единственный, борьба которого может привести к освобождению не только его самого, но и всего человечества.

Исторической целью пролетарской борьбы является, следовательно, коммунизм, освобождение всего человечества от капиталистического способа производства, от подчинения законам рынка и каторге наемного труда, конец войнам и нищете, которые являются его следствием. Товары, деньги, наемный труд исчезнут в новом способе производства, ориентированном на удовлетворение потребностей всего человечества. Социальная гармония и деятельность, полезная всему человеческому коллективу, заменят рыночную анархию, виды деятельности, зачастую социально вредные, навязанные поиском прибыли и всеобщей конкуренцией всех против всех. Из невыносимого наказания труд, источник бо-

гатства для одних капиталистов, но необходимый для того, чтобы не впасть в нищету, станет первой из видов человеческой деятельности, источником развития и действительного обогащения как для индивида, так и так и для всего общества. Общественные отношения будут такими, что будет достаточно посвятить очень малое количество часов общественному производству, освобождая, таким образом, время необходимое для полного развития человеческих способностей, науки, искусства и наслаждению жизнью. Именно тогда сможет реализоваться лозунг: от каждого по способностям - каждому по потребностям.

Классовая партия. Качественный скачок, определяемый трансформацией общества в планетарном масштабе, требует предварительного соединения экономических, социальных и политических факторов, которые на определенной стадии своего развития и при их определенной комбинации, формируют динамичную материальную базу для начала революционного цикла.

Марксизм, единственная революционная теория современной эпохи, определяет фундаментальную характеристическую черту всего революционного кризиса следующим образом: посредством своей борьбы против других классов общества, пролетариат присоединяется к своей политической программе, к своим историческим целям, к классовой партии, коммунистической партии (Манифест 1848г.). Эта борьба стремится изменить соотношение сил в пользу пролетариата, сначала через защиту своих непосредственных интересов (в экономическом, социальном и политическом плане) и организацию классовых объединений для защиты этих интересов и доходит затем, в ходе своего развития, до постановки вопроса о политической власти. Она выражает необходимость того, чтобы непосредственная оборонительная борьба преодолела все пределы, совместимые с буржуазным обществом и возродила цели, методы и средства борьбы, несовместимые с социальной консервацией, поддержкой политического господства буржуазии и устойчивостью капиталистического способа производства.

Пока пролетариату не удастся развернуть свою борьбу до постановки вопроса о власти, он не может приступить к его экономической и социальной трансформации и остается пленником - как и все остальное человечество - буржуазных производственных отношений. Именно классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, начатая более двух веков назад в Англии и во Франции, показывает необходимость революционной ломки современного общества. Завоевание капитализмом всего мира, создание мирового рынка, привели к тому, что эта историческая необходимость стала единственным выходом для всего человечества. В отличие от того, что произошло в ходе предыдущих исторических переходов между различными способами производства, невозможно, чтобы более высокий способ производства начал развиваться внутри старого общества до того момента, когда, в силу приобретенного могущества, он может разбить старые отношения, которые стали препятствием для него. В условиях капитализма его производственные силы сами, на определенной стадии развития, объективно ставят проблему ликвидации капитализма. И тогда проблема, которая ставится - это проблема централизованной политической борьбы, которая обладает силой разбить оплот буржуазного общества, буржуазное государство, а затем установить новую государственную власть, еще более централизуя и развивая борьбу, для того, чтобы распространить ее в интернациональном масштабе, вплоть до свержения власти буржуазии в последней стране мира и до установления власти международного про-

летариата, единственного способного начать и довести до конца всемирную социально-экономическую трансформацию.

Чтобы иметь возможность руководить этим историческим революционным движением, на которое способен только международный рабочий класс, необходим особый политический орган. Речь идет о классовой партии: политической организации, которая базируется на исторических целях пролетариата, а не на его сиюминутных экономических интересах, которая выводит свою программу и свои принципы, которые должны быть реализованы в будущем, а не предназначены для сохранения настоящего, которые действуют в современном классовом обществе для того, чтобы упразднить все классы, а не поставить новый господствующий класс вместо старого, которая использует в течение всего исторического периода борьбы пролетариата вплоть до разрушения всякой классовой власти, какова бы ни была степень остроты борьбы между классами, цели, методы и средства в полном соответствии с конечной революционной целью. Классовая партия, коммунистическая партия в марксистском значении этого слова, представляет собой **единственную** возможность, которой исторически обладает пролетариат для руководства своими революционными классовыми действиями в обществе, где он не обладает ничем, кроме своих цепей, т.е. возможностью давать эксплуатировать свою рабочую силу. В этом смысле и при условии, что она сохраняет полное соответствие своих действий с коммунистической программой, классовая партия является для пролетариата **всем**, потому что она – ключ к его будущему окончательному освобождению. Классовая партия представляет в настоящем будущее движения рабочего класса, потому что она представляет собою осознание революционной цели и потенциальную возможность руководства пролетарской борьбой против буржуазии как перед, так и после взятия власти, также как и руководство процессом социально-экономической трансформации старого общества, переходом от капитализма к коммунизму. И в то время, когда общество перейдет от нишей стадии коммунизма к высшей, государство исчезнет со всеми пережитками классового господства; сама же классовая партия трансформируется в простой орган управления производством и распределением в обществе, где в конечном итоге будет реализован старый принцип: *от каждого по его способностям, каждому по его потребностям*, и где царство **необходимости**, уступит, наконец, место царству **свободы**.

Исторический опыт борьбы пролетариата продемонстрировал необходимость того, чтобы его борьба доводилась до завоевания власти для того, чтобы стало возможным изменение общественных отношений; он показал, что необходим переход посредством этапа классовой диктатуры, и что все реформистские и постепеновские альтернативы были иллюзорными; и он показал также, что класс, и в частности его партия – революционная марксистская партия, единая, интернациональная и интернационалистская – должна быть готовой и **подготовленной**, когда откроется революционный период, который поколеблет капитализм не в одной стране, но, потенциально, и во всем мире.

Классическая марксистская последовательность, следовательно, исторически подтвердилась:

- История человеческого общества – это история классовой борьбы. Современное буржуазное общество, вышедшее из упадка общества феодального, не уничтожило антагонизмы между классами. Оно лишь заменило старые классы новыми,

поставило новые формы угнетения вместо старых. В то же время современная буржуазная эпоха отличается тем, что классовые антагонизмы упрощены: все общество имеет тенденцию к расколу на два больших враждебных лагеря, на два больших прямо противостоящих друг другу класса, класс буржуазии и рабочий класс или пролетариат. Пролетариат проходит несколько этапов своего развития. Его борьба против буржуазии начинается с его возникновения. Рабочие образуют коалиции против буржуазии, объединяются для защиты своей заработной платы; с этой целью они создают постоянные объединения. Эта борьба выливается в бунты. Иногда рабочие берут верх, но все это временно. Настоящим результатом их борьбы является не непосредственный успех, а их возрастающее объединение. Вся классовая борьба – это борьба политическая. Организация пролетариев в класс, следовательно, в партию, постоянно разбивается конкуренцией рабочих между собой, но она постоянно возрождается вновь. Пролетарское движение – это движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, низший слой общества, не может подняться, не взорвав всю надстройку, представляющую слои, формирующие официальное общество. Борьба пролетариата против буржуазии вначале носит национальный характер, если не по сути, то по меньшей мере формально. Естественно, что пролетариат каждой страны должен с самого начала покончить со своей собственной буржуазией. Напоминая самые общие этапы пролетарского движения, мы последуем за гражданской войной, более или менее скрытой внутри современного общества, до того момента, когда эта война выливается в открытую революцию и когда пролетариат устанавливает свое господство, посредством насильственного свержения буржуазии (все это пересказ “Манифеста” Маркса-Энгельса 1848г.).

- Движение класса свободных наемных работников, борющихся за защиту своих экономических интересов и которые разворачивают эту борьбу посредством организации пролетариата **в класс а, следовательно, в партию**, вплоть до постановки вопроса о власти.

- Революционное движение класса, руководимое коммунистической партией для завоевания политической власти и установление диктатуры пролетариата. *“Политическая форма именно пролетарской революции, – пишет Амадео Бордига в цитированной выше “Нити времени” – это диктатура. Не диктатура персональная, разумеется, но диктатура классовая. Эта последняя составляет свои собственные самобытные органы, руководящие органы власти на стадии интенсивной борьбы. Диктатура сословия могла бы идентифицироваться с “внутренней демократией сословия”, диктатура революционного класса это что-то гораздо менее банальное, формальное, повод для колебаний тупого подсчета голосов. Она определяется силой и руководством этой силы: нужно говорить не то, что она строит социализм при условии, что она является настоящей диктатурой, но что она является настоящей пролетарской диктатурой, когда она идет к коммунизму”.*

- Защита пролетарских ассоциаций экономического типа и институтов диктатуры пролетариата против атак класса буржуазии, еще активной и желающей вос-

становить свое господство; революционная война внутри бастионов, захваченных рабочим классом и вне их для того, чтобы поддержать революционные движения и распространить революцию на все страны; международная организация партии и экономических объединений пролетариата, независимых от коллаборационизма и находящихся под влиянием, если не под руководством революционных коммунистов.

- Вмешательство пролетарской власти в социально-экономическом плане для реализации перехода от капиталистического способа производства к социалистической системе.

- Полное превращение существующего способа производства в коммунистический способ производства сможет реализоваться лишь в мировом масштабе, следовательно, после победы во всех странах пролетарской революции. В передовых капиталистических странах трансформация капиталистического общества в общество коммунистическое может осуществляться более быстрыми темпами, чем в других местах, и это ускорение облегчит победу революции в странах, еще находящихся под господством капитала.

- Попыток свергнуть власть пролетариата и реставрировать власть буржуазии будет достаточно, и они будут тем более резкими, чем более пролетарское движение будет распространяться в международном масштабе. Необходимость диктатуры пролетариата, опирается, прежде всего, на тот факт, что старые классы не исчезнут в одно мгновение после победы революции, но организуют свое сопротивление силами, многократно увеличенными перспективой своего окончательного исчезновения. Только политическая власть, основательно централизованная и прочно опирающаяся на революционный класс, может мобилизовать и использовать наилучшим способом все силы и все ресурсы в этой внутренней и внешней войне против власти враждебных классов и в социально-экономической реорганизации по направлению к коммунизму.

"То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом – утверждает Энгельс в своем "Анти-Дюринге" (2). Объективные чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начинают вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые или в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Совершить этот освобождающий мир подвиг - таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения".

Деятельность классовой партии с целью вырвать пролетариат из-под влияния оппортунизма и направить его к возобновлению пролетарской классовой борьбы

Отношение между классовой партией и пролетариатом, материальные корни которого находятся в развитии противоречий капиталистического общества, имеет свой вектор в движении класса как на экономической, так и на политической почве. Представляя общие исторические интересы рабочего класса, – в том числе и его собственное угасание в качестве класса – коммунистическая партия концентрирует в своей политической программе весь революционный процесс вплоть до взятия власти в международном масштабе и после него: она выражает в своей деятельности постоянную связь между борьбой по защите своих непосредственных интересов – экономических и социально-политических – и общей революционной борьбой. Партия не может состоять ни из всей массы класса, ни даже из его большинства; и она не может также состоять исключительно из представителей рабочего класса, ввиду того, что "перебежчики" из других классов, в том числе из враждебного класса, оказываются привлеченными его деятельностью, охватывающую все общество. Именно случай с интеллигенцией может дать ценный и необходимый вклад в понимание, пропаганду и распространение марксистского учения.

В течение долгого периода пролетариат находится под влиянием, в том числе и организационным, политическим и профсоюзным оппортунизма, т.е. тех сил, которые, опираясь единственно на почву экономической борьбы, выражают согласие между классами и, следовательно, сохранение буржуазного общества. С повседневной социологической точки зрения пролетариат является в эти периоды лишь **классом для капитала**, работником наемного труда и производителем прибавочной стоимости. Поскольку он не обладает ничем иным, кроме собственной рабочей силы, пролетариат полностью зависит от капиталистов, от вершков и корешков их экономики, кризисов и войн буржуазного общества.

Для того чтобы бороться против капиталистов пролетариат может рассчитывать лишь на свои собственные силы, на силу своей численности, на силу своих организаций. Когда эти пролетарские организации, независимые от буржуазии, терпят поражение, конкуренция между пролетариями берет верх, и каждый из них оказывается в одиночестве, пытается найти индивидуальное решение для своего выживания. Пролетариат, следовательно, имеет жизненную необходимость в **классовых** организациях по защите своих непосредственных интересов для повседневной борьбы сопротивления капиталистической эксплуатации, также как он имеет жизненную необходимость в классовой партии для революционной политической борьбы.

"История всех стран, – утверждает Ленин в своей книге "Что делать?" – свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.е. убеждение в необходимости объединения в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т.п." Это максимальный уровень, который пролетариат может достигнуть стихийно, и история показывает, что можно существенно отступить от этого уровня; именно это и произошло в десятилетия, которые последовали за

поражением русской революции и Коммунистического Интернационала, десятилетия, в ходе которых он вновь отдал свою судьбу в руки буржуазии, с помощью желтых, католических или фашистских профсоюзов.

После второй мировой войны, в тексте 1951г. (3) мы писали: *“Даже там, где капиталистический тоталитаризм, казалось бы, заменен демократическим либерализмом, профсоюзная динамика продолжала развиваться непрерывным способом к полному контролю со стороны государства и к своему включению в официальные административные структуры. Фашизм, диалектический реализатор прежних чаяний реформизма, осуществил их, начиная с юридического признания профсоюзов таким способом, что он может быть обладателем коллективного договора с хозяином предприятия, до действительного заключения всего профсоюзного аппарата в структуры власти класса буржуазии”*.

Вот почему мы назвали **трехцветными** послевоенные профсоюзы с их фундаментальной ролью *“в деле защиты и сохранения капиталистического строя, именно потому, что влияние и использование профсоюзных объединений – это необходимый этап для всякого революционного движения, руководимого коммунистами”*, которое делает из них одно из самых трудных препятствий для возобновления длительной и всеобщей классовой борьбы. Остается фактом, что если пролетариату не удастся подняться со своими собственными силами на уровень тред-юнионизма к открытой борьбе против хозяев и их интересов, он еще в меньшей степени может подняться до высшего уровня всеобщей классовой борьбы, политической борьбы за свержение власти буржуазии и установление своей собственной власти.

С другой стороны развитие борьбы пролетариата, если она распространится на почву экономической борьбы, не может быть достаточным для ее механической трансформации в революционную политическую борьбу. Активное вмешательство классовой партии в эту экономическую борьбу необходимо для того, чтобы **внести в ряды класса** революционную теорию и прошлый опыт классовой борьбы, для **установления прочного и эффективного контакта** с наиболее боевыми и восприимчивыми отрядами пролетариата и распространения коммунистической пропаганды и установок классовой борьбы в рядах рабочего класса.

Именно этот случай, соединение партии и класса – революционная теория – и пролетариат, борющийся за свои классовые интересы, даст возможность развития этой борьбы в революционном направлении. Буржуазия, следовательно, всегда пыталась – и до сегодняшнего дня ей это удавалось – захватить как организации профсоюзного типа, так и рабочие партии. Этому захвату благоприятствовало, в частности в промышленно развитых странах, использование всей гаммы мер реформистского содействия и профилактики для наемных рабочих и всей серии социальных амортизаторов, стремящиеся к созданию нового резервного типа экономики, *“которая предлагает небольшую наследственную гарантию, которая, в некоторой степени, аналогична гарантии ремесленника и мелкого крестьянина; работник имеет, следовательно, что-то такое, что он рискует потерять, то, что (явление уже отмеченное Марксом, Энгельсом и Лениным в том, что касается так называемой рабочей аристократии) делает его колеблющимся или даже оппортунистом в период профсоюзной борьбы и, еще хуже, в период забастовки и восстания”* (4).

Переход классовой партии к врагу во время процесса деградации большевистской партии и Интернационала, санкционировал самое жестокое поражение, которое когда-либо знал пролетариат. От Парижской Коммуны до победы русского Октября прошло 46 лет. После деградации международного коммунистического движения (1924-1927) прошло уже 70 лет, и, исходя из современного соотношения сил между классами, пройдет еще много лет до начала нового революционного цикла. Поражение пролетариата открыло очень долгий период межклассового сотрудничества, участия пролетариата, ценой своей крови и энергии, в сохранении буржуазного строя. Это межклассовое сотрудничество нашло прочную материальную базу в этих *“экономических резервах”*, в этих *“социальных гарантиях”*, которые в самых развитых странах глубоко развратили целые поколения пролетариата.

Нет недостатка в борьбе рабочих в эти периоды, включая борьбу широкую и длительную. Но эта борьба не выходила за пределы совместимые с политическим и экономическим господством капиталистической системы. Демократия, этот метод управления буржуазного класса, глубоко проник в борьбу рабочих, в деятельность и идеологию рабочего движения. Реформизм, новый или классический, в качестве левого крыла буржуазии, вышел из демократии и полностью себя с ним отождествляет. Именно по этой причине рабочее движение должно стремиться к разрыву с демократией и, следовательно, реформизмом для того, чтобы иметь возможность утвердить свои классовые интересы.

Реформизм, или, если угодно, сотрудничество между классами, был основным агентом замкнутости пролетариата в границах, совместимых с интересами буржуазии; и он еще и сегодня им является, даже если, в силу своей истрепанности, ему нужно *“обновиться”* тем или иным способом. Когда стихийность рабочего класса становится более угрожающей для его интересов, действия различных образований крайне левого толка – реформистская левая – и церкви, присоединяются к действиям классического реформизма для того, чтобы восстановить ситуацию и защитить демократическое политическое обрамление общества.

Долгий период межклассового сотрудничества привел к тому, что он объективно давит громадной тяжестью на движение рабочего класса, делая чрезвычайно трудными даже повседневные действия по защите условий жизни и труда. Годы отказа от классовой борьбы, саботажа ее коллаборационистскими организациями, чрезвычайно ослабили и деморализовали пролетариат, в такой степени, что сделали невозможным для него быстро отделяться от бюрократии, продавшей патронажу и буржуазному государству, и открыто противостоять всеобщему разрушению условий жизни и труда, с которыми он столкнулся в течение последних лет.

Пока господствующий класс будет иметь возможность достаточно обильно использовать экономические резервы и социальные амортизаторы, которые составляют материальный фундамент реформизма, и пока демократические, легалистские и представительские привычки, укоренившиеся десятилетиями коллаборационизма, не будут разбиты социальными взрывами, которые разнесут на куски *“кровавый пакт”*, заключенный когда-то между пролетариями и демократическими буржуа, пролетариат не сможет обновить тело и душу прямой и непосредственной **классовой борьбой**. Нет необходимости планировать, рассчитывать, изучать в деталях эту борьбу и ее характерные черты: она является результатом все более обостряющихся и, в конце концов, неустрашимых противоречий капиталистического

общества, которые неизбежно должны будут найти выход во вспышках социальной борьбы.

Сознание необходимости классовой борьбы не живет в голове каждого пролетария: оно находится в классовой партии, связанной с историческим процессом, который ведет к мировой революции. *"Партия проиграна для революции, пока она не может рассчитывать на борьбу широких масс. Но эти массы не войдут в борьбу, поскольку в этом случае они избавились бы от культурного и экономического влияния буржуазии тогда, когда невозможно даже мечтать об этом. Они будут бороться, потому что их неизбежно будет подталкивать к этому контраст материальных производительных сил, не ставший еще сознанием борцов, и еще менее научной культурой!"* — писал Бордига в уже упомянутой "Нити времени".

Классовая партия опирается, следовательно, на эги толчки, созданные материальными производительными силами; ее задача состоит не в том, чтобы обучить каждого пролетария или большинство из них значению марксистской теории и коммунистической программы. Но в том, чтобы **внести** революционную теорию внутрь класса, извне экономической борьбы, для того, чтобы сориентировать ее к перерастанию в **борьбу классовую**, т.е. в политическую борьбу, которая, которая стремится разорвать все связи, привязывающие пролетариат к классу буржуазии и его институтам. Классовая партия действует так, чтобы вырвать самые боевые слои пролетариата из-под влияния коллаборационизма, из-под демократического и легалистского паралича, для того, чтобы они смогли **реорганизоваться, в классовом понимании этого слова, на почве экономической борьбы**. Без этого качественного скачка, без этого разрыва между пролетариатом и буржуазией, возобновление классовой борьбы во всеобщем масштабе и объединение рядов пролетариата невозможно.

Примечания

(1) Речь идет о статье "Танец марионеток: от сознания к культуре", опубликованной в "Il Programma Comunista" № 12, 1953. Это была третья из серии статей, написанных Бордигой против французской группы "Социализм или варварство". Диссидентствующая троцкистская группа "Социализм или варварство" утверждала, что в России существовал новый способ производства и новый, непредусмотренный марксизмом, господствующий класс: "бюрократический капитализм" и "бюрократия". 3 статьи (первые две были "Батрахомомахия" ("Война мышей и лягушек" — по имени древнегреческой комической поэмы неизвестного автора, представляющую собой пародию на "Илиаду" Гомера) и "Пародия на практику") были повторно опубликованы на французском языке в журнале "Programme Communiste" № 94, 95, 96.

"Нити времени" представляет собой серию статей А. Бордига, посвященных разъяснению проблем современности на основе извлечения уроков прошлого. Статьи были разделены на две части: "Вчера" и "Сегодня".

(2) К. Маркс, Ф. Энгельс Соч., изд. 2-е, Политиздат, М. 1961, т. 20, стр. 295.

(3) Речь идет о докладе на партийной конференции в Риме в 1951г., появившемся затем в концентрированном виде в статье "Теория и практика в марксистской доктрине".

(4) Там же, см. также "Платформу партии" 1945г., вновь опубликованную в "Il Comunista" № 21-22 (январь-апрель 1992г.).

Оценка современной ситуации и перспектива формирования классовой партии

Чтобы сделать краткую оценку современной ситуации, лучше всего будет сослаться на работу по программному и политическому оформлению, осуществленному левым крылом Коммунистической Партии Италии, преобразованной в конце второй мировой войны в *Интернационалистскую коммунистическую партию (Battaglia Comunista)*, из которой, в результате раскола в 1952г., родится партия, к которой мы себя причисляем.

В *"Послевоенных перспективах и их связи с платформой партии"*, работе, опубликованной в октябре 1946г. (1), можно прочитать:

"Революционный авангард пролетариата ясно понимает, что за военной ситуацией в настоящее время последовала ситуация всемирной диктатуры класса капиталистов, гарантированная связным организмом крупнейших государств, которые отныне лишили всякой автономии и всякого суверенитета второстепенные страны а также многих из тех, которые прежде считались "великими державами". Эта великая всемирная политическая сила выражает попытку организовать по единому плану неумолимую диктатуру буржуазии, скрывая ее под формулой "Организации Объединенных Наций" и "Совета безопасности". Она была бы эквивалентна, если бы она достигла своей цели, самому большому триумфу направления, которое еще недавно называли **фашизмом**, и которое, согласно диалектике истории, побежденные оставили в наследство победителям".

Если фашистские государства в военном плане и были разбиты, то фашизм, поскольку он выражал в самом законченном виде тенденцию к все большей централизации, в политическом и экономическом плане, власти буржуазии, вышел из войны победителем.

"Основная перспектива революционных марксистов состоит в том, что этот единый организационный план буржуазии не может получить долгую жизнь, потому что головокружительный темп, который он сообщил управлению всеми ресурсами и всеми видами человеческой деятельности, вместе с безжалостным порабощением масс производителей, сам приведет к новым конфликтам и новым кризисам, к столкновениям между противоположными социальными классами и, внутри себя, из диктаторской буржуазной обстановки, к новым империалистическим столкновениям между огромными государственными колоссами.

Теперь, когда война закончена, нельзя, тем не менее, предусматривать, что этот сложный цикл может разворачиваться очень быстрым способом; и даже если политическая действительность последнего времени говорит о несостоятельности мирных конгрессов, о непреодолимых конфликтах, и позволяет предвидеть, что на место нового всемирного организма или "супергосударства" попытаются возродиться сферы влияния или крупные блоки союзных государств в их гибельном равновесии, в настоящий момент можно предвидеть, что сам размах военных ран, предназначенных для излечения, и размах территории, которые все это предоставляет организации капиталистов, дадут возможность для победы ком-

промисса”.

Компромисс, и на самом деле, победил в форме **всемирного русско-американского кондоминиума**, действительного сотрудничества под прикрытием видимости “холодной войны”, которое имеет в качестве напарника сотрудничество между классами, которому буржуазные рабочие партии, партии - сторонники антифашистского сопротивления и возврат к демократии и их профсоюзные производные, посвятили все свои силы. Это социальное сотрудничество базировалось, указывает другой базовый документ партии (2), на “новом методе, стремящемся к планированию экономики” и который “составляет по отношению к классическому неограниченному либерализму, отныне преодоленному, форму **самоограничения капитализма** и [который] приводит к нивелированию извлечения прибавочной стоимости вокруг среднего значения”. Эта государственная экономика, объединяя реформистские меры и весь ряд социальных амортизаторов, на которых выстраивается солидный фундамент послевоенной демократии, не представляет собой принципиальный разрыв с фашизмом; он составляет на самом деле “**комбинирование умелого социального реформизма и использования неприкрытого вооруженного насилия для защиты государственной власти**. Все эти примеры не являются также показательными, но германский фашизм, столь безжалостный в деле уничтожения своих противников, обеспечил очень высокий средний уровень жизни и исключительное техническое руководство, и когда он установил военные ограничения, он взвалил их также, в неожиданных пропорциях, и на имущие классы”.

Вмешательство государства в экономику, даже с целью создания “государства провидения” означает неизбежно усиление **государства-полицейского**: “Чем больше вмешательства [государства], и чем больше регламентаций, тем больше контроля и тем больше полицейских”. Послевоенная демократия – это не возврат к старым либеральным формам капитализма, а неотъемлемая часть **тоталитарной фазы сверхразвитого капитализма**, той, которую Ленин называл империалистической стадией. Но если на этой “тоталитарной стадии пропорция кинетического использования буржуазного насилия возрастает по отношению к насилию потенциальному, общее давление на пролетариат, однако, не увеличивается, а уменьшается”. Что приводит к выводу величайшего значения:

“Именно поэтому окончательный кризис классовой борьбы получил историческую отсрочку”.

В 1989г., с “падением берлинской стены”, в мире окончательно завершился долгий период русско-американского кондоминиума, в течение которого крупные блоки государств, объединенные в НАТО и Варшавский Договор, противостояли друг другу, а одновременно и **защищали** международный капитализм против любых революционных атак пролетариата. Сталинизм, а затем и оппортунистические течения, которые за ним последовали на почве политического и социального реформизма, межклассового соглашательства, политического и профсоюзного посредничества, на протяжении десятилетий обеспечивали контроль над международным рабочим классом и его мобилизацию на защиту национальной экономики, т.е. капитализма.

Крушение Организации Варшавского Договора и расчленение СССР с неизбежностью открыли период великой нестабильности для пресловутого “Мирового порядка”. Имен-

но самая сильная структура, США, унаследовала задачу обеспечения мировому капитализму **общих условий** накопления и валоризации капитала. Синхронный мировой экономический кризис 1974-75гг. закрыл долгий “послевоенный” период и открыл период, который мы назвали тогда “**предвоенным**”.

Кризис 1987-1989гг., который вызвал развал советского блока, открыл новую фазу в этом периоде, в ходе которого формы “самоограничения”, о которых говорилось в ранее цитированном тексте, стали еще более важными в силу изменения межимпериалистических отношений. Для капиталистической системы еще важнее становится создание альянсов, нахождения форм солидарности, необходимых для своей защиты, т.е. которые позволяют наиболее мощным империалистическим государствам максимально смягчить потрясения и кризисы и переложить их последствия на наиболее слабые страны, рискуя сыграть роль пожарников, одержимых манией поджигательства, устанавливая “планы спасения” и прочие “линии обороны”, если обрушение этих последних рискует воздействовать в ответ на крупные капиталистические метрополии. Очевидно, что этот тип солидарности и международных соглашений ни коим образом не может разрешить фундаментальные противоречия капитализма, даже если, в условиях отсутствия на политической сцене классового пролетарского движения, они действительно способствуют их ослаблению, их смягчению и отдалению во времени их разрушительных воздействий на социальный мир и, следовательно, еще большему отдалению начала последней войны между классами.

Выравнивание нормы прибавочной стоимости имело, однако, в качестве следствия уменьшение материальных возможностей поддержки всей обширной гаммы *социальных амортизаторов* последовательно используемых в течение десятилетий экономической экспансии после последней мировой войны. Это истощение ресурсов, предназначенных господствующим классом индустриальных стран для покупки социального мира посредством уступок трудящимся классам, неизбежно вызвало кризис реформистских организаций, будь они профсоюзные или политические: они находили в этом “зерне, предназначенном для помола” (если использовать это любимое выражение Бергерона, руководителя французского архиколлаборационистского профсоюза Рабочая Сила) материальную основу для обоснования своего преобладающего контроля над рабочим классом. Этот кризис реформизма – сталинистского или социал-демократического образца – проявился в реальном уменьшении его влияния на пролетариат, как продемонстрировали это несколько эпизодов в течение последних пятнадцати лет. Было бы, однако, абсурдным, делать вывод об открытом и решительном разрыве между реформизмом и хотя бы некоторыми слоями пролетариата, даже если неоспоримо, что не существует больше для этих слоев прочной связи, которая их соединяла прежде с классическими реформистскими организациями. Суровая экономическая реальность все меньше позволяет реформизму показывать себя в глазах всей пролетарской массы в качестве поставщика уступок, “вырванных” у буржуазии; его способности и его радиус действия уменьшается, и реформизм все более пытается концентрировать свои усилия на определенных, более благоприятных для воздействия слоях пролетариата, более интегрированных в механизм распределения крох, падающих с банкета буржуазии, более заинтересованных, следовательно, в хорошей работе экономики и предпринятия. Традиционные реформистские организации, без сомнения, все больше пытаются ограничиться ролью рупора интересов этих слоев, традиционно называемых “рабочей ари-

гократией": в то же время, зона влияния реформизма в целом остается гораздо более широкой, потому что она опирается на **консервативную стихийность**, которую повседневная капиталистическая реальность питала и, не смотря ни на что еще питает через социальные амортизаторы, которые все еще существуют, и еще значительную способность господствующего класса соглашаться на некоторые преимущества, делать некоторые уступки некоторым слоям, категориям или элементам, для того, чтобы разделить рабочий класс и парализовать его действия.

В анализе ситуации, помимо предвидения развития межклассовых противоречий, мы должны, следовательно, добавить перспективы политического порядка относительно кризиса рабочего реформизма и реформизма буржуазного.

В общих чертах мы можем набросать следующую схему, которая резюмирует составные части нашего анализа, проиллюстрированного и определенного в нашей прессе и определить некоторые направления:

1. Экономический кризис 1974-75 гг., который одновременно поразила все промышленно развитые страны, завершил период экономической экспансии так называемого "послевоенного" периода. Долгему периоду экономической стагнации, последовательности рецессий и более или менее контролируемых подъемов последовал период, который мы назвали "предвоенным".

2. Вместе с биржевым кризисом 1987 г. и развалом советского блока в 1989-1990 гг., блок государств, зависимых от России и сама Россия были низведены к положению полукосной западными капиталистическими гигантами. Долгий мировой контрреволюционный период завершился, иллюзия "социалистического лагеря" исчезла. **Великое признание** пришло, наконец, из Москвы и других столиц ее бывших сателлитов: в странах так называемого бывшего социалистического лагеря экономическая и социальная структура одинаково капиталистические. А мы добавим, не только капиталистическая, но и отсталого типа по отношению к экономическим структурам наиболее мощных западных государств.

3. Буржуазия заявила, что падение берлинской стены и крах Советского Союза открыли период "великой разрядки", под знаком "нового мирового порядка", под покровительством НАТО и Соединенных Штатов. Падение восточноевропейских режимов, воссоединение Германии и разрушение СССР были не результатом мировой войны, а серьезного экономического кризиса, который из хронического после 1975 г. стал острым в последний период. Геополитические потрясения были следствием отдельной экономической войны между империалистическими блоками в течение десятилетия, которая была выиграна без необходимости перехода от империалистической **политики** к империалистической **войне**.

4. "Великая разрядка" в действительности неизбежно обречена уступить место будущим нескорошим межимпериалистическим столкновениям. Вместе с падением СССР начался новый раздел мира. Война в Персидском заливе, война местная, но империалистическая, высветила механизмы контроля над этой "зоной ураганов" и тот факт, что все сколь либо значительные капиталистические страны не могут не быть вовлечены в конфликты, затрагивающие интересы регионов жив-

ненно важных для мировой экономики. Война в Югославии была следствием исчезновения империалистического равновесия, рожденного из последней мировой войны, и она вскрыла наличие буржуазных противоречий крайней напряженности на этой ограниченной территории и существование расхождений в интересах крупных империалистических государств. Эти жестокие противоречия, — которые выливаются в смертоносные конфликты в Африке или в Карибском море, в Азии или на Балканах — на периферии европейских, североамериканских или японского империалистических центров обречены накапливаться и способствовать образованию взрывоопасного материала в мировом масштабе.

5. Вопреки тому факту, что мировая буржуазия опробовала к настоящему времени в течение десятилетий эффективность различных форм "самоограничения", которые дали возможность некоторого "контроля" капитализма и обеспечила производство некоторой "средней" прибавочной стоимости, она не может избежать не только периодических кризисов перепроизводства, но и всеобщего кризиса, который неизбежно приведет ее к третьей мировой войне.

6. В том, что касается экономических кризисов, которые неизбежно поражают капитализм, стало возможным констатировать сокращение цикла, который в среднем стал менее пяти лет. Это не должно заставить нас упустить из виду, что современный капитализм стал инерционной исторической силой, способной всерьез противостоять не только экономическим, но и глубоким социальным кризисам. В то же время экономические циклы, которые толкают капитализм к всеобщему катастрофическому кризису, составляют реальную основу созревания социальных противоречий, которые не могут быть ни окончательно, ни на долгий период под контролем господствующего класса. Межимпериалистические противоречия, обостряющиеся всеобщим кризисом перепроизводства, будут толкать буржуазию к подготовке мировой войны, единственному средству для того, чтобы привести к исчезновению затоваривания рынков посредством разрушения огромных масс капитала, товаров и людей и для того, чтобы вновь в очередной раз начать цикл бешеной экономической экспансии.

7. Буржуазная перспектива "нового мирового порядка" (для марксистов, следовательно, нового империалистического раздела мира) заключает в себе как тенденцию к созданию чего-то вроде единой всемирной организации, где были бы представлены все империалистические державы как административный совет гигантского многонационального предприятия, так и тенденцию к воссозданию противостоящих государственных блоков, как это уже происходило и как это неизбежно произойдет в преддверии мировой войны. При капитализме, пишет Ленин в своей работе об империализме, "интеримпериалистические" или "ультраимпериалистические" союзы являются всегда лишь передышками между двумя войнами, **какова бы ни была форма этих союзов**: будь то форма одной коалиции против другой, или форма **всеобщего союза всех империалистических держав**. Мирные союзы готовят войны, которые рождаются из них; те и другие взаимно определяют друг друга и производят, на той же самой почве всемирных экономических отношений, чередование мирных и немирных форм борьбы (3).

“Новый мировой порядок” будет продуктом мировой войны, которую готовят союзы между империалистическими державами. Ленин писал также, что развитие империализма приводит к колонизации целых наций небольшими группами великих держав. В послевоенный период мы показали, как ряд буржуазных государств, в том числе старые великие империалистические державы, были приведены на положение вассалов той или иной коалиции, господствовавшей в мире в этот период. Но в ходе десятилетий экономической экспансии эти государства, в частности, Япония и Германия, смогли постепенно отвоевать себе сильные позиции и изменить в значительной степени зависимое положение, в котором они находились (и еще находятся в том, что касается вассалов Соединенных Штатов, тогда как вассалы СССР освободились от опеки своего старого патрона).

8. Следовательно, мы охарактеризовали период после кризиса 1974-75 гг. как предвоенный; в то же время мы отрицаем, что можно извлечь из работы, сделанной партией на эту тему, вывод, что начало мировой войны является близкой перспективой, что даже в некотором роде она “уже началась” во время Ирано-иракской войны или войны в Персидском заливе. В действительности мы подчеркивали, что замедленные темпы, которые характеризовали развитие экономического кризиса 1974 г., определяют долгое и извилистое зарождение мировой войны, рассчитанное не на годы, а на десятилетия. Мы утверждаем, в частности, что мировая война не начнется, прежде чем экономический кризис не поразит в самое сердце цитадели империализма и не породит жестокие социальные конфликты внутри них. Будущее хранит для нас новые экономические кризисы, новые эпизоды “локальных” конфликтов, которые не будут еще всеобщим кризисом и непосредственной прелюдией мировому конфликту.

9. В плане организации национальных государств появились явления, которые еще недавно казались совершенно невероятными: в своей хаотической форме центробежная тенденция распада наиболее слабых государств оказалась фундаментальной характеристикой капитализма. На тенденцию центростремительную, тенденцию собственно империалистическую объединения в военно-политические блоки и картели, ответила обратная тенденция не только нестабильности этих группировок, но и фрагментации национальных государств. Дезинтеграция СССР, Югославии — и явления подобного типа проявляются и в других регионах мира, где государственные образования недавние и хрупкие — основываются, на самом деле, на переходе от национальной систематизации, базирующейся на соотношении сил и разделе мира, произошедшего в результате последней войны, к новому разделу мира, к новому соотношению сил, которое еще только формируется.

10. Не существует другого “нового мирового порядка”, кроме того, который может лишь породить новый всемирный конфликт: только лишь силой может быть установлен новый стабильный раздел мира и длительные стабильные отношения между различными капиталистическими державами. Не “мир” царит в промежутке между войнами, но всеобщая и все более активная конкуренция между различными центрами капиталистического накопления, а в конечном итоге, между государствами для того, чтобы восстановить, удержать или увеличить свой кусок рын-

ка, свои зоны влияния и свои позиции в империалистической иерархии.

11. Позиция партии по отношению к военным приготовлениям и самой войне не изменились по сравнению с указаниями, данными Коммунистическим интернационалом и защищаемыми Левою: империалистическая война может быть разгромлена или **остановлена** только пролетарской революцией. Отсюда вытекает позиция **революционного поражения** по отношению ко всем фронтам, каков бы ни был крестовый поход, объявленный буржуазией для вербовки пролетариата (защита демократии, цивилизации, родины, религии и т.д.). Революционное поражение в военное время опирается на революционное поражение мирного времени, которое конкретно означает: **нет защите национальной экономики или отдельного предприятия, нет защите национальных институтов и национального государства, нет парламентскому и демократическому коллаборационизму, нет союзу с оппортунизмом.**

Классовый антимилитаризм включает организованную борьбу и использование пролетарского насилия. В особенности он противопоставляет себя пацифизму и всем формам ненасилия, которые являются лишь вариантами мелкобуржуазных позиций, в действительности имеющие целью политическое, тактическое и организационное разоружение рабочего класса. Позиция партии не изменяется по отношению к военной интервенции крупных, средних или малых капиталистических держав с “гуманитарными” целями. Пролетариат никогда не должен солидаризоваться с буржуазией, даже под предлогом прийти на помощь населению, терзаемому войной; он обладает лишь одним способом для вмешательства против войны, против резни или эксплуатации беззащитного населения: классовая борьба, которая является единственной почвой, которая дает ему **реальную** возможность влияния на ситуацию, изменять ход событий, сражаясь с **причинами** войн, резни и несчастий, выпадающих на долю всего населения. Призыв к интервенции крупных международных организаций (ООН или ... НАТО!) может сыграть на руку лишь исключительно буржуазным интересам и является столь же антипролетарским, как и призывы к вмешательству, военному или невоенному, своей собственной буржуазии. Пролетариат империалистических государств имеет совершенно особенную задачу противостоять империалистической политике и возобновить открытую антикапиталистическую борьбу: **Нет отправке войск, даже под предлогом “мирной операции”, нет предоставлению ресурсов на империалистические операции, нет внутреннему социальному миру, нет социальному сотрудничеству, пусть даже замаскированному под “гуманитарную” акцию** по отношению к населению, которого буржуазия, на протяжении долгой истории, колонизовала, истребляла или эксплуатировала!

12. Изменение ситуации с экономической точки зрения, изменение международного равновесия, крушение движения, вышедшего из сталинизма, все эти факторы способствовали кризису буржуазного и рабочего реформизма. Мы называем буржуазным реформизмом социальную политику, которую вели и которую сознательно ведут правительства капиталистических государств. Эта политика, впрочем, была делом как демократических, так и фашистских правительств, в той мере, в

какой ее целью является не более справедливое распределение, а достижение соглашения с рабочим классом или, по крайней мере, с некоторыми из его слоев.

Рабочий реформизм — это политика уступок, которые оппортунистические организации пытаются получить от буржуазных правительств для того, чтобы пролетарская масса дала свое согласие на благоприятное функционирование экономики, и с которой она отворачивается от борьбы. В целом, оппортунизм находится в оппозиции тогда, когда буржуазный реформизм, от которого он зависит, постоянно присутствует в правительстве при демократическом режиме. Фундаментальный принцип рабочего реформизма состоит в том, что можно улучшить капитализм, уничтожить его “негативные” стороны, вызванные “плохой политикой”, не разрушая его, следовательно, без революции. Быть в оппозиции означает для него служить занозой для политической и экономической власти национального капитализма, ради которого он устраняет наиболее острые противоречия. Но рабочий реформизм имеет также открыто провозглашаемой целью получение доступа в правительство, для того, чтобы иметь возможность реализовать, наконец, реформы, которые он предлагает. Он распространяет иллюзию возможности бесконфликтной и безболезненной эволюции капитализма и улучшения условий жизни и труда пролетариев посредством их подчинения правильно понятым требованиям национальной экономики.

Во время кризиса рабочий реформизм укрепляет свои связи с буржуазной властью и становится агентом режима экономии, навязываемого пролетариям, распространяя иллюзию, что подчинение пролетариата позволит если не получить улучшений, как в предшествующий период, то избежать еще более многочисленных и мучительных жертв. Во время войны реформизм заключает с центральной властью стальную пакт ради защиты родины, приводя в действие **священный союз**, вербуя рабочий класс на защиту капитализма, дело, которому пролетарии вынуждены приносить себя в жертву.

Политические партии, которые принимают программу и деятельность реформизма, в действительности политически являются **буржуазными** партиями, даже если они наряжаются в рабочие или цвета левых организаций, и на этом основании с ними необходимо бороться. Крушение сталинистского движения оставляет свободное место, которое завтра попытаются занять другие партии и движения, рекламируя себя под новыми названиями, может быть более “революционными”, но имеющими ту же природу.

13. Позиция классовой партии по отношению к методам буржуазного правительства ясна и окончательна: **никакой поддержки демократическим формам, даже перед лицом “фашистской угрозы”, никакой поддержки борьбе за переход от фашистских или диктаторских форм правительства к формам демократическим.** Партия пролетариата сражается против всех форм буржуазного правительства; она сражается против всех иллюзий по отношению к “рабочим правительствам” или “правительствам левых сил” и противопоставляет себя любому союзу с силами, которые предлагают подобные цели. Пролетариат не может ничего достигнуть, опираясь на одну из фракций буржуазии (предполагаемую фракцию

демократическую или прогрессистскую) против другой (именуемую правой или фашистской), так же как он не может ничего достигнуть, опираясь на один военный буржуазный альянс против другого. Единственное правительство, для которого он должен сражаться — это его классовое правительство, сформированное на развалинах буржуазного государства, диктатура пролетариата.

Полностью отвергая мистификации Пекина или Москвы по поводу их так называемого “социалистического” характера, коммунисты сумели принять революционный характер великой борьбы и антиколониальных войн, которые в течение нескольких десятилетий, прошедших за последней войной, вырвали из-под непосредственного господства старых колониальных держав большинство населения планеты и породили молодые капиталистические центры. Этот великий цикл антиколониальной борьбы завершился без того, чтобы в какой-либо момент пролетариат крупных капиталистических государств, находящийся под постоянным господством оппортунизма, нашел в себе силы соединиться с этой борьбой и сделать из нее трамплин для интернациональной классовой антикапиталистической борьбы, в соответствии со стратегией, которую Коммунистический Интернационал, до своей сталинистской деградации, надеялся реализовать.

14. Наиболее традиционный рабочий реформизм социал-демократического типа уже давно трансформировался в открытого сотрудника буржуазии; эта трансформация является свершившимся фактом, необратимым начиная со времени первой мировой войны, когда партии II Интернационала выстроились на стороне своей буржуазии в “священном союзе” и после раскола внутри них между революционерами (коммунистами) и противниками революции.

Рабочий реформизм действует двумя способами по отношению к массам трудящихся: политическим, посредством избирательных компаний, функция которых состоит в том, чтобы лучше приковать пролетариат к демократическим механизмам буржуазной консервации, заставляя верить его, что это единственный способ изменить или, по крайней мере, модифицировать действия государственной власти; социальным, для того, чтобы представить себя как единственную силу, способную прийти на помощь пролетариату или руководить им в деле защиты его повседневных непосредственных интересов и избежать того, чтобы он восстановил на этой почве свою классовую организацию.

Рожденные трехцветными (по цвету французского государственного флага — прим. перев.), современные профсоюзы и вместе с ними буржуазные “рабочие” партии могут развиваться лишь в пределах рамок буржуазных институтов; вся их политическая и организационная структура отвечает единственной цели реализовать примирение между классами; именно поэтому рабочее движение, с того момента, когда оно восстановится на классовой почве, обнаружит их в качестве своих **противников.**

Специфическая функция контроля масс пролетариата, выполняемая рабочим реформизмом, не означает, что он должен достигнуть консенсуса со всеми, вплоть до последнего пролетария. Капитализм постоянно разделяет пролетариев в соответствии с формулой войны всех против всех; империализм, отмечал Ленин: “*илле-*

ет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата" и он цитировал многочисленные отрывки, в которых Маркс и Энгельс раскрывали это явление по отношению к Великобритании (4). Именно через этот привилегированный слой – рабочую аристократию – буржуазия оказывает влияние и подкупает широкие массы. Рабочий реформизм делается активным агентом этого деления между пролетариями, которое является грозным препятствием для всякого совместного действия класса; а точнее, именно получая поддержку от верхних слоев в деле буржуазной консервации, он с самого начала выполняет свою роль контроля всей пролетарской массы: оппортунизм большую часть времени очень мало заботится о низших слоях пролетариата и даже широких масс, если речь не идет о терминах избирательной компании или ... охраны общественного порядка!

15. Это факт, что профсоюзы в развитых капиталистических странах имеют тенденцию все меньше и меньше объединять большинство рабочего класса для того, чтобы довольствоваться организацией высших слоев, рабочей аристократии. Из этого факта классовая партия не делает вывод, что не следует больше участвовать в этих профсоюзах, или что пролетарии, которые в них состоят, должны из них выйти для того, чтобы создать новые профсоюзы, руководимые коммунистами. Исторический опыт учит, что только борьба пролетариата порождает необходимость в стабильной классовой организации по защите рабочих интересов. Коммунисты не являются создателями профсоюзов, они не могут искусственно заменить собой действие пролетарских масс, которые лишь одни могут дать жизнь новым организациям профсоюзного типа; их задача – участвовать в этом действии для того, чтобы влиять на него, руководить им, организовывать его в классовом смысле, но только реальный ход классовой борьбы определит формы восстановления органов защиты непосредственных интересов пролетариата.

"Профсоюзы – говорит один из наших текстов (5) – составляют, и вне всяких сомнений в течение долгого периода составляли, фундаментальную основу борьбы за раскрытие революционной энергии пролетариата. Но это было возможно только тогда, когда классовая партия всерьез работала внутри него для того, чтобы переместить точку приложения своих сил от целей мелких и случайных к всеобщим классовым целям". А другой текст (6) объясняет: "Профсоюзы, кто бы ими ни руководил, всегда собирают элементы одно и того же класса, поскольку они являются профессиональными экономическими ассоциациями. Очень может быть, что организованные пролетарии выберут представителей не просто умеренной, но и определено буржуазной тенденции, и что руководство профсоюза подпадет под влияние капиталиста. Профсоюзы, в то же время, останутся состоящими исключительно из трудящихся; следовательно, никогда нельзя будет сказать то же самое, что и по отношению к парламенту, а именно, что они могут иметь лишь буржуазное руководство".

Это не мешает тому, что профсоюзные организации должны быть проанализированы в определенном историческом контексте, в частности потому, что буржуазия в современную эпоху никогда не принимала политику ликвидации всякого проф-

союзного движения, в том числе при фашизме. После второй мировой войны, даже в странах, которые не были затронуты фашизмом, и где демократический либерализм казался наиболее прочно установленным, "профсоюзная динамика продолжала непрерывно развиваться к полному контролю со стороны государства и к включению в официальные административные структуры. Фашизм, диалектический реализатор старых реформистских устремлений, выполнил стремление к юридическому признанию профсоюза таким способом, что он смог обладателем коллективного контракта вплоть до действительного включения всего профсоюзного аппарата в структуры классовой власти буржуазии.

Это фундаментальный результат для защиты и сохранения капиталистического режима именно потому, что влияние и использование профсоюзных ассоциаций является необходимым этапом для всякого революционного движения, руководимого коммунистической партией" (7).

16. Вместе с крушением гигантского и лживого здания "реального социализма" и мифа о "социалистическом лагере" оппортунизм сталинского происхождения потерял свои прочные идеологические, политические и пропагандистские ориентиры (и порой значительную материальную основу), и это немало способствовало эрозии его влияния на пролетарские массы. Это ослабление, которое было причиной появления потребности в "обновлении", в "переменах", в изменении названий, лидеров, организационных структур, политических программ и т.д., затронуло в различных формах, во всех странах, организации подобного типа. Перед исчезновением мощных идеологических и политических ориентиров, поддерживаемых существованием так называемых "социалистических" стран, реформизм не имел никакой другой возможности, кроме как еще более прямо и непосредственно вернуться к пошлой буржуазной идеологии, слегка подкрашенной расплывчатыми радикальными речами и типичными мелкобуржуазными предрассудками: национальной гордостью, возвеличиванием гражданства, лавочной и пацифистской солидарностью, шовинистическим духом превосходства, межклассовым демократизмом, хвалой духу предпринимательства или государственному руководству, и т.д., все категории, которые буржуазная пропаганда превозносит с пафосом и неизбежным демократическим соусом.

Даже на профсоюзной почве, на почве повседневной жизни и проблем трудящихся, крушение мифов "социалистического планирования" и "национальных путей к социализму" в тот момент, когда исчезал миф о растущем благополучии и непрерывном возрастании уровня жизни, нанесло жестокий удар по престижу и идеологическому влиянию профсоюзов и оппортунистических организаций. Но, тем не менее, оно оставило их опорой буржуазных политических и экономических институтов, потому что господствующий класс полностью сознает необходимость иметь прямые и безопасные отношения с "представителями трудящихся", будучи уверенным, что именно он определяет рамки этих отношений и диктует в них свои условия. И в период экономических трудностей условия хорошо известны: рабочая сила должна становиться более **податливой**, она должна, как качественно, так и количественно, приспосабливаться к все более суровым требованиям рынка.

С увеличением податливости трудящихся растет неуверенность в занятости и заработной плате, возрастает безработица и неуверенность в завтрашнем дне, возрастает нищета. Параллельно с этой деградацией положения широких масс, церковь, и в более общем случае религия, приходит для того, чтобы заполнить "пустоту", оставленную отступлением реформизма, в частности сталинистского происхождения. Активизм, вновь признающий официальные религии среди молодежи, на социальной почве и т.д., особенно католической церкви, отвечает на распространение сект, начиная от фундаменталистских мусульманских лиг среди обездоленного населения арабского происхождения, до сект самого фольклорного содержания.

17. *"Классовое сотрудничество – это смерть революционной энергии"*, разъясняет наша статья *"Сила, насилие и диктатура в классовой борьбе"*, и продолжает: *"Демократия – это сотрудничество классов на словах, фашизм – это сотрудничество классов на деле. Мы находимся в самом разгаре этой исторической фазы"*. В истории капитализма фашистская, тоталитарная фаза последовала за фазой либеральной; вопреки видимости современная демократия соответствует этой тоталитарной фазе, а не возврату к либеральной фазе. Но в отличие от фашизма в "фашизированной" демократии, которая царит в настоящее время во всех империалистических государствах, существуют формы свобод, движений, организаций, выражения, необходимые для того, чтобы парализовать пролетариев демократической ложью и избирательными иллюзиями.

Бороться против классового сотрудничества, т.е. против оппортунизма, опирающегося на привилегированные слои, означает бороться против отказа от защиты общих и непосредственных интересов пролетариата как класса, эксплуатируемого капитализмом. Борьба рабочих, которая как на почве самой непосредственной борьбы, так и на почве борьбы всеобщей и политической, против хозяев или против государства, может иметь шансы на успех, только если она не зависит от политики и действия межклассового сотрудничества. Или защита классовых интересов пролетариата, с использованием классовых методов, средств и целей - или защита классовых интересов буржуазии, скрываемых за интересами предприятия, региона или нации.

18. Мы вновь напомнили, что профсоюзы составляли и, без всякого сомнения, составляют фундаментальную основу борьбы за развертывание революционной энергии пролетариата: *"Профсоюз по специальности, даже если он эволюционирует в сторону промышленного профсоюза, находит свои пределы в той мере, в какой могут существовать различия интересов между различными профессиями или группировками трудящихся. И эти пределы принимают более четкий характер в той мере, в какой общество и капиталистическое государство проходят через три последовательные фазы капитализма, переходя от запрета профессиональных ассоциаций и забастовок к терпимости к автономным профсоюзным организациям и, в конечном итоге, к их завоеванию и их включению в систему буржуазного государства"* (там же). Это означает, что в капиталистическом обществе непосредственные интересы рабочего класса (а это верно так же и для класса буржуазии) не совпадают с его общен историческими интересами, это не

одно и то же; непосредственные и исторические интересы связаны между собой диалектически, что означает также, что они могут вступать в противоречие.

Непосредственные интересы рабочего класса - это защита условий его жизни и труда в качестве особого класса существующего общества: сохранение рабочего места, заработной платы и т.д. Исторические интересы рабочего класса - это, напротив, разрушение власти буржуазии и капиталистического способа производства, исчезновение общественных классов, а, следовательно, и свое собственное исчезновение как класса, также как и других классов, и на этой основе установление нового общества.

19. Завоевание и включение в буржуазную систему профсоюзов на империалистической стадии капитализма, превратило рабочие профсоюзы в профсоюзы **трехцветные**, в **буржуазные** рабочие организации. Функция, успех, влияние этих профсоюзов на рабочий класс напрямую зависят от их интеграции в буржуазную систему, которая является необратимой тенденцией оппортунизма. Целью коммунистов не может, следовательно, быть завоевание аппарата и руководства профсоюзов, как если бы организационная структура трехцветных профсоюзов была бы в своей основе здоровой и если бы только горстка продавшихся вождей должна была быть из нее изгнана, по всей видимости, ударом палки. Эволюция структур трехцветных профсоюзов имеет тенденцию сделать все более и более трудной работу внутри них не только для коммунистов-революционеров, но даже просто для боевых пролетариев. Мы не делаем отсюда вывод, что бесполезно или опасно для коммунистов работать или вмешиваться по мере возможности в деятельность масс, организованных в профсоюзы. Отбрасывая иллюзию возможности завоевать профсоюзную иерархию или изменить ориентацию профсоюзного аппарата, как и иллюзию возможности построения новых классовых профсоюзов, коммунисты должны вмешиваться одинаково как **извне** так и **изнутри** профсоюзов с целью оторвать пролетариев от влияния оппортунизма и сориентировать их в направлении классовой борьбы. Работа коммунистов характеризуется, прежде всего, побуждением к классовой борьбе, систематичным изобличением коллаборационистских и оппортунистических действий трехцветных профсоюзов, также как распространением внутри рабочего класса перспективы, позиций и марксистской теории классовой партии.

20. Положение рабочего класса в этот долгий период империалистического буржуазного господства отмечено состоянием глубокого **отступления** в плане его способностей автономной борьбы для защиты своих элементарных интересов. Всеобщим состоянием умов пролетариата является страх борьбы, не говоря уж **оборбе классовой**, что делает их зависимыми от профсоюзного и политического коллаборационизма, когда это не бросает их в индивидуальное отступление. Только ростки социальных противоречий, ускоренная деградация условий жизни позволит пролетариям выйти из этой пропасти и вступить в открытую и непосредственную борьбу. Эту открытую и непосредственную борьбу будет необходимо организовывать, ориентировать, защищать, возобновлять и организовывать после каждого поражения. Такая работа может быть лишь делом наиболее боевых, наиболее созна-

тельных пролетариев, которые уже приобрели опыт предшествующей борьбы и научились сопротивляться поражениям. Среди этих пролетариев революционеры-коммунисты завоевывают доверие других рабочих, потому что они никогда не покидают и продолжают защищать классовые позиции против хозяев, коллаборационистов и государства, в том числе в наиболее трудных ситуациях, потому что они извлекают и распространяют итоги прошлой борьбы, потому что они не осуществляют дискриминации среди пролетариев (по их статусу, возрасту, полу, национальности, расе или точке зрения), но всегда выдвигают вперед принцип союза всех в борьбе за классовые интересы.

21. Для того чтобы сделать заключение по “профсоюзному” вопросу напомним то, что утверждается в работе **“Революционная партия и экономическое действие”**: *“За случайной проблемой для революционной коммунистической партии, работать в той или иной стране в данных профсоюзах или оставаться в стороне, составные части рассматриваемого вопроса до сегодняшнего дня приводили к заключению, что во всех перспективах революционного движения не могут присутствовать следующие фундаментальные факторы: 1) обширный и многочисленный чисто наемный пролетариат; 2) широкое ассоциативное движение экономического содержания, которое включает в себя значительную часть пролетариата; 3) сильную революционную классовую партию, в рядах которой борется меньшинство пролетариата, но которая, благодаря развертыванию борьбы, смогла прочно и в большом масштабе противопоставить свое влияние в профсоюзном движении влиянию класса буржуазии и ее власти”*.

Текст заканчивается следующим образом: *“Перспектива, описанная здесь в общих чертах не исключает, что могут встретиться самые различные эпизоды изменения, ликвидации и восстановления ассоциаций профсоюзного типа, всех этих ассоциаций, которые в различных странах связаны либо с традиционными организациями, претендующими на то, что они основываются на методах классовой борьбы, либо связаны с самыми различными методами и социальной ориентацией, в том числе консервативными”*.

22. Стихийность борьбы, материальный росток, вызванный социальным антагонизмом, который противопоставляет пролетариат, класс наемных работников, всем другим классам общества, приводит пролетариат к борьбе “третьюнионистского” типа, радикальной, даже жестокой, но не позволяющей ему преодолеть границы буржуазных социальных отношений. Без насильственного свержения власти буржуазии пролетариат не может ни изменить, ни упразднить систему капиталистических отношений производства, которые являются причиной его эксплуатации. Именно об этом напоминает наша партийная программа в своем третьем пункте, возобновляя принятую в 1921г. программу Коммунистической партии Италии. Пункт 4 утверждает:

“Необходимым инструментом революционной борьбы пролетариата является классовая партия. Объединив в своих рядах самую передовую и самую решительную фракцию пролетариата, Коммунистическая партия объединяет усилия трудящихся масс, направляя их от повседневной борьбы за частные интере-

сы и случайные результаты ко всеобщей борьбе за революционное освобождение пролетариата. Партия ставит в качестве своей задачи распространение революционного сознания в массах, организацию материальных форм и методов действий, руководство пролетариатом в процессе борьбы”.

Классовая партия, которая основывается на революционной марксистской теории, имеет, следовательно, в качестве своей задачи выведение пролетариата за пределы экономической борьбы, за пределы совместимости с капиталистической системой, за пределы использования избирательной демократии, организуя и направляя революционную борьбу для того, чтобы разбить политическую власть буржуазии.

Использование революционного насилия необходимо для того, чтобы ответить на систематическое использование насилия государством и силами буржуазии. Никогда буржуазия мирным путем не оставит власть; она может временно передать ее в руки реформистов, чередуя ее с правительством правых; она может потерять ее вследствие своего поражения в гражданской войне, но она попытается вернуть ее с удвоенной жестокостью. Контрреволюция, которая последовала за временно победоносными революционными попытками, всегда была особенно жестокой: чем большей была опасность для буржуазии, тем более жестока ее контрреволюция. Использование насилия не является, следовательно, вопросом тактического выбора, но вопросом принципа. В той же мере единичность классовой партии является принципиальным вопросом: на том же основании, что имеется единственная революционная теория, что единственной является историческая цель, орган, необходимый для революционной борьбы, также является единственным. Для марксистов существование нескольких революционных партий, представляющих один и тот же класс, было бы столь же абсурдным, как и существование нескольких революционных теорий и нескольких коммунистических программ. Задача классовой партии – действительно объединить усилия пролетарских масс, преодолевая групповые и профессиональные интересы для того, чтобы идти к общей, генеральной, единой борьбе всего класса – и это в интернациональном масштабе, а не только внутри границ территории, завоеванных национальной буржуазией, потому что пролетариат всего мира подчинен тем же самым капиталистическим социальным и производственным отношениям.

23. **Освобождение пролетариата есть дело самого пролетариата.** Этот лозунг, который подчеркивает, что класс пролетариата обладает своими собственными историческими целями и способностью их достижения, всегда искажался сторонниками антипартийных позиций: не только анархистами, но и всеми увриеристами, сторонниками разного рода “движений”, сторонниками “стихийности” и автономистами. Если эти люди желают опереться на факт предательства пролетарских партий и их перерождения, то их позиция, которая, в конце концов, является отказом от централизации, от классовой диктатуры, от политической власти, структурированной со своими репрессивными органами, сводится в действительности к типичному демократическому и индивидуалистическому видению буржуазной идеологии. Освобождение пролетариата есть дело самого пролетариата в том смысле,

что революция возможна лишь в результате прямого участия широких масс в борьбе против сил социальной консервации, в защите революционной власти, в социальной трансформации, которую позволяет осуществить эта победа. "В то время как буржуазная демократия не имеет никакой другой реальной цели кроме как лишить широкие пролетарские и мелкобуржуазные массы всякого влияния на государственное руководство, резервируемое для крупной промышленной, банковской и аграрной олигархии, диктатура пролетариата должна вовлечь в борьбу, которую она воплощает, самые широкие слои пролетарских и даже полупролетарских масс (например, бедное крестьянство – там же)", – так пишет Бордига в своей статье 1922г. "Демократический принцип" (8).

Утверждение, согласно которому демократическая система, основанная на индивидуальном "выборе", на "сознании" каждого человека, и, следовательно, каждого пролетария, является системой, которая лучше всего обеспечивает свободное выражение и удовлетворение потребностей всех людей, самое широкое участие всех в социально-политической жизни, есть ничто иное как **колоссальное мошенничество**. Фундаментальная связь между людьми в современном обществе установлена капиталистическим способом производства, этой системой, которая приковывает гигантские массы к неумолимым требованиям накопления, производства и возрастания капитала. Капитал это не растение, которое стихийно рождается на планете и которое каждый человек может себе присвоить; он является очень точным выражением производственных отношений, отношений социальных, которые делят людей на четко различимые и противостоящие **классы**. Здесь нет демократии; нет свободного выбора, свободного выражения желаний. Есть **обязанность** для пролетариев продавать свою рабочую силу, давать себя эксплуатировать обладателям капитала. Если они не делают этого, они обрекают себя на голод и нищету. Для того, чтобы сохранить и увеличить свой капитал, капиталисты объединяются, формируют картели, тресты вплоть до того, что небольшое число олигархов приходят к контролю над рынками, циркуляцией товаров и капиталов, точно так же, как в политическом плане они контролируют руководство центрального государственного руководства. Демократический механизм бесполезен для этих крупных капиталистических групп; но он служит для того, чтобы питать миф о равенстве между гражданами, которые все якобы имеют одни и те же возможности определять политику государства и, следовательно, помешать тому, чтобы социальные антагонизмы не вышли на реальную почву открытого столкновения между классами.

24. Великие события, которые следовали друг за другом от революции 1917г. до сталинской контрреволюции, от начала мировой войны до реставрации демократических режимов, там, где они были ликвидированы, тем с большей настойчивостью привели нашу партию к повторению того факта, что демократические принцип и методы должны быть отброшены и уничтожены без колебаний. Демократия не является требованием классовой партии, это не средство облегчения классовой борьбы, не метод для защиты пролетарских интересов и, даже, не механизм, полезный для внутренней организации партии.

Единственным местом, где демократический механизм может иметь смысл и

может быть использован в определенных условиях революционными коммунистами, являются организации профсоюзного типа, все члены которого принадлежат к одному и тому же классу. "Очевидно, что в этой области численность остается решающим элементом, и что консультация с большинством имеет большую ценность", – говорит ранее цитируемая статья, но "То, что должно руководить нами в этом вопросе – это внимательный анализ процесса развития профсоюзов на настоящем этапе: речь идет об их трансформации из органов контрреволюционного влияния на пролетариат в органы революционной борьбы; и внутренние организационные критерии не имеют ценности сами по себе, но только в такой степени, в какой они имеют отношение к этой цели". И мы, в 1922г., в тот момент, когда пролетариат находился еще на классовой почве и когда он мог, потенциально, перейти к стадии революционной борьбы, и когда профсоюзы, о которых было упомянуто, были еще аутентичными классовыми организациями, даже если ими руководили реформисты.

Сегодня, когда профсоюзная иерархия интегрировалась в государственные структуры, и когда пролетариат не находится на классовой почве, нельзя даже и мечтать об использовании демократического механизма для превращения профсоюзов в органы революционной борьбы; речь скорее идет о том, чтобы не дать поймать себя в сети этого механизма, используемого оппортунизмом для того, чтобы довести боевых пролетариев до бессилия, для того, чтобы помешать дискуссии, критике, пониманию проблем рядовыми пролетариями и классовой организацией борьбы. Однако – после анализа процесса развития профсоюзов, и не только официальных, в современную эпоху – мы всегда допускаем использование демократического механизма в профсоюзной тактике. Это использование может возникнуть, если это позволяет ситуация с борьбой пролетариата, в равной степени на почве совместных действий вместе с рабочими элементами, принадлежащими к другим политическим силам, на основе точных классовых целей.

Все это не мешает деятельности партии по отношению к рабочему классу вне официальных профсоюзов, приоритетная задачей которой является критика и разоблачение соглашательства и политики сотрудничества между хозяевами, государством и профсоюзной бюрократией. В то же время задачей партии как раз и является использование всех **брешей**, открытых объективной ситуацией, всякого **пространства**, которое оставляют официальные профсоюзные организации, для того, чтобы затронуть пролетариев своими разоблачительными действиями против хозяев и против коллаборационизма, своими указаниями в борьбе, своей пропагандой общих исторических целей пролетариата. Силы партии, за пределами их численности и их эффективного присутствия, имеют задачу поддерживать и способствовать успеху всех организационных классовых попыток пролетариата или попыток по созданию ассоциаций профсоюзного типа, не ставя эту поддержку в зависимость от политической ориентации этих структур. Исходя из своей отсталости в этом отношении, исходя из тяжести десятилетий классового сотрудничества, пролетариат не сможет отвоевать почву, средства и методы классовой борьбы в одно мгновение, без долгих и трудных усилий.

25. В прошлом внутренняя организация классовой партии использовала демократический механизм и мажоритарный принцип: во время съездов принимались резолюции принятые большинством голосов, и тот же самый механизм использовался как в руководящих органах партии, так и в органах первичных организаций. Уставы регламентировали внутреннюю жизнь партии, предусматривали правила для выражения внутренних расхождений и т.д. Но работа по восстановлению интегральной марксистской доктрины, осуществляемая нашей партией привела к диалектическому преодолению не только "принципа", но и демократического механизма, сводя его использование в некоторые решающие периоды к простой "исторической случайности". В соответствии с историческим итогом борьбы и революций наше движение, восстанавливая тезисы, уже пущенные в обращение в начале двадцатых годов, в пылу русской революции, заменила формулу **демократическо-го централизма** формулой **централизма органического**.

26. Формула демократического централизма, принятая партиями Коммунистического Интернационала, никогда не поднималась на высоту принципа итальянской коммунистической Левой. Причина этого проста: демократия не является для нас принципом, заслуживающим уважения; централизм, вне всякого сомнения, таковым является, потому что основными характеристиками организации партии являются единство структуры и движения, которое может только централизм может обеспечить. В конце статьи "Демократический принцип" можно прочитать: "Термин **централизм** достаточен для выражения преэссенции структуры партии в пространстве; и для того, чтобы ввести важнейшую идею о преэссенции во времени, т.е. преэссенции цели, к которой она стремится, и направления, в котором она продвигается через следующие друг за другом препятствия, которые должны быть преодолены, лучше, для того чтобы связать в той же формуле эти две основные идеи в их единстве, мы предпочли бы сказать, что коммунистическая партия основывает свою организацию на **органическом централизме**".

В "Замечаниях к тезисам по организационному вопросу" 1964г. сказано: "Наша формула **органического централизма** не только означает, что партия это особый орган класса, но более того, что **лишь только тогда, когда он существует, класс действует как исторический организм, а не только как статистическая часть, которую готов признать любой буржуа. Согласно фундаментальной и неопровержимой исторической реконструкции Ленина Маркс говорит, что он не только не открывал существование классов, но даже и борьбу между классами; характерной чертой его оригинальной теории является диктатура пролетариата: это в точности означает, что только посредством коммунистической партии пролетариат сможет добиться своей диктатуры. Следовательно, два понятия, класса и партии, отличаются лишь количественно, поскольку партия невелика, а класс большой; но исторически и органически, поскольку только когда внутри него формируется энергетический орган, каковым является партия, класс становится самим собой и становится в состоянии выполнить задачу, которую ему диктует наша историческая доктрина**".

Для классовой партии организационные вопросы не отделены от ее исторической задачи и, следовательно, революционной цели рабочего движения. Именно с этой перспективой классовая партия преодолевает идеологические, тактические и организационные пережитки, оставленные в наследство предшествующим периодом, диалектически разрешая практические вопросы борьбы и революции. Тот же самый текст так говорит об этом: "*Замена прилагательного демократический на прилагательное органический мотивировано не только большей точностью биологического отображения по отношению к бесцветному арифметическому отображению, но так же и настоятельным требованием политической борьбы избавиться от понятия демократии. Именно сражаясь против нее, мы смогли, вместе с Лениным, восстановить революционный Интернационал*".

Понятие демократии стало отныне неспособным выразить связь во времени и пространстве деятельности партии в соответствии с духом и буквой марксистской теории; хуже того, оно носитель всех отклонений и всех видов оппортунизма. Как это часто происходит, вопрос терминологии скрывает фундаментальную проблему. История широко продемонстрировала, что демократический механизм не только полностью совместим с социальной консервацией и капитализмом, но и что именно через демократическую практику проникают и быстро распространяются в рабочем движении и в классовой партии оппортунистические перерождения. Наша партия извлекла из трагической траектории Коммунистического Интернационала и мирового революционного движения следующий урок: решительно исключено, чтобы можно было допустить, чтобы организационный принцип партии основывался бы на демократическом механизме: "*бесспорная ликвидация в жизни и деятельности партии всякого применения консультативных или избирательных механизмов на основе подсчета голосов; на их месте развертываются новые формы, отвечающие требованиям, провозглашенным со времени московских лет, органического централизма для коммунистической партии, единственного творца пролетарской революции*".

27: "Развертываются" новые формы, новые механизмы говорит вышеуказанный текст. Это означает, что эти формы и эти механизмы не являются еще окончательно установленными: классовая партия – начиная с сегодняшнего эмбрионального состояния до своего действительного формирования – в период, который идет от окончательного разложения демократических форм, "*объективного периода тотального паралича, с пролетариатом, до мозга костей зараженным мелкобуржуазным демократизмом*" ("*Замечания об органической деятельности партии ...*", 1965)(9) до периода действительного возобновления социального столкновения и классовой борьбы в большом масштабе защищает, следовательно, принципы и практику антидемократизма, но не изобретая альтернативные и оригинальные организационные формы. В плане демократического централизма ленинского типа, формулировки и уставы Коммунистического Интернационала дали все необходимое; исторические события передали нам необходимость на практике ввести централизм в его наиболее органической форме, в деятельности партии, которая должна зависеть не от периодических подсчетов персональных мнений всех акти-

вистов, как рядовых, так и находящихся в составе руководства, от избирательного соперничества между конкурирующими тезисами, соперничающими по достижению половины голосов плюс один, объявляемыми на основе этого верными, а от применения директив центра организаций, связанных с программными и политическими позициями, составляющими основы членства активистов.

Здесь нельзя иметь дискуссии по отношению к фундаментальным тезисам, характеризующим партию: тот, кто не принимает их, должен искать другую партию, более соответствующую его пожеланиям. Это не включает в себе никакого фетишизма по отношению к текстам, изданным партией (и еще менее культ личности по отношению к Амадео Бордиге, работа которого, вне всякого сомнения, была решающей в деятельности партии); привычным, наоборот, всегда было принимать их в качестве “незаконченных” работ: “Было бы абсурдным сказать, что речь идет о текстах безукоризненных, бесповоротных и неизменяемых, потому что в течение всех этих лет, напротив, мы всегда утверждали, что речь идет о материалах, находящихся в непрерывной разработке, предназначенных со временем получить все лучшую и более полную форму; впрочем, мы не перестаем констатировать все более частое внесение исключительного вклада, в полном согласии с классическими позициями *Левой*, исходящего от всей партии и даже от очень молодых товарищей” (“Неаполитанские тезисы”, п.8) (10). Но что исключено, так это персональная разработка, которая претендует на то, чтобы “обогатить” или модифицировать марксизм и уроки борьбы поколений революционеров, которые нам предшествовали. Классовая партия имеет в качестве цели не разработку новых теорий, но применение и реализацию уроков и предписаний существующей теории, марксизма. Ее цель – разрешить в реальности действия и истории “кажущееся противоречие – которое господствовало над долгим и трудным прошлым – между исторической партией, т.е. содержанием (неизменная историческая программа) и партией случайной, т.е. формой, действующей как сила и материальная практика решающей части борющегося пролетариата” (“Замечания об организационной деятельности партии ...”, п. 12).

28. Классовая партия организуется на базе неизменной исторической программы, из которой проистекает программа политическая на основе итогов, извлеченных из великих межклассовых столкновений, демонстрирующих способом, непосредственно понятным для всякого потенциального активиста, справедливость указаний марксизма. Например, было бы губительным для будущего революционного движения не принимать в расчет итоги русской революции и Коммунистического Интернационала – итоги, которые только коммунистическая Левая была способна извлечь в полном соответствии с марксизмом.

Пропась, которая раскрылась между действительно марксистскими указаниями первых двух конгрессов Интернационала и последующими отклонениями, вплоть до полного оппортунистического перерождения всех рабочих партий мира, перерождения, которое поразило даже группы оппозиционные сталинизму, но зараженные демократизмом, как, например, троцкисты, на полвека заставила отступить энергию революции. Только группы коммунистической *Левой* смогли оказать

сопротивление этому перерождению. И именно в силу этого исторического факта эти группы смогли оказаться в состоянии взяться за теоретическую работу по восстановлению марксизма против всех деформаций, навязанных оппортунизмом, и за работу по восстановлению формальной партии, в качестве фактической силы и опыта.

В “Замечаниях ...” об этом говорится так: “Именно это дает возможность (мы не говорим право) группам, вышедшим из борьбы итальянской *Левой* против перерождения Москвы, лучше всех других понять при каких условиях настоящая действующая партия, т.е. партия формальная, может оставаться верной характеристикам исторической революционной партии, которая потенциально существует по крайней мере с 1847г. и которая практически утвердилась в больших исторических разрывах через трагическую серию поражений революции” (11). Речь идет не о “наследстве”, которое необходимо воспринять, или о частном выборе, который якобы сделан вчера и который можно было бы сделать сегодня или завтра, в соответствии со своевременностью ситуации, а о политической ответственности, которую организация, имеющая характер партии, – которую мы называем **интернациональной коммунистической партией**, потому что это имя синтезирует самое лучшее, одновременно преемственность с исторической борьбой *Левой* и цель действительного создания настоящей интернациональной классовой партии – имеет сознание и волю взять на себя.

29. Формальная партия, группа борцов, которая ее составляет, подвержена, как и всякая другая сила, действующая внутри общества, последствиям соотношения сил между классами, верхами и низами борьбы классов, идеологическому и материальному давлению аппарата социальной консервации, от центрального руководства государства до формирований политического и профсоюзного оппортунизма. Именно по этой причине, как это показал исторический опыт, возможно, что, несмотря на все свои усилия партия, в неблагоприятные периоды для революционной борьбы, уступает этому давлению, переходит на сторону врага, уменьшается до незначительной группы активистов или полностью исчезает на некоторое время.

“Историческая партия” не исчезла бы, в том смысле, что теория, коммунистическая программа не изменились и не исчезли бы, как если бы они потеряли силу перед лицом новой ситуации. Формальная партия изменяется: она рождается, развивается, умирает, возрождается, испытывает расколы и т.д. Несчастье тому, кто из этого извлек бы вывод, что для того, чтобы облегчить рост и успехи партии, для того, чтобы сделать в данный момент ее действия более понятными для масс, нужно изменить, смягчить или дополнить ее теорию или программу! Все рабочие партии, которые последовали этим путем, на внешний вид, легким и плодотворным, в действительности – сознают ли это или нет их руководители – лишь уступили давлению буржуазии; и они все заканчивали так, как не могли не закончить, в руках контрреволюции и классового врага. Против оппортунистических отклонений *Левая* боролась не только в теоретическом или “идеологическом” плане; она вела эту борьбу со столь же большой непримиримостью и на почве практической: на почве

тактики, организации, отношений с профсоюзами, отношений с другими партиями, создания боевых отрядов (в период борьбы против фашизма – прим. перев.) и рабочей самообороны и т.д. Левая знала, что компромиссы в тактическом и организационном плане особенно коварны, даже когда с самого начала они кажутся не имеющими последствий, временными и ограниченными во времени и пространстве. Именно через “небольшие изменения”, “нюансы” в оценках, “эластичные”, а не строго определенные организационные и тактические решения оканчивали после перехода в коммунистическое движение самые худшие отклонения, вплоть до полного подрыва революционной энергии.

Так как тактические нормы деятельности партии должны быть строго определены, детерминированы соответствующим марксистским анализом и предвидением, то отсюда также вытекают и внутренние организационные нормы.

30. Постоянно ссылаясь, как и для других пунктов, затронутых выше, на тексты партии, которые очень широко охватывают все то, что мы попробовали здесь синтезировать, бесполезно будет подвести итог характерных черт формулы органического централизма.

Классовая партия организована централизованным способом на основе исторической программы, которая определяет для нее траекторию, цель и средства. Центральный орган партии руководит организацией на основе определенной и известной всей партии политической и тактической линии. Эта линия является не результатом специфической разработки товарищей или особых комитетов, отделенных от остальной организации, а результатом исторических и политических итогов классовой борьбы, революций и контрреволюций и результатом анализа, осуществляемого и проверяемого в полном соответствии с принципами марксизма.

Территориально партия организована посредством секций как в национальном, так и в интернациональном плане. Вступление в партию индивидуальное, через секции и после периода проверки, не только по отношению к великим принципам коммунизма, но и по отношению к специфической программе партии и ее практической деятельности. Ни один товарищ не отстраняется, в принципе, ни от какой формы деятельности партии и ни от какого уровня внутренней ответственности.

Партия отбрасывает не только принцип, но также и демократический механизм для того, чтобы принимать решения касающиеся всей или части организации, для отбора ответственных работников или возможного изменения деятельности. Вклад, который товарищи считают своим долгом сделать в деятельность партии, не должен принимать форму оппозиции от тезиса к тезису, как и дискуссия по сложным проблемам тактического и организационного применения не должна превращаться в демократические дебаты по конкурирующим тезисам. Классовая партия не должна прибегать к практике конгрессов парламентского типа, которые были правилом в определенную эпоху в рабочих партиях, в той мере, в какой участие активистов в коллективной работе не осуществляется больше через избирательные опросы и обсуждения “мнений”, но через однородное и органическое применение директив центра. Тем же самым способом партия отвергает свое участие в дебатах, встречах, конгрессах, избирательных опросах или совместных акциях, организо-

ванных вместе с другими партиями, даже считающими себя революционными.

Вопрос “вождей”, руководства партии, всегда был объектом сомнений и расхождений в рабочем движении. Демократический механизм, даже столь ограниченный, каким он был в формуле демократического централизма, никогда не давал прочного и неоспоримого решения проблеме выбора активистов способных к занятию ответственных постов. Достаточно вспомнить о замечаниях Ленина в своем “завещании” о Сталине и других руководителях большевистской партии, регулярно, однако, избираемых в соответствии с методом демократического централизма.

Вместе с демократическим механизмом, который является, в основном, механизмом пассивного представительства, однажды избранный руководитель с трудом освобождается от своих функций. Без сомнения демократический механизм предусматривает сменяемость постов, не переизбрание на одну должность и даже исключение в качестве наказания, но тем самым нельзя разрешить удовлетворительным способом ни проблему единства мысли и действия, ни проблему использования наилучшим возможным способом способностей и энергии, существующих в партии. Активист, получивший достаточное число голосов на выборах для того, чтобы занять ответственный пост, рассматривается как имеющий способности желательные для того, чтобы на нем работать, даже если это не так.

Формула органического централизма ставит вопрос отбора ответственных работников совершенно в другом плане, плане функциональных способностей по отношению к общим потребностям партии. Арифметическая хитрость и псевдоэгалитарная система, основанная на сумме индивидуальных мнений, заменяется результатом коллективного труда активистов, интегрированных в единую деятельность, как в ее общей ориентации, так и в ее конкретном претворении. Единство мысли и действия не дается согласием каждого из членов партии со всеми другими по всем вопросам; оно является необходимой и обязательной базой для деятельности и самого существования партии и, диалектически, является высшей целью, которую необходимо достигнуть методом, который отбрасывает противоречие между мыслью и действием, между теорией и практикой, не говоря уж о противоположности между теорией и различными видами деятельности. Отбор руководителей, следовательно, это результат совместной работы товарищей, которые ведут деятельность на различных уровнях, единую уже с самого начала; в действительности эта деятельность, так как мы ее понимаем, это результат, который история классовых столкновений, войн и революций анонимно передает этим силам, которые материальные противоречия капиталистического общества толкают к революционным задачам. Коммунистами не рождаются; ими становятся в силу комбинации объективных и субъективных факторов, через которые накапливаются уроки столкновений между классами, перерастая в “искры классового сознания”, о которых говорил Ленин. Они в свою очередь, через контакт с марксистской теорией, трансформируются в действующую силу партии, составляя субъективный фактор, формальную партию, которая конкретизирует партию историческую (историческую программу). В ситуации сильной социальной поляризации, *ионизации* классовых молекул, формальная партия развивается и усиливается благодаря преемственности, которую

группы, даже сократившиеся до крайности, смогли обеспечить как в программном и теоретическом так и организационно-политическом плане.

Работать ради этой преемственности означает сегодня работать на формирование интернациональной коммунистической партии; именно работа партии, понимаемая в вышеуказанном смысле, определяет "естественный отбор" способностей, в т.ч. индивидуальных, вождей и активистов, которые не обладают никакой свободой изменять средства тактического действия и еще в меньшей степени фундаментальные теоретические принципы. Преемственность деятельности классовой партии во времени и пространстве имеет только одну гарантию: теоретическое и практическое соответствие марксизму, теоретическая, политическая, тактическая и организационная непримиримость в применении программных принципов, в организационной однородности коллектива партийных активистов и его централизованном действии как на национальном, так и на интернациональном уровне.

Текст 1949г. так говорит об этом: *"Силы периферии партии и все ее члены в практике движения придерживаются того, чтобы не принимать по их собственной местной и случайной инициативе действительных решений, которые не исходят из центральных органов, и не давать тактическим проблемам решений отличных от решений, поддерживаемых всей партией. Со своей стороны центральные руководящие органы не могут и не должны в своих решениях и сообщениях, предназначенных для всей партии, ни покидать теоретические принципы, ни изменять в них средства тактического действия, даже под предлогом, что ситуация вскрыла неожиданные факты, непредвиденные перспективами партии. В отсутствие этих двух процессов не существует никаких подходящих уставных мер, и мы оказываемся в кризисе, многочисленные примеры которых предоставляет нам история пролетарского движения"* (12).

Однажды сформированная на своих программных основах классовая партия, не допускает образования фракций внутри себя, и еще менее фракций организованных и находящихся в "демократической" борьбе между собой.

Организационная дисциплина всех секций по отношению к центральному органу не имеет ничего общего с дисциплиной бюрократической, и если партия не копирует иерархические формы буржуазных партий, то она не копирует больше и основанной на ней бюрократической дисциплины. Дисциплина в классовой партии непосредственно проистекает из сознательного присоединения к программе и к деятельности партии; это присоединение, будучи непосредственным, сознательным и добровольным, а следовательно, органическим, естественно определяет столь же органическую дисциплину активистов по отношению к директивам центра. Нарушение этой дисциплины это знак политического разрыва с партийными установками; когда этот разрыв явный и мотивированный, его виновники автоматически ставят себя вне партии; нет никакой необходимости принимать административные решения типа исключения, достаточно принять акт, что эти активисты не являются больше частью организации. В общем случае административные меры должны приниматься лишь в **исключительном** случае; органический характер партии, ее деятельности должен быть таким, что те, кому по той или иной причине не удается

больше удерживаться на марксистских позициях, естественно удаляются из организации, в некотором роде самоисключаются.

Трудности в борьбе и деятельности партии, которые являются не только **продуктом**, но и **фактором** истории, могут вызвать ослабление сопротивляемости отдельных активистов; в некоторых случаях они вызвали перерождение целых партий. Появление разногласий в партии в самых различных вопросах, теоретических или практических, должны рассматриваться как предсказуемый и "нормальный" факт для организации, которая не видит себя вне реальности. Разногласия принимают негативное значение когда, когда они превращаются в расхождения, т.е. в политические аргументы, которые расходятся с политической линией, принимаемой до этого момента всеми членами партии.

Появление расхождений – это сигнал кризисного состояния в партии, которое, в зависимости от серьезности этих расхождений, может привести к расколу, или даже к распаду организации. Перед такой ситуацией внутренняя политическая борьба неизбежна. Она должна вестись тогда соответствующими политическими методами и средствами, без использования методов, которые составляют часть административного багажа, коммерческого или юридического соперничества, которые буржуа разрешают на базе права собственности, материальной или интеллектуальной. В ситуации политического и организационного кризиса внутренняя политическая борьба имеет в качестве цели защиту теоретического, политического, организационного и материального достоинства ее деятельности против отклонений, которые являются теоретическими и практическими атаками против марксизма. Эта защита не должна вестись на почве формальной дисциплины, демократического или индивидуалистского столкновения или использования буржуазной юстиции, даже если уклонистские силы располагаются на этой почве.

31. В современной ситуации, которая характеризуется тяжелым отступлением пролетарской борьбы, дезориентации не только рабочих масс всех стран, но также и весьма значительного большинства элементов авангарда, тяжелым постоянным кризисом международного революционного и коммунистического движения, которое все еще не поднялось из пропасти, в которую его низвергнула контрреволюция, классовая партия в формальном смысле может рассчитывать только на чрезвычайно уменьшенное число активистов.

Принципиальной задачей этого ядра революционных активистов остается повторное овладение одновременно теоретическим, политическим и организационным наследием классовых битв революционного марксизма, которые коммунистическая Левая, в частности итальянская, передала сегодняшним и завтрашним поколениям. Деятельность по формированию интернациональной коммунистической партии составляет часть этой работы, потому что чисто интеллектуальное и литературное усвоение марксизма было бы ошибочным и бесплодным. Это означает, что даже имея столь сокращенные силы партии, каковы они есть, она должна стараться оставаться в тесном контакте с рабочим классом и использовать все пробелы, открытые экономической, социальной и политической ситуацией, для того, чтобы внести свое собственное действие.

Теоретическая и политическая деятельность партии выражается в своей основе через ее печать, которая является ее **органом**, потому что она есть централизованное выражение ее действия. Силы партии организуются и усиливают свое единство вокруг работы своей газеты. Сегодня и в течение нескольких последних лет эта работа впитывает в себя почти всю деятельность партии, несмотря на вмешательство каждый раз, когда это возможно, в экономическую борьбу и политические разоблачения тысяч противоречивых аспектов капиталистической действительности и жизни буржуазии.

Пролетариат в целом, и заводской пролетариат в частности, это главная цель деятельности партии. Это не мешает тому, чтобы эта деятельность, которая касается всех аспектов социальной жизни, адресовалась всему обществу, следовательно, и другим классам, от которых отделяются иногда элементы, находящиеся в противоречии с их социальным происхождением — «перебежчики», как говорил Ленин — для того, чтобы примкнуть к революционной коммунистической партии.

Партия не может предпринимать никаких уловок, чтобы искусственно увеличить число своих членов. Исторический опыт показал, что поскольку не существует мощного классового антикапиталистического движения, революционная партия не может быть численно значительной организацией. Но он показал также, что даже в благоприятной ситуации классовая партия не будет «массовой партией» в том смысле, что для выполнения своих целей нужно не впускать в свои ряды массы пролетариата, а руководить его движением и вести его к насильственному завоеванию власти и к установлению диктатуры пролетариата.

Примечания

- (1) Французский перевод был опубликован в «Programme Communiste» № 84-85 (октябрь 1980 — март 1981).
- (2) Речь идет о статье «Force, violence, dictature dans la lutte des classes» («Сила, насилие, диктатура в классовой борьбе») из сборника «Тексты Интернациональной коммунистической партии» № 6.
- (3) «Первая «предвоенная» фаза открылась с началом кризиса 74-75гг. См. общее собрание октября 1977г., отчет о котором был опубликован в «Programma Comunista» № 23 1977г. и № 2 1978г.
- (4) см. В.И. Ленин «Империализм как высшая стадия капитализма».
- (5) См. «Force, violence, ...»
- (6) См. «Parti révolutionnaire et action économique» в сборнике «Partito e classe» («Партия и класс») (французский перевод в «Le prolétaire» № 446).
- (7) Там же.
- (8) Эта статья находится в сборнике «Партия и класс», «Тексты Интернациональной коммунистической партии № 2».
- (9) См. сборник «Défence de la continuité du programme communiste» («Защита преемственности коммунистической программы»), «Тексты Интернациональной коммунистической программы № 7».
- (10) Там же.
- (11) Там же.
- (12) «Normes d'orientation générales» («Нормы общего направления»), по вопросу организации Интернациональной коммунистической партии, написаны Бордигой и опубликованы в «Battaglia comunista» № 1, 1965.